

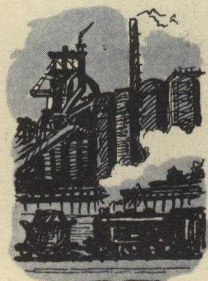
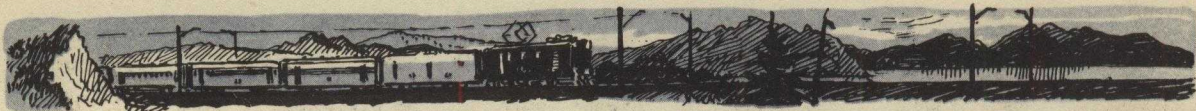
ПИОНЕР

ОКТАБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1955 год

10

В походы можно ходить не только летом. Разве не приятно ясным осенним утром в воскресенье собраться у школы и вместе с друзьями на целый день уйти в поход! Пионеры 19-й школы г. Златоуста, которых вы видите на снимке, часто устраивают такие походы. Они видели много интересного, хорошо изучили свой родной Урал.

Фото С. Карасёва.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№10 ОКТЯБРЬ 1955

В этом номере:

Саша и Шура.— Повесть Анатолия Алексина. Рисунки Б. Винокурова	2
Художник.— Стихи Джанни Родари. Перевёл с итальянского П. Грушко. Рисунки А. Кокорина	24
Приключение в лесах Бразилии. (Из записок путешественников).— Аркадий Фидлер	25
Тень земли.— Главы из неоконченной повести С. Григорьева. Рисунки П. Кузьмичёва	33
Стихи Сергея Есенина. Рисунки П. Павлинова	46
Рифмы.— Б. Шергин. Рисунок Е. Ведерникова	48
Мерген.— М. Зайцев. Рисунки В. Константинова	49
Юные авиамоделисты Сталинограда.— Л. Почивалов	54
Наша почта	55
Медведь.— Стихи Фазиля Искандера. Рисунок П. Караченцова	59
В октябре 1905 года. (Воспоминания участника первой русской революции).— А. Горчилин	60
Город с двойным дном.— Очерк К. Шнейдер	64
В мире книг	72
На широком экране.— Ю. Моралевич	76
Мастерская «Золотые руки».— Учитесь вязать. М. Гай-Гулина	78
В часы досуга	80

На обложке:
картина В. Нечитайло
«Школьница Ксюша»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Саша и Шура

Повесть Анатолия Алексина

Рисунки Б. Винокурова.

История эта случилась в позапрошлом году. Я сразу хотел записать её, но не решился. А почему, об этом вы после узнаете. А то читать будет неинтересно.

Не забудь про самое главное

Всю свою сознательную жизнь я мечтал ездить и путешествовать. Но больше всего я мечтал поехать куда-нибудь далеко-далеко без мамы, без папы и вообще без взрослых. Чтобы никто не говорил мне, что пить воду из бачка опасно (а вдруг недокипела!), стоять у открытого окна рискованно (вдруг искра от паровоза в глаз попадёт!), а переходить на ходу из вагона в вагон просто-таки смертельно.

И вот наконец моя мечта сбылась! Я поехал на поезде, да ещё один, да ещё на всё лето, да ещё не куда-нибудь на дачу, а далеко, в другой город, к мамину папе, то есть к моему дедушке.

Правда, мама попыталась с самого начала всё испортить. Она как вошла в вагон, так сразу тяжело-тяжело вздохнула, словно у неё горе какое-нибудь случилось:

— Вот приходится сына одного отправлять. Может, возьмёте над ним шефство, товарищи?

У окна, спиной к двери, стоял военный. Он был невысокого роста, но такой широкоплечий, что загоразживал всё окно, и мы сперва даже не могли увидеть бабушку, которая стояла на перроне и тихонько-тихонько помахивала одной ладошкой.

Услышав мамины слова, военный обернулся, и я увидел, что это подполковник-артиллерист. Подполковник оглядел меня так внимательно, что мне сразу захотелось поправить пояс и пригладить волосы.

— А что ж над ним шефствовать? — удивился он. — Взрослый, вполне самостоятельный парень!..

«Какой замечательный человек! — подумал я. — Настоящий боевой офицер! Вот, наверно,

сейчас скажет: «Да я в его годы!» Но подполковник ничего про себя «в мои годы» не вспомнил, а снова отвернулся к окну.

И в ту же минуту я понял, что не одни только хорошие люди на свете живут.

На нижней полке полулежала толстая, или, как говорят, полная, женщина с бледным, очень жалостливым лицом. Но я уже заметил: бывают такие жалостливые люди, на которых только взглянешь, и сразу не захочется, чтобы они тебя жалели. Женщина лежала с таким видом, будто весь вагон был её собственной квартирой и она уже очень-очень давно жила в этой квартире. А вокруг было множество всякой еды, завернутой в бумагу и засунутой в баночки.

В уголке сидел худенький мальчик. На голове у него была матроска с надписью «Витязь». А ноги его были накрыты пледом, на котором в страшных позах застыли огромные жёлтые львы.

Полная женщина (я потом узнал, что её звали Ангелиной Семёновной) приподнялась и схватила маму за руку:

— Ах, мужчины этого не понимают! Конечно, я присмотрю за ребёнком. (Так прямо и сказала: «за ребёнком».) Я его познакомя со своим Веником!

«Бывают же такие имена! — подумал я. — Веник! Ещё бы метёлкой назвали!» И громко засмеялся.

— Вот видите, как он доволен! — воскликнула Ангелина Семёновна. — Меня все дети любят, просто обожают!..

Подполковник отвернулся от окна и удивлённо взглянул на меня, точно хотел спросить: «Неужели вы и в самом деле так уж её любите?» За всех детей я, конечно, отвечать не мог, но мне лично Ангелина Семёновна не очень понравилась.

Оказалось, что Ангелина Семёновна и Веник тоже ехали в Белогорск, но каким-то «диким способом». Что это значит, я тогда не понял. Мне сразу вспомнилась школа, потому что наш математик Герасим Кузьмич часто говорил:

«Задача простая, а вы решаете её каким-то диким способом».

— Мы дикари! — сказала Ангелина Семёновна. — А это, — она нежно наклонилась к Венику, — мой маленький дикарёныш. Хочу залить его сметаной и молоком...

Я представил себе, как бледный «витязь» по имени Веник барахтается в сметане и молоке, пуская белые жирные пузыри, и снова засмеялся.

— Вы оставляете своего сына в прекрасном настроении, — заявила Ангелина Семёновна. — Он среди родных людей!

Но мама перед уходом всё-таки обратилась к подполковнику:

— Вы тоже присмотрите, пожалуйста, за моим Сашей. Ладно?

Подполковник кивнул.

Мама пожелала всем счастливого пути, поцеловала меня и пошла на перрон к бабушке.

На перроне мама сложила ладони рупором и крикнула:

— Не забудь про самое главное! Не забудь!..

И, разрушив свой рупор, погрозила мне пальцем. Подполковник, тоже глядевший в окно, конечно, ничего не понял.

А я всё понял, и у меня сразу испортилось настроение.

Как я летом двойку получил

Лишь только тронулся поезд, Ангелина Семёновна тотчас начала «шефствовать» надо мной. Прежде всего она попросила, чтобы я уступил её Венику свою нижнюю полку.

— Он у меня очень болезненный мальчик, ему наверх карабкаться трудно, — сказала Ангелина Семёновна.

— Альпинизмом надо заниматься! — усмехнулся подполковник, которого звали Андреем Никитичем.

— Веник обойдётся без посторонних советов. У него есть мама! — отрезала Ангелина Семёнов-

на. Она вообще косо поглядывала на Андрея Никитича.

А я, конечно, с удовольствием уступил нижнюю полку, потому что ехать наверху куда интересней: и на руках можно подтягиваться и в окно смотреть удобней.

На первой же большой остановке Ангелина Семёновна попросила меня сбегать на рынок.

Мне очень хотелось побегать вдоль вагонов, добежать до паровоза, посмотреть станцию, но пришлось идти на рынок. Сама Ангелина Семёновна командовала мною сквозь узкую щель в окне: «Вон там продают куру (она почему-то называла курицу «курой»). Спроси, почём кура! Ах, очень дорого!.. А вон там огурцы! Спроси, почём! Нет, это невозможно!»

В результате я так ничего и не купил. Но Ангелина Семёновна объяснила мне, что для неё, оказывается, самое интересное не покупать, а «прицениваться».

То же самое было и на второй большой остановке... А на третьей я услышал, как Андрей Никитич сказал Ангелине Семёновне не то в шутку, не то всерьёз:

— Вы просто эксплуатируете детский труд. Послали бы своего Веника, ему полезно погулять на ветерке: вон какой бледный!

Ангелина Семёновна разозлилась.

— Да, Веник — болезненный мальчик! — сказала она так, будто гордилась его болезнями. — Но зато он отличник, зато прочитал всю мировую литературу! Он даже меня иногда ставит в тупик...

— А почему это «зато он отличник»? — спросил Андрей Никитич своим спокойным и чуть-чуть насмешливым голосом. — Можно подумать, что одни только хлупики похвальные грамоты получают. Вот и Саша, наверно, хорошо учится...

При этих словах у меня как-то неприятно засосало в том самом месте, которое называют «под ложечкой».

— И мой сын — тоже отличник, — продолжал Андрей Никитич. — А такие гири поднимает, что мне никогда не поднять.

— Ну, Веник циркачом быть не собирается! — заявила Ангелина Семёновна.

С тех пор она больше не разговаривала с Андреем Никитичем. Да и со мной тоже. Она обращалась к нам только в самых необходимых случаях. Например, говорила: «Мне нужно переодеться». И мы с Андреем Никитичем выходили в коридор.

Андрей Никитич достал из бокового кармана кителя маленькие, будто игрушечные, походные шахматы, и мы стали сражаться. Я не выиграл ни одной партии. Но Андрей Никитич не предлагал мне фору, не давал ходов назад и долго обдумывал каждый ход. Мне это очень нравилось, и я сдавался с таким радостным видом, что Венику изда-

Женщина лежала с таким видом, будто весь вагон был её квартирой.

ли казалось, будто я всё время одерживаю блистательные победы.

Венику тоже захотелось сыграть в шахматы. Но я заметил, как Ангелина Семёновна наступила ему на ногу, он испуганно заморгал глазами и уткнулся в книгу.

Андрей Никитич ехал в гости к брату.

— Врачи советуют лечиться, в санаторий ехать, — сказал он. — А я на охоту да на рыбалку больше надеюсь. Вот и еду...

Я как услышал, что Андрею Никитичу надо лечиться, так прямо ушам своим не поверил. Зачем, думаю, такому силачу лечиться? Ведь Андрей Никитич в два счёта открыл в коридоре окно, которое, как говорили проводники, «заело» и которое они никак не могли открыть. Зачем же ему лечиться?

Он заметил моё удивление и сказал:

— Да, облицовка-то вроде новая, не обноси-лась ещё, а мотор капитального ремонта требует.

— Какой мотор? — удивился я.

Андрей Никитич похлопал себя по боковому карману, и я понял, что у него больное сердце.

— Если не вылечусь, перечеркнул мои боевые погонны серебряной лычкой — и в отставку. А не хочется мне, Сашенька, в отставку, очень не хочется...

Андрей Никитич заходил по коридору. Шаги у него вдруг стали медленные и тяжёлые-тяжёлые.

Потом он остановился возле окна, погрузил все десять пальцев в свои густые волнистые волосы и стал изо всей силы ерошить их, словно грустные мысли отгонял.

— Значит, соседями будем: я на следующей станции за Белогорском выхожу, — сказал Андрей Никитич.

Я очень обрадовался:

— Приходите к нам в гости. А?.. Вам ведь, наверно, гулять полезно? И дедушка у меня как раз доктор!

А ночью я вдруг проснулся оттого, что вспыхнул верхний синий свет. Я приоткрыл глаза и увидел, что Андрей Никитич ищет что-то в боковом кармане кителя, который висел у него над головой на гнущейся алюминиевой вешалке. Наконец он вытащил из кармана кусок сахара. От синей лампы и белоснежный сахар, и серебристая вешалка, и зелёный китель, и лицо Андрея Никитича — всё было синим.

«Проголодался он, что ли? — удивился я. — Вот странно: взрослый, а сладкое любит. В боевом кителе сахар таскает!» Но тут я увидел, что Андрей Никитич достал из-под подушки маленький пузырёк, стал капать из него на сахар и шевелить губами: отсчитывать капли. Потом он спрятал пузырёк обратно под подушку, а сахар положил в рот и вдруг тяжело задыхался.

И тут только я разглядел, что лицо у Андрея Никитича было очень бледное (раньше-то мне синяя лампа мешала разглядеть), а на лбу выступили крупные капли.

— Андрей Никитич, вам плохо? — тихонько спросил я. — Может, нужно что-нибудь?

— Нет, нет... Ничего не нужно, — прошептал он и через силу улыбнулся. — Спи... Тебе ведь завтра вставать рано.

* * *

Послушные паровозному гудку, тронулись и поплыли вагоны. Андрей Никитич стоял у окна и махал фуражкой. Он махал мне одному.

Я знал это. Это знала и Ангелина Семёновна. Поэтому она демонстративно повернулась к поезду спиной и стала рыться в своём синем мешочке, похожем на те мешки, в которых девчонки калоши в раздевалку сдают, только чуть поменьше. Ангелина Семёновна прятала этот мешочек под кофтой.

Сперва она вытащила сто рублей, сделала испуганное лицо и спрятала деньги обратно. Потом вынула двадцать пять рублей и снова испугалась. Наконец вытащила десять рублей и стала размахивать этой десяткой с таким видом, будто клад в руке держала. Скоро к ней подъехала телега. Возчик, небритый дяденька с папироской за ухом, оглядывался по сторонам так, словно украл что-нибудь. Лошадёнка тоже испуганно косила по сторонам своими большими лиловыми глазами.

— Тольки поскорее, гражданочка, — сказал возчик, — поскорее, пожалста...

Но Ангелина Семёновна «поскорее» никак не могла. Она очень долго устраивалась в телеге. Сперва размещала вещи так, чтобы ничего не упало, не разбилось и не запахло. Потом долго усаживала Веника так, чтобы его не очень растрясло и чтобы ноги в колесо не попали. Возчик обозвал Ангелину Семёновну «несознательной гражданочкой», со злостью хлестнул свою лошадёнку, закрипели колёса — телега тронулась.

Я огляделся по сторонам. За станцией и по обе стороны от неё была глубокая-глубокая, вся в солнечных окнах берёзовая роща. Воздух был какой-то особенный, свежий, будто только что пролился на землю шумный и светлый летний дождь. Возле реки всегда бывает такой воздух. Но самой реки не было видно: она пряталась за рощей, точно за красивым бело-зелёным занавесом.

От всей этой красоты я даже забыл придерживать пальцем крышку своего старого чемоданчика, который у нас дома называли «командировочным», потому что папа всегда ездил с ним в командировки. Чемодан раскрылся, и что-то глухо шлёпнулось на траву. Это была книга, вернее сказать, учебник... Да, учебник русского языка, грамматика. Я вспомнил про то «самое главное», о чём кричала с перрона мама. Воздух сразу перестал казаться мне каким-то особенным, и берёзы показались ничуть не лучше подмосковных.

Я достал нарисованный мамой план пути, развернул его... Развернул и вдруг почувствовал, что лицу моему нестерпимо жарко, хоть утренние лучи ещё только светили, но почти не грели. В левом углу листа моей рукой большими печатными буквами было выведено: «Моршрут Пути. Как идти к дедушке». Чей-то решительный красный карандаш перечеркнул букву «о» в слове «моршрут», букву «и» в слове «дедушки» и написал сверху «а» и «е». А чуть ниже стояла жирная красная двойка.

Кто это сделал? Я сразу понял, кто. Ведь я показывал план Андрею Никитичу, когда приглашал его к нам в гости. И мне стало ещё жарче... Но почему же он так приватливо махал мне из окна фуражкой? Почему? Догнать поезд я уже не мог. Да и не догонять нужно было поезд, а бежать от него в другую сторону, чтобы не встретиться глазами с Андреем Никитичем.

Я становлюсь Шурой

Какая разница, рассуждал я, писать ли «моршрут» или «маршрут», «велосипед» или «виласипед»? От этого ведь велосипед мотоциклом не становится. Важно только, чтобы всё было понятно, вот что важно! А какая там буква в середине стоит: «а» или «о», — это, по-моему, совершенно безразлично. И зачем только люди сами себе жизнь портят? Когда-нибудь они, конечно, додумаются и отменят сразу все грамматические правила. Но так как пока ещё люди до этого не додумались, а додумался только я один, мне нужно готовиться и сдавать переэкзаменовку.

Рассуждая таким образом, я обогнул берёзовую рощу и сразу увидел Белогорск. Городок взбежал на высокий зелёный холм. Но не все домики добежали до вершины холма. Некоторые, казалось, остановились на полпути, на склоне, чтобы немного передохнуть. «Так вот почему городок называется Белогорском! — подумал я. — Он взобрался на гору, а все домики сложены из белого камня».

Я стал тоже медленно взбираться на холм.

Чтобы не терять времени даром, я начал обдумывать план своих будущих занятий. Мне нужно было каждый день заучивать правила, делать упражнения и писать диктанты. «Диктовать будет дедушка», — решил я.

Прикинув в уме, сколько в учебнике разных правил и упражнений, я решил, что буду заниматься по три часа в день. Спать буду по семь часов, значит, четырнадцать часов у меня останется для купания и всяких игр с товарищами (если я с кем-нибудь подружусь). Ну, и для чтения, конечно. Между прочим, наша учительница говорила, что если много читать, так обязательно будешь грамотным. Но я не верил этому, потому что читал я очень много, за день мог толстенную книгу проглотить, а диктанты писал так, что в них, кажется, красного учительского карандаша было больше, чем моих чернил.

Когда я однажды высказал всё это нашей учительнице, она сказала: «Если пищу глотают, она вообще никакой пользы не приносит, её надо не спеша разжёвывать». Я не понял, что общего между пищей и книгами. Тогда учительница сказала, что книги — это тоже пища, только духовная. Но я всё-таки не понял,

Я обогнул рощу и сразу увидел Белогорск.

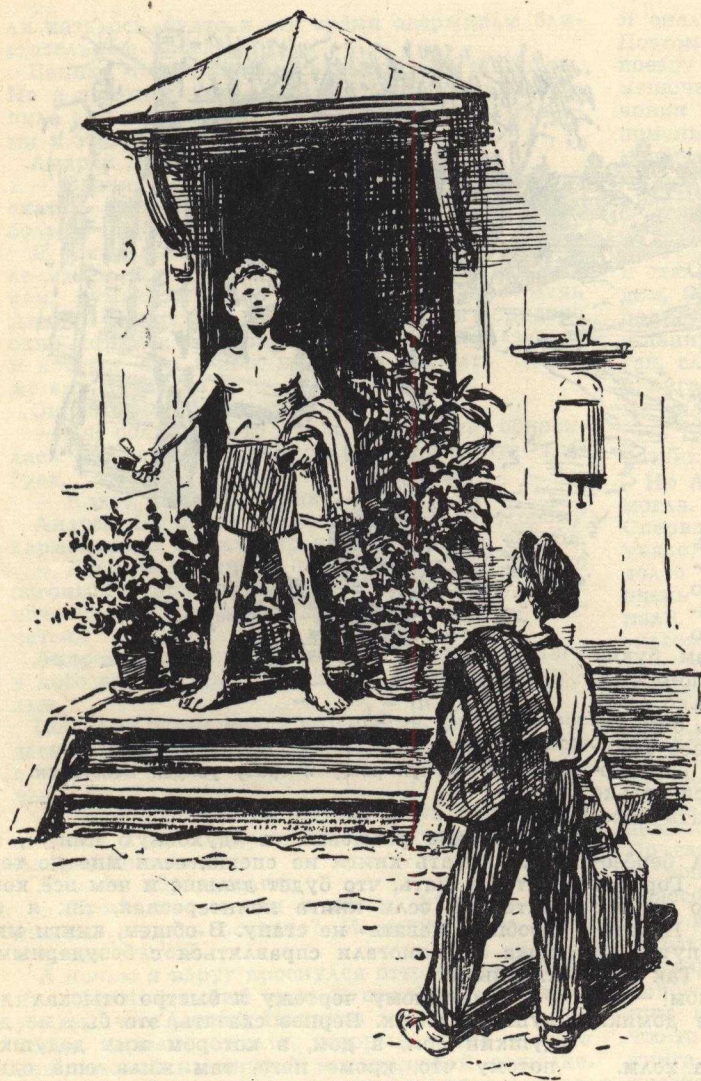
как можно разжёвывать «духовную пищу», то есть читать книги не спеша, если мне не терпится узнать, что будет дальше и чем всё кончится. А если книга неинтересная, так я её вообще «жевать» не стану. В общем, книги мне пока не помогали справляться с безударными гласными.

По маминому чертежу я быстро отыскал дедушкин домик. Вернее сказать, это был не дедушкин дом, а дом, в котором жил дедушка, потому что, кроме него, там жила ещё одна семья. Обо всей этой семье я ещё подробно ничего не знал, знал только об одной Клавдии Архиповне, которую мама называла «тётей Кланей», потому что она нянчила маму в детстве, как меня бабушка. Ещё в Москве мама предупредила меня, что дедушка не сможет прийти на станцию: он очень рано уходит в больницу, ни за что утренний обход не пропустит! Ключи он оставит у тёти Клани.

К домику вели два крыльца. Одно было пустое и заброшенное, а на ступеньках другого крыльца лежал полосатый коврик и стояли большие глиняные горшки с цветами и фикусами. Их вынесли из комнаты для утренней поливки. Конечно, здесь именно и жила тётя Кланя.

Я направился к крыльцу, но тут, будто навстречу моим шагам, распахнулась дверь, да так сильно, что стукнулась о каменную стену и отскочила обратно. На крыльцо вышел мальчишка лет тринадцати, в трусах, с полотенцем на плече.

Мальчишка, прищурив глаза, поглядел на солнце, с удовольствием потянулся, и я с грустью подумал, что, пожалуй, не решусь при нём снять майку: уж очень у него было креп-

На крыльцо вышел мальчишка лет тринадцати.

кое, мускулистое тело, покрытое ровным, красивым загаром.

Сперва мне показалось, что мальчишка вообще не заметил меня. Он преспокойно разложил на полочке над раковиной мыло, щётку, зубной порошок. И вдруг, не глядя на меня, спросил:

— Приехал?

— Приехал... — растерянно ответил я.

Мальчишка старательно намылился, повернул ко мне своё лицо, всё в белой пене, и так, зажав глаза, задал второй вопрос:

— Тебя как зовут?

— Сашей...

— Ну, придётся тебе два месяца побыть Шурой!

— Как это придётся?... Почему?

Мальчишка стал тереть зубы с такой силой, что я просто удивлялся, как они целы остались и как щётка не сломалась. Не очень-то внятно, потому что рот его был полон порошка, мальчишка сказал:

— Меня тоже Сашей зовут. Так что уж придётся тебе побыть Шурой. Чтобы не путали. Понял?

Понять-то я понял, но мне это не очень понравилось.

— Я всё-таки тоже хотел бы остаться Сашей, — тихо проговорил я.

Мальчишка от неожиданности даже проглотил воду, которой полоскал рот.

— Мало что хотел бы! У себя в Москве будешь распоряжаться. Понял? Заметив, что я растерялся, он исподлобья взглянул на меня чуть-чуть поласковой.

— Ладно, иди, Шурка, за мной. Ключи дам.

— Иду, — ответил я и таким образом принял своё новое имя.

— Только горшки не разбей, — предупредил меня Саша. — А то бабушка за эти черепки так по черепушке нащёлкает!..

Он треснул себя указательным пальцем по загорелому лбу.

— Мне за тебя бабушка всё равно нащёлкает...

— Как это «за меня»?

— Очень просто. Она мне встречать тебя приказала. А я не пошёл. Что ты, иностранная делегация, что ли? Если бы ещё от станции далеко было или дорога запутанная! А то так, ради церемонии... Здравствуй, мол, Шурочка! Ждали тебя с нетерпением, спасибо, что пожаловал! Не люблю я этого...

Квартирка состояла из двух маленьких комнат и кухоньки. Одна комната была такая солнечная, что в ней, не зажмурившись, стоять было невозможно. Другая совсем тёмная: в ней не было ни одного окна.

— Отец с матерью давно окно прорубить хотели, а я не разрешаю, — сказал Саша.

— Почему не разрешаешь? — удивился я.

— Там карточки проявлять здорово. Понял? Полная темнота!

— Понял. И они тебя послушались? Папа с мамой...

— А как же! Только бабушка сперва не соглашалась. Но я ей такую карточку сделал, что она потом каждый день стала фотографироваться.

Саша кивнул на карточку, висевшую над кроватью. С карточки придирчивыми сашиными глазами глядела на меня исподлобья сашина бабушка.

Я, между прочим, совсем не такой представлял себе тётку Кланю, которая, по словам мамы, выныла её. Я собирался увидеть добрую и очень разговорчивую старушку. А у сашиной бабушки губы были плотно сжаты, и всё лицо её было строгое и очень властное.

— Слушай, Шурка, зачем сейчас к дедушке перетаскиваться? — Саша через окно кивнул на пустое, заброшенное крылечко. — У него ещё и дверь туго открывается. Пока будем возиться, бабушка с рынка вернётся и захватит нас. Да-

вай прямо на реку махнём. А чемоданчик твой под кровать задвинем.

В это время послышался топот босых пяток по деревянным ступеням.

— Вот и Липучка явилась! — сказал Саша.

— Кто, кто?..

— Липучка! Моя двоюродная сестра. Через три дома отсюда живёт... Её вообще-то Липой зовут. Полное имя — Олимпиада, значит. Не слыхал, что ли? Это её в честь матери называли. А я в «Липучку» перекрестил, потому что она как прилипнет, так уж ни за что не отвяжется! «Везёт же! — подумал я про себя. — То Веник, то Олимпиада!..»

Липучка между тем беседовала с цветами. «Ой, какие же вы красавцы! Ой, какие же вы пахучие!» — доносились с крыльца. Но вот она появилась на пороге. Это была рыжая девочка с веснушками на щеках, с уже облупившимся, удивлённо вздёрнутым носиком. Да и всё выражение её лица было такое, будто она всё время чему-то удивлялась или же чем-то восторгалась.

— Ой, докторов внук приехал! — вскрикнула Липучка, как будто она с нетерпением ждала меня и наконец-то дождалась. Тогда я ещё не знал, что она вообще каждую свою фразу начинает со слова «ой!»

— Пошли на реку! — скомандовал Саша.

Запирая дверь, он шепнул мне:

— Вообще-то женщин во флот брать не полагается. Но уж приходится. А то ведь такой визг поднимет! Да и команды у нас не хватает...

— В какой флот? — не понял я.

— Там увидишь!..

У реки Белогорки

Белогорка была довольно широкой и на вид очень добродушной рекой: она беззаботно петляла между зелёными холмами. Над берегом нависла песчаная глыба ржавого цвета, словно огромная собака тянула к реке свою лохматую морду. А под глыбой на песке лежал широкий деревянный настил. Он был весь разноцветный, потому что сколочен был из разных брёвен: белых — берёзовых, рыжих — сосновых и зеленовато-серых — осиновых...

— Наш плот! — гордо сообщил Саша. — Сами построили!..

— Значит, у вас не флот, а плот? — уточнил я. Липучка вдруг захохотала:

— Ой, в рифму сказал! В рифму!..

И стала приговаривать: «Не флот, а плот! Не плот, а флот!..»

— Здорово! — сказал я. — Значит, мы куда-нибудь поплывём! Далеко-далеко! Я давно хотел... Мои слова почему-то очень не понравились Саше:

— Ишь, какой Христофор Колумб объявился! «Поплывём!..» «Далеко-далеко...» Будем здесь, возле холма, курсировать — и всё. Понял?

— У-у... — разочарованно протянул я. — Это не интересно.

— Мало что не интересно! Не можем мы из города уехать. Понял?

— Почему не можем?

— Не можем — и всё. Тайна!

— Тайна?.. — шёпотом переспросил я. Это слово я всегда произносил шёпотом. — И мы из-за неё не можем уехать?

— Не можем! До чего ж ты любопытный! Прямо как девчонка! Как вот наша Олимпиада!..

Я помимо воли улыбнулся:

— Олимпиада!..

— Чего зубы скалишь? — ещё сильнее разозлился Саша. — Ничего нет смешного. Пьесы Островского никогда не читал? У него там Олимпиады на каждом шагу...

— Я читал Островского... И даже в театре смотрел.

— Ой, ты, небось, каждый день в театр ходишь? — воскликнула Липучка, которая совсем не обиделась на меня.

— Не каждый день. Но часто...

— Ой, ты, небось, и в Большом был?

— Был...

— Ой, какой счастливый! Ты, небось, и книжки все на свете перечитал? У вас ведь там прямо на каждой улице библиотеки!

— Да... читаю, конечно...

Только-только я стал входить в хорошее настроение, как Липучка всё испортила:

— Ой, ты, небось, отличник, да?

И почему ей пришёл в голову этот дурацкий вопрос? Я неопределённо пожал плечами. Это меня один мой товарищ в школе так научил: если, говорит, не хочешь сказать ни «да», ни «нет», то пожми плечами — все подумают, что хотел сказать «да», но только поскромничал. Липучка и правда приняла мой жест за утверждение:

— Я так и думала, что ты отличник!

А Саша всё хмурился. «Наверно, хвастунишкой меня считает, — подумал я. — Но ведь я ничего определённого не сказал, я только пожал плечами — и всё. Это же Липучка раскричалась: «Отличник, отличник!..» А почему я, в самом деле, должен срамиться и всем про свою двойку докладывать?»

Чуть поодаль стоял зелёный шалаш, сложенный из хвойных и берёзовых ветвей.

— Это склад и сторожевая будка, — хмуро объяснил Саша. Он осторожно, на цыпочках, подошёл к шалашу и вытащил оттуда большой фанерный ящик.

— А это что? — спросил я.

Он опять нахмурился.

— Не видишь, что ли? Ящик из-под сахара. Мы его к плоту прибьём — и получится капитанский мостик, с которого я буду вами командовать. Понял?

Саша достал из шалаша молоток, баночку с гвоздями, а потом выволок оттуда за передние лапы белого пушистого пса и стал всерьёз упрекать его:

— Целый день дрыхнешь, да? Эх, Берген, Берген! Да в военное время тебя расстреляли бы на месте! Сразу бы к стенке приставили: заснул на посту! Хорош сторож! Я все инструменты вытащил, а тебе хоть бы хны...

Выслушав всё это, пёс сладко, с завываньем зевнул, фыркнул, стряхнул с морды песок, а потом вскочил на лапы и принялся отважно лаять.

— Лучше поздно, чем никогда, — усмехнулся Саша. — Эх, Берген, только за старость тебя и прощаю. Старость надо уважать!

— Как зовут собаку? — удивился я. — Берген?

— Ой, правда, хорошее имя? Правда? Это Саша придумал, — затараторила Липучка.

— А что это значит — «Берген»? Уж лучше

бы называли Бобиком или Тузиком. А то «Берген» какой-то. Чуть ли не «гут морген»!

— Сам ты «гут морген»! — рассердился Саша. — Мы со смыслом называли.

— С каким смыслом?

— Не понимаешь, да? Эх, и медленно у тебя котенок варит. Какой породы собака?

— Шпиц, — уверенно ответил я, потому что эту породу нельзя было спутать ни с какой другой.

— Ясное дело, шпиц. А теперь произнеси в один приём название породы и имя. Что получится?

— Шпиц Берген... Шпиц Берген...

Да, видно, Саша, как и я, бредил путешествиями и неизвестными землями, если даже собака варит. Какой породы собака? «И всё-таки он отказывается от дальнего плавания, — подумал я. — Из-за какой-то тайны... Тайна, должно быть, очень важная! Доверит ли мне её Саша? Хотя когда-нибудь!..»

«Я приехал! Приехал!..»

Когда мы возвращались с реки, холм уже не был зелёным. Да и весь городок можно было назвать скорее не Белогорском, а Темногорском. Дорога показалась мне гораздо длинней и круче, чем утром. Я подумал, что летние дни очень долгие и раз уже успело стемнеть, значит, совсем поздно.

И тут я с ужасом вспомнил, что до сих пор не послал домой телеграмму. А ведь мама перед отъездом говорила: «Прежде всего дай телеграмму. Прежде всего! А то мы все здесь с ума сойдём. Помни, что у бабушки большое сердце!» «Наверно, все уже давно сошли с ума!» — подумал я. И помчался на почту.

В Белогорске всё было очень близко, и почта тоже была совсем рядом с дедушкиным домом.

Полукруглые стеклянные окошки на почте были уже закрыты фанерными дощечками, и только одно окошко светилось: там принимали телеграммы. Возле окошка с бланками в руках стояло несколько человек.

Я ещё ни разу в жизни не посылал телеграмм. Но знал, что настоящая телеграмма должна быть очень короткой. «Это хорошо, — подумал я, — меньше ошибок насажаю».

Текст телеграммы я придумал сразу: «Приехал поправляюсь Шура». Как будто коротко и ясно? Но оказалось, что не так уж ясно! Два вопроса сразу стали мучить меня: «приехал» или «поехал», «поправляюсь» или «поправляюсь»? Я старался изменить телеграмму, чтобы в ней не было ни одной безударной гласной. Но у меня ничего не выходило. Боясь, чтобы телеграфистка, как Андрей Никитич, не вцепилась мне в шею, я прибег к своему старому, испытанному способу: написал сомнительные буквы так, чтобы не было понятно: «е» это или «и», «а» или «о». «В общем, плохо быть двоичником по русскому языку, — с грустью подумал я. — Даже телеграмму по-человечески не напишешь!»

В последнюю минуту я вдруг вспомнил, что ведь мама никогда не называла меня Шурой. Зачеркнул «Шура» и написал «Саша». И как это меня за один день так приучили к новому имени?

За стеклянной перегородкой сидела старая телеграфистка со сморщенным лицом. Каждую

телеграмму телеграфистка негромко прочитывала вслух и делала это с таким сердитым видом, будто написавший телеграмму лично перед ней в чём-то провинился. Передо мной стоял человек в соломенной шляпе. Увидев его, телеграфистка вдруг подобрела. Она приподнялась, просунула сквозь окошко руку, испачканную лиловыми чернилами, поздоровалась...

— Наша Ляленька совсем забыла про ангины, — сказала она. — Не знаю уж, как вас благодарить!..

— А вот примите телеграмму и отправьте скорее. Это очень важно, вообразите! — ответил человек в соломенной шляпе. Голос у него был хриловатый, но очень добрый и участливый. Таким вот голосом врачи спрашивают: «Как ваше самочувствие? На что жалуетесь?»

Телеграфистка осторожно, одними пальцами, точно драгоценность какую-нибудь, взяла бланк и стала шептать: «Москва — Ордынка...»

«Моя улица!» — чуть было не крикнул я. И мне вдруг показалось, что я уехал из Москвы давным-давно, хоть на самом деле это было только позавчера.

Телеграфистка долго не могла разобрать номер дома. Но не спрашивала, боясь лишний раз беспокоить человека в соломенной шляпе. Наконец она зашептала дальше: «Дом шестнадцать, к-вартира семь...»

Я замер.

«Почему не приехал Саша? — шептала телеграфистка. — Волнуюсь, молнируй. Папа».

Я, как говорится, потерял дар речи. Папа? Здесь мой папа? Но тут же я понял, что это не мой папа, а папа моей мамы, стало быть, мой дедушка! Телеграфистка уже начала подчёркивать слова в телеграмме, но я остановил её:

— Постойте! Постойте! Я приехал! Приехал!.. Честное слово, приехал!..

Я увидел, как дрогнула соломенная шляпа. Человек обернулся, и я, отступив на шаг, тихо сказал:

— Дедушка...

Я никогда прежде не видел дедушку, только на фотографиях. Но там он был совсем молодой, моложе, чем сейчас мой папа. И дедушка видел меня только на карточках и поэтому гладил меня по голове и разглядывал, как бы желая удостовериться, я это или не я.

— Саша? Приехал?.. Слава богу, слава богу! А то уж тут, вообрази, голову потеряли...

Дедушка подошёл к окну, высунулся на улицу и негромко позвал:

— Клавдия Архиповна! Он здесь... Приехал, вообразите!..

Сразу с шумом распахнулась дверь, и вошла высокая, худощавая женщина в кухонном фартуке. Я узнал сашину бабушку. Она с самым грозным видом оглядела меня и, точ-в-точь как Саша сегодня утром, спросила:

— Приехал?..

Потом выжидала немного и своим грубоватым, мужским голосом задала новый вопрос:

— Заявился, значит? Пожаловал! А где же целый день околичивался?

— Мы, тётя Кланы, на реке были... — стал тихо оправдываться я.

И тут лицо Клавдии Архиповны преобразилось. Глаза её не просто подобрели, а вспомнили что-то далёкое и очень приятное.

— Как?.. Как ты сказал? Тётя Кланы? Да ведь это его Маришка научила! Маришка!.. Значит, не забыла меня? Она одна меня только так и

величала. На всём белом свете она одна... А больше никто...

Я понял, что Маришкой она называла мою маму.

Клавдия Архиповна стала разглядывать меня уже не с таким грозным видом.

— Маришка-то в его годы покрепче была. Да, покрепче. Ишь, бледный какой, ровно уксус глотает... И взгляд пугливый. Маришка-то наша посмелее была.

Телеграфистка привстала, облокотилась на деревянную притолоку и тоже с интересом разглядывала меня.

Человек обернулся, и я тихо сказал: — Дедушка...

— Маринин сынок? — недоверчиво спросила она. — Такой большой? Эх, и летят же годы!.. Помню, как она сама до окшка моего не дотягивалась.

Она тяжело опустилась на стул и мечтательно запрокинула голову: молодость свою вспомнила...

Дедушка послал маме телеграмму о моём благополучном приезде, и мы отправились домой.

У дедушки в комнате на самом видном месте в рамке под стеклом висела похвальная грамота, которую моя мама получила в десятом классе.

— Я ещё много грамот храню, — сказал дедушка. — Всё-то не вывесишь. Марина, вообрази, в каждом классе награды получала. Только в третьем не получила. И, кажется, ещё в седьмом... Потому что болела. А?..

Я, конечно, был очень рад за свою маму, был очень доволен, что она всегда так хорошо училась, но настроение у меня всё-таки сразу испортилось... Я решил, что буду писать диктанты без всякой дедушкиной помощи. И вообще ни слова не скажу ему о своей двойке, ни слова!

Дедушка задавал мне много разных вопросов, а я подробно рассказывал ему про здоровье мамы, и папы, и папиной мамы, то есть моей бабушки... А потом я поскорей лёг в постель, пока

дедушка не добрался до моего собственного здоровья и до моих отметок.

Но заснул я не скоро. Я думал о своих занятиях. И ещё я завидовал Саше: у него есть тайна! И какое-то очень важное, таинственное дело! А вот у меня, кроме перекрестков, никаких таинственных дел не было...

Потом я с грустью подумал о том, что за весь день не сделал ни одного упражнения, не написал ни одной строчки диктанта и не выучил ни единого правила. Я быстро произвёл в голове кое-какие перерасчёты и пришёл к выводу, что теперь мне нужно будет заниматься не три часа в день, как я думал утром, а три часа и десять минут...

«Но в то же время...»

Просыпаясь, я привык видеть в окне молодое деревце неизвестной породы. По крайней мере, никто из мальчишек в нашем дворе не знал, как оно называется. Осенью, в дождливые дни, деревце прижималось к окну своими голыми ветками, такими тонкими, что их можно было принять за трещины на стекле.

А в это утро я увидел перед глазами не окно, а белую стену, увешанную разными замысловатыми полочками и деревянными фигурками животных, как будто здесь устроили выставку нашего школьного кружка «Умелые руки». Всё это была дедушкина работа.

— Вообрази, с лобзиком прелестнейший отдых, — ещё накануне вечером объяснил мне дедушка. — Руки работают, а нервы спят.

Мне показалось, что кто-то за моей спиной, крадучись, с тихим шорохом лезет в окно. Я быстро вскочил и увидел, как загорелая рука положила на подоконник две газеты и письмо. Газеты «Правда» и «Медицинский работник» были вчерашние. Я взглянул на письмо и тут же узнал крупный, аккуратный и разборчивый, как у девочек-отличниц, мамин почерк. Письмо было адресовано Саше Петрову, то есть лично мне. Я хотел разорвать конверт, но тут послышался голос дедушки:

— Подожди, подожди! Давай марку исследуем. Дедушка стоял на пороге по пояс голый и растирался мохнатым полотенцем.

Несколько минут он произносил одно только слово: «Хорошо-о! Хор-рошо-о!» Потом надел пенсне, взял у меня конверт и стал разглядывать марку.

— Да, ничего нет лучше утреннего обтирания. Так-с... Вообрази, все зубчики уцелели, все до одного. — Он артистически ловко отделил марку от конверта.

В дедушке было какое-то удивительное сочетание стариковского, а может быть, даже старомодного (палка, пенсне, жилет с цепочкой), и бодрых, мальчишеских увлечений: он собирал марки, обтирался холодной водой, выжигал и выпиливал по дереву...

Пока дедушка одевался, я читал вслух мамин письмо.

«Дорогой Саша! — писала мама. — Как только мы с бабушкой вернулись с вокзала, так сразу я села писать тебе: ведь я забыла предупредить тебя о том, что Белогорка — очень опасная река. Там много ям и воронок. Так что, прошу тебя, не уходи далеко от берега!..»

— А ты что, плаваешь плохо? — спросил дедушка.

Пока дедушка одевался, я читал вслух мамино письмо.

— Да нет... Просто мама боится.

— Боится! — он покачал головой. — Сама-то, поди, Белогорку нашу по десять раз переплывала. Забыла, что ли, как девочкой была?

Я стал читать дальше и убедился, что мама решила просто вконец опозорить меня перед дедушкой.

«Кушай в одно и то же время! — писала она. — Это самое важное. И ни в коем случае не пей воду из колодца!»

Дедушка в это время, сидя на кровати и покачивая, натягивал ботинок. Он так и застыл, пригнувшись всем телом к вытянутой ноге.

— Кушать в одно и то же время весьма целесообразно. Присоединяюсь! Но в чём же, скажи на милость, колодезная вода проштрафилась? Преотличнейшая вода! Как врач рекомендую и даже прописываю! — И, продолжая натягивать ботинок, он проворчал: — Сама-то всегда к колодцу бегала. И никогда, слава богу, не болела.

Но самое неприятное в маминем письме было дальше.

«Ты, Сашенька, гуляй, играй с товарищами, — писала мама. — Но в то же время...» На этой фразе я споткнулся и замолчал: дальше мама писала о моей переэкзаменовке и о том, как упорно я должен пыхтеть над учебниками.

— Что там «но в то же время»? — спросил дедушка, надевая жилет. — Разобрать не можешь? У Марины ведь, кажется, каллиграфический почерк. Не скажешь даже, что докторская дочка.

— А у докторов разве плохие почерки? — спросил я с наигранным интересом, лихорадочно соображая, что же делать дальше.

— У докторов почерки прескверные: пишут истории болезни, рецепты — торопятся... Вот и выходят каракули. Дай-ка я тебе помогу разобрать.

— Да нет, всё понял, — остановил я дедушку. И стал горячо, прямо-таки вдохновенно сочинять: «Но в то же время ты, Саша, должен заботиться о своём дедушке! Ты должен во всём помогать ему. Не забывай, что он уже старик...»

— Что, что? — насторожился дедушка и даже палкой слегка пристукнул. — Так прямо и написано: «старик»? Дай-ка я посмотрю!..

— Нет, нет, ошибся!.. — вновь остановил я дедушку. — Тут написано не «старик», а «привык»... Значит, так: «Не забывай, что он уже привык жить один, и поэтому не утомляй его, не шуми, не надоедай!»

Для правдоподобности я закончил письмо так, как закончила его сама мама: «Целую тебя, Сашенька. Поцелуй и дедушку. Я ничего не написала ему и о нём, потому что думаю послать ему завтра отдельное письмо...»

— Как же ничего не написала? — удивился дедушка. — Ты ведь только что читал...

— Забыла, наверно, — предположил я. — Просто забыла...

И поскорей сунул письмо под подушку.

Наконец дедушкина палка бойко пересчитала ступеньки крыльца и, прикоснувшись к земле, как бы потеряла голос.

Я остался в комнате один. И сразу, подгоняемый маминим письмом, решил сесть заниматься. Чтобы убедить самого себя, что заниматься я буду очень серьёзно, я разложил на столе сразу две тетради, учебник грамматики и томик Гоголя. Я решил тренироваться на гоголевских текстах, чтобы было одновременно и полезно и весело. К тому же учительница говорила нам, что у Гоголя попадаются фразы, очень трудные для двоечников.

«Возьмусь за самое трудное! И просижу сегодня ровно три часа десять минут. Ни за что на свете не нарушу графика!» — Так мысленно

покаялся я сам себе. И в ту же секунду услышал пронзительный крик: «Ой, пираты! Пираты! Пираты напали!»

Пираты

По ступеням застучали голые пятки. Прежде чем Липучка появилась в дверях, я успел накрыть тетради и книжки скатертью и запустить глаза в потолок. Распахнув дверь, Липучка взглянула на меня так, словно кругом бушевал пожар, а я сидел себе преспокойно, не замечая никакой опасности.

— Ой, сидит! Ручки скрестил, мечтает! А там пираты напали! Шалаш растаскивают! Бежим скорей!..

Саша был уже во дворе. Между нашим и сашиним крыльцом на верёвке было развешено бельё. Саша приказал Липучке снять бельё и отнести его в комнату.

— Сделаем из верёвки лассо! — крикнул Саша. — И накинём на них, если будут сопротивляться. Как у Майн-Рида! Читали?

Подбежав к берегу, мы спрятались в кустах и стали наблюдать.

Пиратов было двое. Вместо чёрных пиратских флагов они держали в руках белые панамы и зловеще обмахивались ими. Оба они были в красных купальных костюмах, с зелёными листочками на носках. Один пират был толстый-претолстый, а другой щуплый и худенький.

Пиратская база в виде тёплого зимнего одеяла и разных баночек-скляночек на нём располагалась вблизи от нашего шалаша. Тут же лежали снятые с шалаша зелёные ветви. Охладившись при помощи панам, пираты как ни в чём не бывало стали продолжать своё разбойничье дело... Отдирая очередную хвойную ветвь, толстый пират, или, вернее, пиратка, произнесла:

— Не лезь, Веник, ты занозишь руки иголками! Я всё сделаю сама. У нас будет очаровательный тент. Мы спрячемся под ним от солнца. А то может быть солнечный удар.

— Я их знаю... еле-еле сквозь смех выговорил я. — Это же дикари!.. Самые настоящие дикари...

— Ясное дело — дикари, раз в чужой дом залезли, — угрюмо согласился Саша. — Мы строили, а они ломают... Сейчас вот на этого бегемота в панаме накинута лассо!

Но тут без всякого нашего участия в стане пиратов вдруг поднялось страшное смятение. Веник хотел залезть внутрь шалаша и, видно, наступил на лапу спавшему там шпицу Бергену. Старый пёс вскочил, взвизгнул и спросонья тяпнул Веника за ногу.

Что тут поднялось!

— Покажи мне ногу! Покажи маме ногу! — завопила Ангелина Семёновна.

А разглагольствуя Веника, она завопила ещё сильнее:

— Боже мой! Это бешеная собака! Видишь, она всё время отворачивается от реки, она боится воды! Она боится воды! Она бешеная!..

Ангелина Семёновна сгребла своё ватное одеяло, баночки и скляночки с едой и, крикнув Венику: «За мной! В больницу!..» — стала карабкаться на холм. Впопыхах она даже не надела платье, а так и полезла вверх в своём красном купальном костюме.

Мы с Сашей стали ремонтировать шалаш, в котором появились просветы, словно длинные неровные окна.

— Хорошо ещё, что плот наш по брёвнышкам не растащили, — ворчал Саша. — Для тента своего... Чтобы от солнца прятаться... Кто же это из нормальных людей от солнца прячется?

Мы водворили колючие хвойные и шершавые листовые ветви на их прежние места, заделали все просветы.

— Сейчас будем плот на воду спускать, — объявил Саша.

Наступила торжественная минута. Мы с трёх сторон уцепились за брёвна и поволокли плот к реке. Он упирался, цеплялся сучками за камни. Но мы всё тащили, тащили, и вдруг плот стал лёгким, невесомым и сам потащил нас за собой.

— Ур-ра! Поплыл! Поплыл!.. — закричала Липучка. — Ур-ра!

И первая полезла на плот. Мы с Сашей тоже полезли, и разноцветная, сколоченная из разных деревьев палуба заходила ходуном.

Мама всегда говорит, что у меня очень богатое воображение. И вот, впервые забравшись на плот, я на минуту прищурил глаза и представил себе, что переливчатая, чешуйчато-золотистая под солнцем вода — это вода океана, притихшего и виновато вздыхавшего после бури. Наш плот — это всё, что осталось от гигантского корабля, потерпевшего кораблекрушение. Зелёный холм — это вулкан, который в любую минуту и без всякого предупреждения может начать извергаться. А навстречу нам плывёт неминуемая гибель в виде белого айсберга, с которым мы вот-вот должны столкнуться. Белым айсбергом мне показался и в самом деле белый шпиц Берген, который не пожелал остаться без нас, отважно пустился в плавание и догнал плот. Правда, шпиц, плывущий по реке, больше напоминал не грозный айсберг, а чудом уцелевшую в ясный солнечный день льдинку, покрытую снегом.

Саша забрался на ящик из-под рафинада, то есть на капитанский мостик, и отдал первую команду:

— Ты, Шурка, будешь помощником капитана, боцманом и рулевым. Бери шест и слушай мою команду! Липучка будет доктором и коком. А кто у нас будет просто матросом? Ведь должны быть на корабле рядовые матросы? Ясное дело, должны!

Вдруг Саша вытянул руку и указал на холм, к вершине которого карабкались две смешные фигурки в белых панاماх, словно два живых гриба, — один на толстой ножке, а другой на тонкой.

— А если нам этого... худенького «пирата» матросом сделать?

Я не поверил своим ушам:

— Веника? Матросом? Да его мамаша от своей юбки ни на шаг не отпустит!..

— Не отпустит? А мы его похитим, — совершенно серьёзно сказал Саша.

— Как это похитим?

— Придумаем, как. Мамаша и не заметит. По-настоящему?

— Да стоит ли из-за него руки марать? — усомнился я. — Похищать!.. Что он, восточная красавица, что ли? Без него обойдёмся. Разве у тебя нет хороших товарищей?

— Товарищей у меня побольше твоего. Да они все в туристский поход ушли...

— Уплыли? Вот видишь! И нам бы тоже! Почему ты с ними не уплыл?..

Саша хмуро взглянул на меня:

— Не мог. Дело у меня есть...

— Тайна, да?

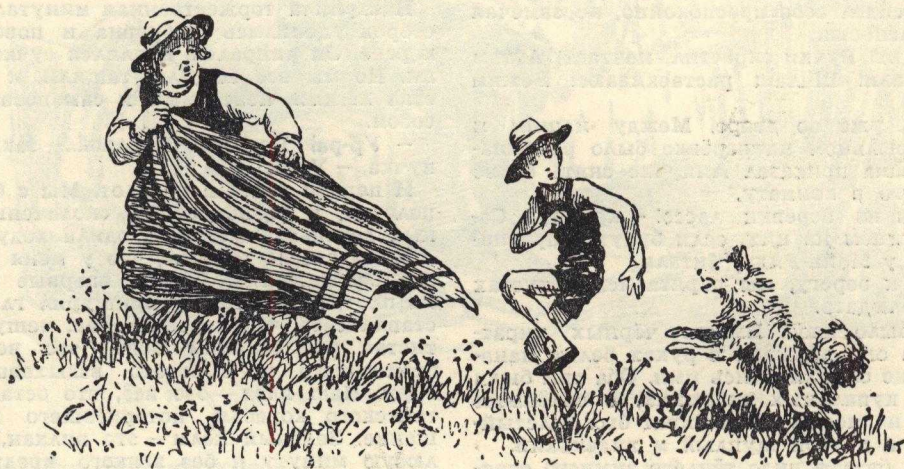
— Тайна!..

Саша утвердительно кивнул головой. Потом он сложил руки трубочками, приставил эти трубочки, как бинокль, к глазам и скомандовал:

реке сколько тебе будет угодно! И на солнце можешь лежать хоть целый день. Спать ложиться во-время совсем не обязательно, можно лечь и попозже: ничего тебе не делается! Да и насчёт пищи я тоже передумала: можешь принимать её в любое время!»

Кажется, я перестарался, потому что дедушка поправил пенсне на носу, будто желая по-лучше разглядеть моё лицо.

— Так-с, — задумчиво произнёс он. — Мамень-

В стане пиратов поднялось страшное смятение.

— Полный вперёд!

Я погрузил свой длинный шест в воду, достал до дна и что было сил оттолкнулся — наш плот рывком прибавил скорость.

Я становлюсь поэтом

Шли дни, а розовые промокашки в моих небольших тетрадях оставались, как говорится, «незапятнанными». Мне нечего было промокать, потому что я ничего не писал. За это время мама успела прислать ещё два письма: одно мне и одно дедушке. Жалея дедушкины глаза, я оба письма прочитал вслух, а потом быстро-быстро разорвал их и развеял по ветру.

В каждом письме мама волновалась о моём здоровье, она приказывала мне побольше дышать свежим воздухом и во-время принимать пищу. И в обоих письмах где-то в конце страницы, как мне казалось, совсем другим, не маминым, зловещим почерком было написано: «Но в то же время!..» И дальше мама напоминала о моей перекладке.

Тут я каждый раз спотыкался и начинал сочинять. «Но в то же время Саша не должен забывать и о духовной пище: побольше читать разных интересных книжек и, главное, почаще ходить в кино!» — так сочинял я, читая письмо, адресованное дедушке. А сочинив про кино, я подумал, что каждый раз, читая мамины письма, могу придумывать что-нибудь выгодное для себя. И в следующий раз, дойдя до слов «Но в то же время...», я сочинил вот что: «Но в то же время ты, Саша, ни в коем случае не должен расти маменькиным сыночком. Купайся в

киных сынков и я терпеть не могу. Но вот относительно питания и солнечных ванн Марина, кажется, немного переборщила. А в общем, прелестнейшая вещь — расти на свободе!

Каждое утро я раскладывал на столе свои учебники, тетради, самодельную деревянную чернильницу и самодельную резную ручку дедушкиной работы. Но розовые промокашки так и оставались чистыми, потому что тут же начинался стук в дверь. Приходили дедушкины пациенты. Одним он просил передать рецепты, другим — устные советы. А так как все больные в городе с детства привыкли лечиться только у дедушки, верили только ему и называли его «профессором», дверь не переставала открываться и закрываться, как в самой настоящей поликлинике.

Приходили даже больные с «Хвостика». «Хвостиком» называли окраину города, которая была за рекой и вытянулась в узкую, длинную ленту из белых домиков. В обход через мост до «Хвостика» нужно было добираться часа полтора. А по реке, говорили, гораздо быстрее.

Как только раздавались шаги, я поспешно прятал под скатерть всё, что могло уличить меня как дворянина. Ведь каждый раз я ожидал увидеть в дверях Сашу или Липучку, а для них я был «культурным и образованным москвичом».

Вечером, ложась в постель, я делал сложные перерасчёты и заново составлял график своих занятий. Получалось, что я должен заниматься каждый день по три с половиной часа, по четыре часа, по четыре с половиной... Цифры всё росли и росли. Когда дело дошло до пяти часов, я сказал сам себе: «Хватит! Этак в конце

концов выйдет, что я должен заниматься двадцать пять часов в сутки! Завтра уж меня никто не спугнёт!»

Спугнула меня Липучка! Она всегда очень оригинально входила в комнату: стукнет и тут же войдёт, не дожидаясь, пока я скажу «можно» или «кто там?» Непонятно даже, для чего она стучалась. Я еле-еле успевал набрасывать скатерть на свои учебники и тетради.

На этот раз Липучка даже для виду не постучалась. Она влетела в комнату, размахивая газетой, и не заговорила, а прямо-таки закричала:

«Что она, издевается надо мной?» — подумал я.

— Да, этим надо гордиться, — торжественно повторила Липучка. — Я выучила их наизусть! И она вдруг стала читать стихи:

Как серебро, вода сверкает...

Мы поработали —

и вот —

Поплыл, торжественно качаясь,

Поплыл наш самодельный плот!

Пусть не в просторе океанском —

По руслу узкому реки...

Но есть и мостик капитанский,

И есть герои-моряки!

Пусть побыстрее промчатся годы,

Мы закалимся, подрастём!

Тогда красавцы-пароходы

По океанам поведём!..

Липучка прочитала стихи с таким вдохновением, что я даже заслушался, прижавшись к подоконнику. Потом она взглянула на меня глазами, которые были полны, как говорится, неописуемого восторга.

— И этого ты стыдишься? — воскликнула она. — Поздравляю тебя! Поздравляю, тебя, Шура. Ты настоящий поэт!

— Я?.. Поэт?!

— Ой, не притворяйся, пожалуйста. Хватит уж скромничать, хватит! Тут же русским языком написано: «Саша Петров, Москва».

Я схватил газету. И в самом деле, под стихотворением стояла подпись: «Саша Петров». Бывают же такие совпадения!

— Я уже всем газету показала, всем, —

затараторила Липучка. — Ой, какой же ты молодец! Наш плот прославил. Прямо на всю страну. И ребята наши в туристическом походе прочитают!.. Представляешь себе? Только почему ты написал «Москва»? Написал бы лучше «Белогорск». Ведь ты здесь сочинял? И даже приукрасил кое-что... Поэты всегда так делают! А кто это «герои-моряки»? Веник, да?.. — Липучка стала дрыгать плечами: она так смеялась. — Ой, а я ведь сразу заметила, что ты в рифму говорить умеешь. Ещё в самый первый день... Помнишь: «Не плот, а флот, не флот, а плот!» А потом я заметила, что ты по утрам так задумчиво-задумчиво сидел за столом, а только я входила, сразу прятал тетрадь под скатерть. Думаешь, не заметила? Ты по утрам стихи сочинял? Да?.. Вот и сейчас даже тетрадка под скатертью лежит... В ней тоже стихи, да?

Липучка подлетела к столу и схватила тетрадку. Я бросился за ней: ведь там, в тетрадке, были советы нашей учительницы русского языка, как мне лучше подготовиться к переэкзаменовке.

— Это не стихи... Это... совсем другое...

— Ой, как же не стихи? Опять обманываешь, да?

— То есть там стихи... Но я ещё не могу показать. Я ещё...

— Сейчас вот на этого бегемота в панаме накинута лассо...

— Ой, теперь я всё знаю! Теперь я всё знаю, Шура!

— Всё знаешь? Про меня?.. — Я испуганно стал пятиться к окну.

— Да, всё знаю! Здесь всё написано! — Липучка перешла на таинственный полусёпот. Номер «Пионерской правды» она выставила вперёд, словно собиралась выстрелить из него мне в самое сердце.

— Здесь всё написано! А ты скрывал! И как тебе не стыдно, Шура? Как тебе не стыдно?!

«Что там написано?» — с ужасом подумал я. — Может быть, поместили заметку о моей двойке? А что ж такого, вполне возможная вещь! В «Пионерке» часто высмеивают двоечников. Теперь всё погубило: Саша будет презирать меня! И Липучка тоже. И дедушка всё узнает и тётя Клэня. Какой позор! И почему я сразу всё по-честному не рассказал? Отличник! Образованный москвич!

А Липучка всё наступала:

— Зачем же ты скрывал от нас? Зачем?

— Я расскажу. Честное слово, всё расскажу, — забормотал я. — Мне просто было стыдно.

— Стыдно? — Липучка вытаращила свои зелёные глаза. — Разве этого можно стыдиться? Этим надо гордиться!..

— Ой, покажи! Покажи!.. Любопытно прямо до ужаса!

— Нет, нет,— сказал я, снова пряча тетрадь под скатерть. — Сейчас нельзя... Я ещё не обработал как следует. Вот обработаю — и тогда обязательно прочитаю.

— Новое стихотворение, да?

Я неопределённо пожал плечами, как учил меня школьный товарищ.

— Ой, понимаю! Писатели всегда много-много раз переписывают свои произведения. Вот Лев Толстой, например, «Войну и мир» семь раз переписывал. Я сама об этом читала.

Не знаю, с кем бы ещё на радостях сравнила меня Липучка, но тут мы услышали, что кто-то лезет в окно...

Похищение

Саша поудобней устроился, укрепил свои локти на подоконнике и обвёл нас презрительным взглядом, как бы говоря: «Ерундой всякой занимаетесь, а я между тем!..»

— Ой, что-нибудь случилось? — вскрикнула Липучка.

— Ага, случилось, — преспокойно ответил Саша. — Приготовьтесь, сейчас комнату подметать буду.

Подметать комнату? Мы с Липучкой растерянно переглянулись.

— Чего глаза таращите? — Саша подтянулся на руках, вскарабкался на подоконник и спрыгнул на пол. — Веник со мной. Понятно?

— Ой, похитил? — Липучка, как всегда в минуты восторга, прижала руки к груди и затаила дыхание.

Саша обшарил глазами стены.

— Иод есть? — спросил он у меня. — Что-то в аптечке не вижу.

— Не знаю... Есть, наверно. А зачем тебе?

— Ой, ты, небось, поранил его, когда у мамы отбивал, да? — догадалась Липучка. — Лассо накиннул, да?

— Что я, бандит какой-нибудь? Это я с пиратами хотел сражаться, а он вовсе не пират... Очень даже симпатичный парень. Только застенчивый, как девчонка. Людей боится... Но мы это дело из него выбьем.

— Ой, мы его будем бить? — испугалась Липучка.

— Чудачка ты. Я же в переносном смысле. Ну, перевоспитаем, значит. Понятно? Шурка, давай сюда иод.

Дедушка был доктором, но сам лекарств не любил. Я заметил, что, когда к нему приходили больные, он сразу лез в корзинку, стоявшую за диваном.

— Терпеть не могу, когда лекарства на видных местах выставляют, — говорил дедушка. — Украшенье!

Я полез в дедушкину корзину и нашёл там пузырёк с иодом.

— А теперь позови Веника, — распорядился Саша.

— Позвать?.. А где он?

— Возле крыльца мнётся. Стесняется. Ты ведь с ним в вагоне, кажется, в дипломатических отношениях не состоял.

— Да... Я там с Андреем Никитичем, с подполковником артиллерии!.. — я хотел сказать «дружил», но тут же вспомнил, чем кончилась наша дружба, тихонько вздохнул, «Обещал в

гости нагрянуть, а вот не приходит, — подумал я. — Презирает, наверно...»

Пока я вздыхал, Липучка помчалась приглашать Веника.

Он вошёл в комнату и робко остановился на пороге. Был он в белой панаме и с книгой подмышкой.

— Идёт по городу — книгу читает, — сообщил Саша. — Ты и в Москве тоже с раскрытой книгой улицы переходишь?

— Что вы! В Москве я только в метро и в троллейбусе читаю... А на улице нельзя: там же светофоры...

— Автомобили там, а не светофоры! — почему-то сердито сказал Саша. — И на «вы» меня, пожалуйста, не называй. Понятно? Ишь, какой интеллигентный! Задирай-ка рубаху!

Веник испуганно огляделся, точно просил у нас с Липучкой защиты.

— Ага, понимаю. Стесняешься? — сказал Саша. — Ты, Липучка, отвернись.

Веник покорно задрал рубаху и обнажил своё худенькое и бледное тело.

— Тебе бы Снегурочку в театре изображать, — сказал Саша. — Куда тебя доктора от бешенства колют? Покажи!

Веник испуганно схватился за живот.

— А вы что намерены... тоже колоть?

— Что я, сумасшедший, что ли, как твоя мамаша?

Веник вдруг решительно одёрнул рубаху, и его бледное личико гневно порозовело, чего я уж никак не ожидал.

— Вы, пожалуйста, мою маму не задевайте! — гордо произнёс он.

Саша так и застыл с пузырьком в одной руке и с пробкой в другой.

— Ишь ты!.. Не задевайте! — удивлённо и вместе с тем уважительно сказал он. И, вроде бы извиняясь, добавил: — А чего же она нашего старого Бергена задевает? Бешенным его считает! Это же — оскорбление, если хочешь знать. Оскорбление собаки — верного друга человека! Понятно? Да уж ладно...

Саша ловко приподнял рубаху над впадиной, именуемой животом Веника, и стал мазать её иодной пробкой. На белой впадине возник довольно большой коричневый островок.

— Тебе так после уколов мажут? — спросил Саша, разглядывая свою работу.

— Та-ак... — протянул Веник. — Только вы уж очень густо. И много. И к чему вообще?..

— Во-первых, не «вы», а «ты»! — сердито сказал Саша. — А во-вторых, совсем не густо: маслом кашу не испортишь! Теперь, когда придёшь домой, задери рубашку и покажи своей маме. Понятно? И так каждый день будем делать. А ты вместо того, чтобы в поликлинике в очереди торчать, будешь с нами на плоту плавать. Понятно?

И тут только я всё понял! Теперь, значит, в нашей корабельной команде будет хотя бы один рядовой матрос.

Сашина тайна

Саша вошёл в комнату очень серьёзный и озабоченный. Так как он был капитаном нашего корабля, я спросил:

— Задание какое-нибудь? Приказ?

Он поглядел на меня исподлобья и, покусывая нижнюю губу, сказал:

— Просьба есть.
— Просьба? Ко мне?
— Да, к тебе. И не перебивай. Тайну мою узнать хочешь?

Я, кажется, второй раз в жизни почувствовал, что у меня где-то под левым кармашком есть сердце и что оно довольно-таки сильно колотится. (Первый раз я почувствовал это, когда учительница объявляла фамилии двоечников, получивших переклассификацию.) Сейчас я узнаю тайну! Такую важную, что Саша из-за нее даже не поехал в туристский поход! Такую важную, что она привязывает Сашу и наш плот вместе с ним к Белогорску. Сейчас, сейчас я всё узнаю!..

— В общем, дело ясное, — сказал Саша. — У меня переклассификация. Понял?

Я как-то машинально присел на стул.

— У тебя?.. Переклассификация?..

— Ага... Пишу я плохо. С ошибками. Понимаешь? Вот и схватил двойку. Поможешь, а?

— Кто? Я? Тебе?..

— Да, ты мне. Ясное дело, не я тебе. Ведь ты же образованный, культурный. Поэт! Липучка уши всем прожужжала. Как она мне «Пионерку» показала, так я сразу решил: попрошу Шурку, и всё... Согласен?

Я даже не мог неопределённо пожать плечами, так и сидел, раскрыв рот, словно рыба. И молчал тоже, как рыба. Мой вид не понравился Саше.

— Смотри в обморок не кувырнишься. Побледнел, как Веник. Не хочешь помогать, так и скажи. Без тебя обойдусь.

Тут наконец у меня прорезался голос. Правда, чей-то чужой — слабенький, неуверенный, — но всё же прорезался.

— Да что ты, Саша! Я с удовольствием! Я с наслаждением! Только у меня нет... этого... как его? Педагогического опыта!

— И не надо. Ты просто будешь мне диктанты устраивать и проверять ошибки. Понятно?

— Понятно...

Я буду проверять ошибки! И почему я честен, как вот Саша сейчас, не рассказал о своей несчастной двойке? Зачем, как дурак, пожимал плечами? Эти мысли уже не первый раз приходили мне в голову. Но раскаиваться было поздно.

— И это вся гайна? — с наигранным спокойствием спросил я.

— Вся.

— И ты из-за такой ерунды не поехал в туристский поход? И наш корабль к городу привязал? — неестественным голосом удивился я. — Из-за такой ерунды?..

— Это не ерунда. Я должен сдать экзамен. Понятно? Лопну, а сдам! Осенью отец с матерью придут, я им обещал...

— Откуда они придут?

— Из геологической разведки.

— А-а! Они геологи, значит? А у тебя, значит, переклассификация?..

От растерянности я, кажется, говорил не совсем складно.

— И ещё я Нине Петровне обещал, учительнице нашей. Она не хотела в деревню уезжать из-за меня. А я уговорил: сам, сказал, подготавлиюсь. Понятно?

— Не совсем... Она тебе двойку вкатила, всё лето тебе испортила, а ты о ней заботишься?

— Сам я всё испортил! Понятно? В общем, согласен помочь или нет?

Я смотрел на Сашу с таким удивлением, будто он с другой планеты свалился. Защищает учительницу, которая ему двойку поставила! И от похода отказался! Я бы вот ни за что не смог отказаться... Странный парень!

Не дождавшись от меня ответа, Саша твёрдыми, злыми шагами направился к двери. Что было делать? Не думая о том, как всё повернётся дальше, я догнал Сашу:

— Буду помогать тебе! Конечно, буду! Это же очень легко и просто. Будем заниматься прямо с утра до вечера. Хочешь?

— Не хочу, а придётся! — ответил Саша.

Я становлюсь учителем

Весь следующий день я с утра до вечера овладевал своей новой профессией, готовился преподавать. И только тогда я понял, как это трудно — быть учителем. Правда, настоящим учителям всё-таки гораздо легче, чем было мне: они ведь хорошо знают то, чему обучают других. А я?..

Зато теперь уже не надо было прятать тетради и учебники под скатерть. Я мог заниматься совершенно открыто: ведь я старался не для себя, а для другого, то есть совершал благородное дело!

Дедушка, оказывается, знал о сашиной переклассификации.

— Молодец! — похвалил он меня. — Видишь, как это приятно — хорошо учиться: всегда можешь помочь товарищу!

«Сперва приналягу на правила, — решил я. — Всё-таки выдолбить и пересказать правила не так уж трудно. Начну с безударных гласных, чтобы и самому тоже польза была...»

К полудню все правила о правописании безударных гласных были выучены наизубок. А как быть с диктантами? Диктовать я, конечно, смогу: слава богу, читать ещё не разучился. Но как же я буду проверять то, что написано Сашей, если сам ничего не знаю? Может быть, каждую фразу сверять с книжкой? Нет, неудобно... Саша сразу догадается, какой я грамотей. Что же делать?

В конце концов я придумал: вызубрю наизусть какой-нибудь кусочек из Гоголя. Совсем наизусть! Запомню, как пишется каждое слово и где какой знак стоит.

Я нашёл своё любимое местечко из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и стал зубрить, начиная с знаменитых слов Ивана Никифоровича: «Почелуйтесь со своей свиньёй, а коли не хотите, так с чёртом!»

« — О! вас зацепи только! — зубрил я дальше. — Увидите: нашпигуют вам на том свете язык горячими иголками за такие богомерзкие слова... » и так далее.

Всегда я прямо до слёз хохотал, читая всё это. А сейчас я радовался только тому, что в отрывке было много безударных гласных. «Здорово писал Гоголь! — думал я. — Сколько безударных наставил! Прямо в каждой фразе!.. Вот уж попытит завтра Сашенька! А я буду всё знать. Как таблицу умножения».

Я ещё повторил отрывок вслух раза три, потом раза три переписал его, потом начал декламировать. В общем, к вечеру мне казалось, что Гоголь писал вовсе не так уж весело и что

скучней повести об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче ничего на свете не существует...

Лёжа в постели, я ещё раз повторил отрывок про себя. А потом припомнил всякие мудрые выражения, которые часто употребляли наши учителя. Такие вот, например: «Учись мыслить самостоятельно!», «Если хочешь что-нибудь сказать, — подними руку», «Не будем тратить время: его ведь не вернёшь!», «Не смотри в потолок: там ничего не написано!», и т. д., и т. п. А ночью мне приснилось, что невоздержанный на язык Иван Никифорович обозвал Ивана Ивановича «безударной гласной» и что с этого именно началась знаменитая ссора.

Утром, как только умолкла дедушкина палка, начался первый урок. Саша вошёл в комнату, держа в руках тетрадь, свёрнутую в трубочку. В глазах у него было что-то новое, незнакомое до тех пор: что-то уважительное и немного застенчивое. И это у Саши! У капитана Саши!.. Ну да, ведь я теперь был для него не просто Шуркой, а учителем! Как пишут в газетах, «наставником и старшим другом!»

Все эти мысли настроили меня на строгость и официальность.

— Ну, не будем терять время: его ведь не вернёшь, — сказал я.

Саша покорно уселся за стол, развернул тетрадку и посмотрел на меня, сжидая новых распоряжений.

— Начнём с безударных гласных, — объявил я, заложив руки за спину и сосредоточенно глядя куда-то вперёд, как это делала наша учительница. А потом я, подражая ей, зашагал по комнате, мысленно воображая, что шагаю между рядами парт.

— Гласные произносятся чётко и ясно лишь тогда, когда они находятся под ударением, — начал я. — В безударном положении они звучат ослабленно, неотчётливо. Чтобы правильно написать безударную гласную в корне, нужно изменить слово или подобрать другое слово того же корня так, чтобы эта гласная оказалась под ударением...

— Вот, например: вода — воды, тяжёлый — тяжесть, поседеть — седенький!.. — насмешливым тоном продолжил мои объяснения Саша. — Так, да? Прямо по учебнику шпаришь?

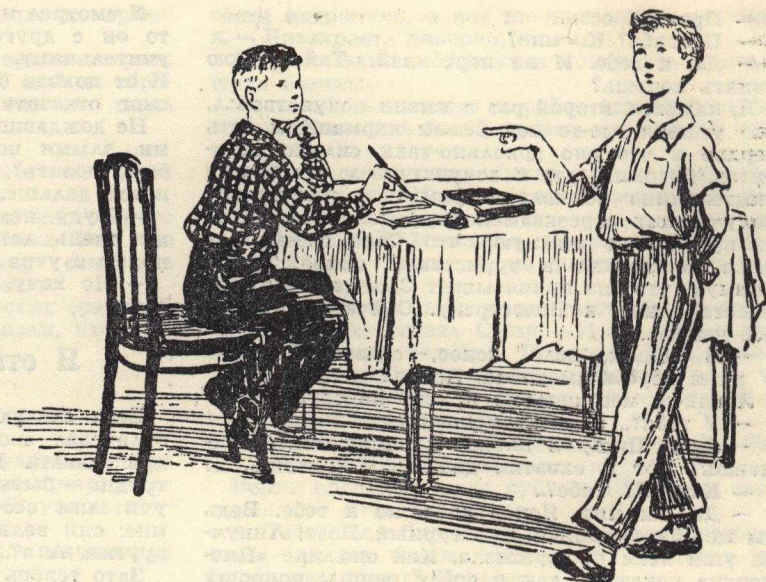
Нет, он не так уж робел передо мной! В первый момент я, войдя в роль педагога, чуть было не сказал: «Хочешь что-нибудь спросить, — подними руку!» Но во-время удержался: пожалуй, Саша поднял бы руку и щёлкнул меня по затылку, чтобы сразу сбить всю мою педагогическую важность.

— Значит, нужно слово изменить? — всё так же насмешливо спросил Саша. — Вот измени, пожалуйста, слово «инженер». А? Измени!..

Я стал лихорадочно соображать, но слово «инженер» никак не изменялось.

— Это — исключение, — сказал я. — Нужно просто запомнить это слово, и всё...

— А тогда измени слово «директор», чтобы безударная стала ударной...

— Начнём с безударных гласных, — объявил я.

Я снова и так и сяк повертел в уме слово, предложенное Сашей. Ничего не получилось.

— Это — тоже исключение, — объяснил я. — Да кто из нас будет говорить, в конце концов? Ты или я?

— Ясное дело, ты. Только не забывай мне голову всякими правилами. Я их без тебя знаю, а пишу всё равно с ошибками. Ведь на каждое правило две тысячи исключений. Понятно? Давай лучше диктанты писать.

Что было делать?

— Хорошо, возьмём первый попавшийся отрывок из Гоголя! — согласился я. И раскрыл «первую попавшуюся» страницу, заложившую розовой промокашкой, уже не чистой, а с пунктирными следами букв и расплывчатыми очертаниями клякс.

Я стал с выражением диктовать: «Поцелуйтесь с своею свиньёю...»

— Сам ты поцелуйся со свиньёю, если так диктовать собираешься! — разозлился вдруг Саша.

— Так с учителями не разговаривают! — в свою очередь, вспылал я.

— А что же ты каждую безударную как ударную произносишь? Прямо нажимаешь на неё изо всех сил. Сам говорил, что безударные звучат ослабленно, неотчётливо... Мне твои под- сказки не нужны!

Я в самом деле стал диктовать так, как мне очень хотелось, чтобы диктовали учителя: произносил каждое слово чуть ли не по складам и очень ясно выговаривал безударные гласные.

— Ты по-человечески диктуй, — уже без всякого намёка на робость и уважительность предупредил Саша.

Тогда я стал диктовать очень бегло и быстро. Сашина ручка вновь остановилась.

— Не валяй дурака, — предупредил он. — Хочешь, чтобы я вообще ни одной буквы не разобрал? Так, что ли? Ты только одни безударные от меня прячь. Понятно?

Да, настоящим учителям и не снились, наверно, такие ученики!

Я диктовал, почти не заглядывая в книжку: весь отрывок был вызубрен наизусть. Саша удивился:

— Ты всего Гоголя, что ли, наизусть знаешь?

— Ну, не всего, конечно, — скромно ответил я. — Но довольно значительную часть его творчества...

Сам того не замечая, я стал изъясняться вроде нашего Веника — солидно и как-то по-взрослому: ведь я всё-таки был педагогом!

— Валяй дальше! — приказал Саша.

Облаиваясь десятым потом, я добрался до конца.

— Хватит. Давай проверим, — сказал я. И подумал: «Сейчас начнёт спорить. Скажет: диктуй дальше! А я дальше не выучил!»

Но Саша покорно протянул мне тетрадь. Проверял я очень медленно, про себя повторяя текст по буквам, вспоминая, как написано каждое слово в книжке. Проверив слово, я машинально подчёркивал его, как это делала телеграфистка, подсчитывая стоимость телеграммы.

Заметив, что я всё время подчёркиваю, Саша заволновался:

— Неужели столько ошибок?

— Да нет... Я просто так, для себя.

На самом деле ошибок было всего пять. Я позабавился Саше: ведь вчера, впервые переписывая этот отрывок на память, я сделал гораздо больше ошибок.

«Саша пишет в два раза лучше меня, и всё-таки у него двойка, — подумал я. — Значит, если я буду делать ошибок вдвое меньше, чем сейчас, я всё равно не сдам переэкзаменовку...» От этих мыслей лицо у меня стало такое печальное, что Саша даже насторожился:

— Очень плохо, да?

— Да нет, вполне сносно, — ответил я словами нашей учительницы. Взял ручку и старательно вывел под шашиным диктантом чёткую, с острыми углами четвёрку, похожую на недописанную букву «Н».

— Уж очень ты добренький, — усмехнулся Саша. Он ведь не знал, что это была моя давнишняя мечта: чтобы за пять ошибок ставили четвёрки!

Я вздохнул так облегчённо, как вздыхал в классе, услышав спасительный звонок, избавлявший меня от вызова к доске. «Слава богу, первый урок кончился!» — подумал я.

Но не тут-то было! Саша вдруг стал выпытывать у меня, почему трудные слова пишутся именно так, как они пишутся, а не как-нибудь иначе. Начал он со слова «поцелуйтесь».

В школе учительница часто говорила мне: «Петров, ты совсем не умеешь анализировать слова». Но умел я или не умел, а тут уж надо было анализировать! Сперва я старался изменить слово так, чтобы на первый слог «по» падало ударение. «Поцелуй, поцеловаться...» — быстро шептал я про себя. Я даже вспомнил фамилию одного своего школьного товарища — Поцелуйкин. Но ударение никак на «по» не попадало. Тогда я подумал: «А вообще-то, что такое это самое «по»?..» И вдруг меня осенило: так это же приставка! Ну да, самая настоящая приставка! А ведь приставки «па» вообще не существует на свете. Это только в танцах бывают разные па, а приставок таких не бывает... Значит, всё очень просто. Я объяснил это Саше.

— Ага... Интересно, — сказал Саша. И что-то

записал в тетрадку, словно отметку мне поставил.

— А скажи-ка теперь, почему пишется «свинья», а не «свенья»? Не знаешь?

— Так ученики вопросов не задают! — возмутился я. — Похоже, что я из детского сада только что пришёл, а ты уж какой-нибудь десятиклассник и экзамен мне устраиваешь...

Но, вспомнив про детский сад, я сразу вспомнил стихи Маяковского, которые мы там учили наизусть: «Вырастет из сына свин, если сын свинок...» Эти стихи я тут же прочитал Саше.

— Раз «свин», значит, — «свинья», — объяснил я.

— Ага!.. — снова сказал он и снова записал что-то в тетрадку. А потом спросил про слово «любопытная».

Я стал «анализировать» это слово. Вертел его по-всякому, но у меня ничего не выходило. Тогда я разбил его на слога, потом разделил на две части — и вдруг сделал открытие:

— Так оно же из двух разных слов состоит! Вот тебе меня любопытать?

— Не валяй дурака, — хмуро ответил Саша.

Но я повторял:

— Любопытать! Любопытать!.. Вот откуда получилось слово «любопытная». Верно?

В общем, не зря я накануне зубрил правила. И вовсе не из одних только «исключений» русский язык состоит. Напрасно Саша о нём такого мнения!..

С тех пор мне очень понравилось «анализировать» слова. Как только услышу какое-нибудь трудное слово, так сразу начинаю его «анализировать». И очень часто оно оказывается вовсе не таким уж трудным, а ясным, как апельсин...

Но и на разборе слов тот первый урок не кончился. Ведь в нашем «классе», к сожалению, распоряжался не учитель, а ученик.

— Давай-ка теперь я подиктую, — сказал Саша и поднялся со стула, уступая мне место. Но я садиться на это место вовсе не хотел.

— Ты? Мне?.. Будешь диктовать?!

— Ага. Я! Тебе! Диктовать!.. — передразнивая меня, ответил Саша.

— Зачем же терять время? Его ведь не вернёшь!

Но мои «педагогические» фразы на Сашу не действовали.

— Диктовать тоже очень полезно, — объяснил он. — Мне Нина Петровна советовала. Она уж лучше тебя понимает. Когда говорит, диктуешь, очень внимательно вглядываешься в каждое слово. Понятно?

Спорить с Ниной Петровной было нельзя. И я, как утопающий, схватился за соломинку:

— Хорошо... Диктуй мне, пожалуйста, первый попавшийся отрывок...

И я взял томик Гоголя

— Вот, например, со слов: «Поцелуйтесь со своею свиньёю...»

— Что-то тебе всё время одно и то же место случайно попадает? — удивился Саша.

«Сейчас всё поймёт!» — испугался я. И с самым независимым видом произнёс:

— Диктуй, откуда хочешь. Хоть из «Носа»! Хоть из «Записок сумасшедшего»!

— Да одно и то же по два раза читать неинтересно, — сказал Саша. — Я что-нибудь другое найду.

Он стал перелистывать страницы, а я от предчувствия своего полного краха, кажется, поблед-

нел, присел на стул и с видом человека, готового подписать свой собственный приговор, взялся за ручку.

Саша между тем рассуждал:

— У нас вот теперь сборники какие-то односторонние выходят... Если весёлый, то хохочи всё время, пока живот не заболит. А уж если грустный, так тоже до самого конца. А у Гоголя смотри, как всё разнообразно. Вот Иван Иванович с Иваном Никифоровичем ругаются... Смешно, да? А рядом, на 191-й странице, «Вий». Мороз по коже подирает! Прочтёшь сборник — и посмеёшься и поплачешь. Так гораздо интересней получается.

Вот я тебе сейчас из «Вия» подиктую. Самое страшное место!

«Пусть диктует,— подумал я.— Скажу потом, что от страха ошибки насажал. Ничего, мол, не мог сообразить от ужаса! Затмение мозгов произошло! Сила художественной литературы!..»

— Значит, описание «Вия»,— сказал Саша.— Понятно? Пиши... Только я медленно буду диктовать, чтобы в каждое слово вглядываться... «Весь был он в чёрной земле... Как жилистые, крепкие корни, выдавались его засыпанные землёю ноги и руки...»

— Ой, неужели так прямо и написано: весь был в земле?! — воскликнул я.

— Прямо так и написано. Не веришь, так посмотри!

Это мне только и нужно было. Я, словно бы не доверяя Саше, схватил книжку и прочитал всё, что там было насчёт земли... Ну, конечно, уж заодно и безударные гласные разглядел.

— Да, действительно так... Скажи, пожалуйста, какой ужас!

Я уселся на место и записал прочитанные фразы.

— «С ужасом заметил Хома, что лицо было на нём железное...» — медленно, будто заучивая наизусть каждое слово, диктовал Саша.

— Ой, неужели такой страшный? Лицо железное?! Так прямо и написано?

Я вскочил и снова выхватил у Саши синий томик. А сам с надеждой подумал: «Так я, пожалуй, весь диктант без единой ошибочки напишу!» Но не тут-то было. Саше мои подсказывания со стула надоели.

— Что ты всё время ойкаешь, как Липучка? — сердито спросил он. — А ещё говорил, что всего Гоголя наизусть знаешь! Сиди смирно. Если ещё раз вскочишь, как щёлкну по затылку! Понятно?

Понять это было нетрудно. Я продолжал писать диктант.

— Во как Гоголь умел страх нагонять! — не удержался Саша. — У тебя прямо руки трясутся.

Если бы он знал, отчего у меня тряслись руки!

Кончив читать про страшного Вия, Саша сказал:

— Ну, вот и всё!

«Да, вот и всё! Крышка!» — подумал я и сбросил протянуть Саше свои каракули. Но он отмахнулся от моей тетради, схватил жестяную кружку, из которой я чистил зубы, и стал постукивать по ней чайной ложечкой:

— Звонок! Звонок! Урок окончен!.. Проверять я тебя не буду. Зачем?

— Конечно, не надо... — заплетаясь от радости, сказал я. «Спасён! Спасён!..» И добавил: — У ме-

ня ещё и почерк жуткий. Я ведь внук доктора! Понимаешь?... Ничего разобрать нельзя.

— Ясное дело, смешно будет, если я вдруг стану тебя проверять,— сказал Саша.

— Факт, смешно,— согласился я, подумав, что на самом деле это было бы не смешно, а очень и очень грустно... И поскорее спрятал свой диктант в ящик дедушкиного стола. «Потом сам проверю»,— решил я.

И ещё я подумал о том, что теперь мне нужно будет каждый день вызубривать наизусть не один, а целых два диктанта...

«Неистребимый»

Итак, мы стали заниматься. Занимались мы в любую погоду и даже в такие дни, когда с утра, испытывая нашу волю, вовсю слепило солнце. В небольшой комнате было душно, и прямо до смерти хотелось искупаться. Мою волю солнце бы, конечно, растопило в два счёта, но, к счастью, рядом был Саша. А он даже запрещал мне выглядывать в окно, чтобы не соблазняться видом Белогорки.

Как-то однажды, не вытерпев, я предложил заниматься по вечерам, после пяти часов. Но Саша обозвал меня «тряпкой» и сказал, что в древней Спарте таких, как я, сбрасывали с обрыва в реку. (Я бы, честно говоря, не отказался, чтобы меня в ту минуту сбросили с холма в Белогорку.) И ещё он сказал, что заниматься нужно только по утрам, потому что утром голова свежая. Спорить со своим учеником я не решался.

Все кругом хвалили меня, говорили, что я «настоящий пионер», потому что жертвую своим отдыхом ради товарища. И даже тётя Клания однажды вынесла мне благодарность.

Вообще-то я избегал встречаться с тётей Кланей, потому что она как видела меня, так сразу начинала сравнивать с Маришкой, то есть с моей собственной мамой. «Да,— говорила она,— Маришка-то поздоровее была». Я и сам понимал, что не стою маминого мизинца, что все прекрасные мамины качества, к сожалению, не перешли ко мне по наследству... Но вот я всё-таки дождался похвалы и от тёти Клани.

— Да,— сказала она,— Маришка тоже всегда хорошо училась. В этом ты похож на неё... («Как раз меньше всего»,— мысленно закончил я фразу тёти Клани.) — Если вытянешь моего Сашку, спасибо тебе скажу! И Саша скажет!

«Кто кому должен будет сказать спасибо,— это ещё большой вопрос!» — подумал я. Кстати, Саша был единственный, кто ни слова не говорил о моём благородстве и продолжал командовать мною так, словно учителем был не я, а он.

Занимались мы всегда часов до пяти. В это время как раз приходил Веник. Саша мазал ему живот иодом, и мы все бежали к своему плоту на Белогорку. Там нас уже поджидали Липучка и старый, вечно сонный шпиц Берген.

Впрочем, наш плот был уже не плотом и не океанским пароходом...

— Он будет сторожевым пограничным катером! Понятно? — сказал как-то Саша. — Белогорка будет пограничной рекой, а мы с вами начнём вылавливать нарушителей.

Нужно было придумать катеру какое-нибудь боевое имя.

— «Ласточка!» — предложила Липучка.
— Ну да, еще снегирём назови, — усмехнулся Саша. — Или канарейкой!
— «Верный, недремлющий страж», — предложил Веник. Но Саше и это не понравилось.
— Ещё в две страницы название придумай! Надо, чтобы коротко было, в одно слово. Вот, например, «Неистребимый»!
Это название все приняли единогласно.
Я захотел устроить ребятам сюрприз. Поздно вечером я тайком пробрался к плоту и написал углем на ящике из-под рафинада, то есть на капитанском мостике, название нашего катера. «Вот уж завтра глаза вытаращат! Вот уж удивятся!» — подумал я. И отправился спать.

Первым удивился Веник:
— Любопытно, какой это грамотей нацарапал? Написал — «Неистребимый»! Надо же так!..
— Ну, и что? — не понял я.
— Между «р» и «б» должно стоять «е», а тут — «и». Уразумел?
Да, я сразу всё уразумел... И вслух предположил:
— Какой-нибудь посторонний человек написал.

Веник пожал своими плечиками:
— Загадочно! Никто из посторонних, кажется, не в курсе того, как называется наш катер.
— Подслушал — и узнал! Подумаешь, «не в курсе»! Один ты в курсе, да? — набросился я на Веника. — Не в курсе!.. А про себя подумал: «Не мог уж во-время «проанализировать», поторопился! И какое счастье, что Саша не проверят мои диктанты и не знает моего почерка!»

Нарушителей границы мы искали главным образом в воде. Всех незнакомых нам мальчишек мы вытаскивали из реки на свой «катер» и требовали предъявить документы. «Нарушители» были совсем голые или в одних плавающих, и потому документов у них не оказывалось.

— Странно, странно... — говорил Саша. — Как это вы пускаетесь в плавание без документов?

«Нарушители» смотрели на нас, как на сумасшедших. И сам я, между прочим, думал, что всё это пустые игры и что из-за наших с Сашей переэкзаменовок мы так и не сможем использовать свой плот по-настоящему, для какого-нибудь важного дела.

Однажды ночью...

Среди ночи вдруг затрезвонил жёлтый ящик с ручкой на боку, похожий на кофейную мельницу. Он будил нас уже не впервые: дедушку и по ночам вызывали в больницу или, как он говорил, «на трудные случаи»...

И всегда дедушка полуснёпотом отвечал в трубку:

— Иду. Ну какой может быть разговор! Но в этот раз он долго не отходил от жёлтого ящика.

— Так-с... Прескверное положение, — шептал он в трубку. — У вас же там свой врач имеется. Почему только мне?.. И ему тоже верьте! Ну, ладно, ладно... Какой может быть разговор! До «Хвостика» я, значит, буду часа полтора добираться. Да что вы! Откуда сейчас машина? По реке, правда, в три раза быстрее... Да вот

нет у меня персонального парохода. Вообразите, нету.

Я стремительно вскочил со своей раскладушки и завопил:

— Есть пароход! Есть, дедушка! Есть!..

От неожиданности дедушка выронил трубку, она заболталась на шнуре, заколотилась о стенку.

— О чём ты? Какой пароход? — всё ещё шёпотом, словно боясь разбудить меня, спросил дедушка.

— Наш пароход! Наш катер!..

Дедушка повернулся и стал шарить руками по стене, искать трубку. Наконец нашёл её и прошептал:

— Подождите минутку. Я тут улажу семейные дела...

Он зажал трубку ладонью и обратился ко мне:

— Ты что, перезанимался с Сашей? Или, может быть, на солнце перегрелся?

— Я не перегрелся, дедушка! У нас есть пароход. Честное слово, есть!

— Пароход? Вообразите, какую чепуху мелет! — Всегда в минуты волнения дедушка обращался к кому-то третьему, вроде бы незримо присутствующему в комнате. — Какие судоваладельцы нашлись!

— Ну, в общем, это мы его так называем... катером. А на самом деле это плот. Ребята сами построили, честное слово!

— Ах, плот? Так бы сразу и сказал. — Дедушка разжал руку и склонился над трубкой. — Тут, вообразите, намечается выход. Я приеду. Ну, какой может быть разговор!..

Мне очень хотелось самому, без всякой посторонней помощи, перевезти дедушку в заречную часть города, называемую «Хвостиком». Это был бы подвиг! О нём, может быть, написали бы в газете, о нём бы узнали все! И тётя Клэня узнала бы. И тогда, может быть, она бы признала наконец, что я достойный сын своей собственной мамы. Но тут же я подумал, что Саша никогда бы не уплыл без меня. И побежал будить его.

— Поскорей! — предупредил дедушка. — Дорога каждая минута. Я пока буду спускаться к реке. А то ведь мы с ней медленно ходим... — Он погладил похожую на крендель ручку своей самодельной палки. — Догоняйте меня!..

Я вскарабкался на подоконник и увидел, что Саша не спит: он приподнялся на локтях и чуть-чуть наклонил голову, к чему-то прислушиваясь.

Не успел я вслух удивиться, как Саша преспокойно шёпотом спросил:

— Что там случилось?

— Ты всю ночь не спишь, что ли? — удивился я.

— Да нет... Просто услышал, как ты с крыльца ссыпался. У дедушки не такие шаги. Что случилось?

— Очень важное дело! Понимаешь, заболел один человек. Очень тяжело... На «Хвостике»! Каждая минута дорога, а машины нету. Пешком очень долго. А у дедушки ещё ноги болят... А по реке же в три раза быстрее!..

Пока я всё это объяснял, Саша натянул майку, тапочки и оказался рядом со мной на подоконнике.

Дедушку мы догнали на поддороге. Он шёл не своей обычной неторопливой походкой, какой ходят во время прогулок, а быстрыми и

резкими шагами. Спина его всё время напряжённо вздрагивала: нелегко доставался ему каждый быстрый шаг.

Дедушка бормотал себе под нос:

— Ведь предупреждал, кажется... Сколько раз предупреждал! Как маленький!.. Как ребёнок... Со смертью играет. Вот и, пожалуйста, результат! Доигрался. Допрыгался...

Подгонять плот к самому берегу не было времени. Дедушка, не задумываясь, присел на камень, скинул ботинки, носки, засучил брюки. Затем он взял в каждую руку по ботинку, палку засунул подмышку и смело пошёл по воде. Мы с Сашей торопливо зашлёпали сзади.

Мы усадили дедушку на маленький ящичек, на котором обычно сидела Липучка, когда разжигала костёр, чтобы варить суп или картош-

ны. Карманы брюк и пиджака топорщились от разных пузырьков и инструментов. Немного в стороне, нос к носу, стояли ботинки.

Окраина города, именуемая «Хвостиком», спала мёртвым сном: ни шороха, ни звука, ни скрипа. На всём берегу светилось одно-единственное окно.

— Там он лежит, — уверенно сказал дедушка. Поднялся и указал палкой на немигающий и вроде зовущий нас огонёк.

В пути, работая шестом, я фантазировал, будто золотистая дорожка посреди реки проложена кем-то специально от города до «Хвостика». Но лунная дорожка не обращала на «Хвостик» никакого внимания, она не сворачивала к нему, а, дрожа и переливаясь, убегала вперёд, куда-то далеко-далеко...

Мы с Сашей изо всех сил приналегли сразу на два шеста.

ку. Я вытащил из воды якорь, и мы с Сашей изо всех сил приналегли сразу на два шеста. Плот рванулся с места.

Посреди реки была проложена золотистая, словно песчаная, дорожка: это луна освещала нам путь. Берега, которые днём были такими весёлыми, зелёными от травы и пёстрыми от цветов, сейчас казались мрачно насупившимися. И такой же мрачной, таинственной громадой возвышался наш холм. Казалось, что какое-то гигантское чудовище разлеглось на берегу и подняло вверх свою острую морду. Как два глаза, светились где-то высоко два окна.

— Наверно, там больные, — сказал я. Мне всегда казалось, что за окнами, не гаснущими в ночи, мучаются больные люди.

Дедушка сидел ссутулившись, опершись на палку. Ноги у него были босые, брюки засуче-

Я бросил якорь, и мы все во главе с дедушкой зашлёпали к берегу.

Тут я понял, что ночью по огонькам никак нельзя определить расстояние. Издали казалось, что огонёк на берегу. Но в действительности он светился на самом конце «Хвостика». «А вообще-то какая хорошая, добрая вещь — эти ночные огоньки! — подумал я. — Они ведь, наверно, так облегчают дальний путь: всё время чудится, что цель уже близка, и шагать веселее!»

Возле маленького одноэтажного домика, остроконечной крышей своей напоминавшего часовенку или маленькую избушку, нас поджидал невысокий, очень широкоплечий мужчина в белой рубашке, которая, кажется, не сходилась у него на груди. Лица я в темноте не разглядел.

— А-а, приехали! Приехали!.. — взволнованно забасил мужчина. Голос у него прерывался, и

мне было странно, что такой здоровяк может так волноваться.

— Плохо с братом... Очень плохо, доктор, — сказал мужчина. — Вы ведь его, помните, как-то смотрели.

— Да, очень внимательно изучал вашего брата. И даже прописывал ему кое-что. Но он-то, наверно, рецепты мои по ветру развеял: не верит ведь в медицину. А? Ведь не верит? — Дедушка говорил с какой-то успокоительной шутливостью в голосе. Он как будто даже не спешил в комнату к больному, давая этим понять, что не ждёт ничего угрожающего. И это подействовало на мужчину. Голос его перестал дрожать.

— Как же вы добрались? Жинка встречать вас пошла на дорогу. Неужто проглядела?

— Вообразите, я сам виноват, — развёл руками дедушка. — Сказал, приеду, а на чём именно, спросонья не сообщил. Ребята вот на плоту меня доставили...

Мужчина хотел в знак благодарности пожать ему руку, но обе руки у дедушки были заняты ботинками. Он так и вошёл в комнату, держа ботинки впереди себя. Это было смешно, необычно и немного облегчало настроение. Мы с Сашей тоже вошли в домик, и я замер на пороге...

У стены, на узкой кровати, не уместаясь на ней (одно плечо было на весу), лежал Андрей Никитич. Лицо у него было серое, с каким-то синеватым оттенком, как тогда, в поезде, хоть здесь и не было синей лампы.

— Андрей Никитич!.. — не удержавшись, вполголоса сказал я.

Андрей Никитич не услышал меня. Но дедушка быстро обернулся. Лицо у него было уже не спокойное, а сердитое, сосредоточенное.

— На улице подождите, молодые люди, — сказал он так, будто не знал наших имён и вообще был незнаком с нами.

Мы с Сашей вышли на улицу. Дедушка казался нам в тот миг самым могучим человеком на земле, вершителем судеб, от которого зависела жизнь и смерть, горе и радость...

Я вспомнил, как Андрей Никитич, стоя у открытого окна в коридоре вагона, сказал: «Врачи советуют лечиться, в санаторий ехать. А я на охоту да на рыбалку больше надеюсь...»

Я вспомнил эти слова очень точно, и голос его вспомнил, и тяжёлую, задумчивую походку...

«Почему же вы не поверили врачам, Андрей Никитич? Почему?..» — подумал я.

Когда волнуешься или чего-нибудь ждёшь, время тянется очень медленно, потому что думаешь всё время об одном, не отвлекаясь, ничего кругом не замечаешь и каждая секунда на виду.

Дедушка вышел на улицу тихо, всё так же держа в руках свои ботинки. Тихо вышел и брат Андрея Никитича.

В ту же минуту откуда-то из темноты появилась женщина в сарафане и с растрёпанными волосами, которые лежали у неё на плечах.

— Ну, как он? Как он?.. — не то заговорила, не то зарыдала она. — А я стою на дороге, стою... Все глаза проглядела. Ну, как он, доктор?

Дедушка опять спокойно и даже чуть-чуть насмешливо ответил:

— С лежачим-то с ним легче будет. Теперь уж он обязан подчиняться. А то ведь не сладишь!

Артиллерия, говорит, медицине не подвластна. Вообразите!..

Внезапно дедушкин голос изменился — стал натынутым, сухим:

— А могло быть худо... совсем худо, если бы вот не их плот!..

Дедушка кивнул в нашу сторону.

Неожиданный экзамен

Веник в конце концов всё-таки засыпался... Однажды Ангелина Семёновна, взволнованная долгим отсутствием Веника, совершила налёт на поликлинику и всё узнала. Она выяснила, что Веник уколов не делал и что сейчас их делать уже поздно, потому что если собака была бешеная, так и Веник в ближайшие дни непременно должен взбеситься.

Ангелина Семёновна уложила Веника в постель, хотя никто ей этого не советовал. Считая первым и самым главным признаком бешенства водобоязнь, Ангелина Семёновна заставляла Веника пить в день по десять стаканов чая и съедать по три тарелки супа, а когда он отказывался, потому что живот его был до отказа наполнен всякими жидкостями, она начинала ломать руки и кричать:

— Скажи мне правду, Веник! Скажи маме правду! Тебе страшно смотреть на суп, да? Страшно?.. А что ты испытываешь, когда я наливаю тебе чай? — допытывалась она.

— Меня тошнит, — отвечал Веник.

— Ну, вот! Конечно! Все признаки налицо!

А Веника тошнило просто потому, что она сыпала в чай слишком много сахара: по её сведениям, это обостряло умственную деятельность.

Но Веник уже не мог без нас. И вот, когда дней через десять дедушка впервые разрешил нам навестить Андрея Никитича, Веник удра из дому, прибежал на берег Белогорки и отплыл вместе с нами...

На этот раз мы плыли к «Хвосту» утром. И снова среди реки была золотистая дорожка, но только не лунная, а солнечная. И снова она никак не сворачивала и бежала себе всё прямо и прямо, далеко-далеко...

От всей этой красоты летнего утра Липучка настроилась на поэтический лад и стала требовать, чтобы я прочитал свои новые стихи, которые были в той самой тетрадке под скатертью. Я отбивался, как мог, говорил, что стихи ещё не закончены. Меня поддерживал Веник. Он авторитетно заявил, что поэты никогда не читают «недоработанных произведений». И тогда Липучка отстала.

Андрея Никитича мы нашли не сразу. Все дома были похожи друг на друга, огонька, который тогда, ночью, звал нас и указывал путь, сейчас уже не было.

Андрей Никитич нам очень обрадовался. Но так как дедушка предупредил нас, что ему нельзя много разговаривать, мы все стали кричать на четыре голоса: «Не разговаривайте, Андрей Никитич. Не разговаривайте!..», «Мы вас не слушаем, не слушаем!..» И затыкали уши. В конце концов он смирился и сказал:

— Хорошо, давайте будем смотреть друг на друга.

И мы стали смотреть: он на нас, а мы на него. Дедушка говорил, что он лучше всего опреде-

ляет самочувствие больных по глазам. У Андрея Никитича глаза были живые, лукавые, — значит, дело шло на поправку.

Мы помолчали минут пять. Потом Андрей Никитич, как ученик в классе, поднял руку и глазами дал понять, что просит слова.

— Говорите, — разрешил Саша таким тоном, каким он командовал нами с капитанского мостика.

— У меня вот просьба есть к Саше, — робко проговорил Андрей Никитич.

— Ко мне? Понятно... — Саша поближе подошёл к кровати.

— Да нет, не к тебе.

— А меня, Андрей Никитич, тут в Шуру переименовали, — сообщил я.

— Переименовали? Кто же, интересно?

Я кивнул на Сашу.

— А почему ты его самого не переименовал?

Я неопределённо пожал плечами:

— Да не знаю... Он сказал мне: «Будешь два месяца Шурой». И я послушался.

— Послушался? — Андрей Никитич с уважением взглянул на Сашу. — Люблю мальчишек, которых слушаются! А просьба у меня всё-таки к бывшему Саше, то есть к теперешнему Шуре.

Воспитанный Веник сразу всё понял.

— Саша, Липучка, — сказал он, — пойдём подышим свежим воздухом...

— Нашёл работу! Свежим воздухом дышать! — усмехнулся Саша. — Давайте уж лучше воды натаскаем. Понятно? Я заметил в сенах пустые вёдра.

Ребята зазвенели вёдрами. А у меня, наверно, был до глупого гордый вид: сам подполковник-артиллерист с просьбой обращается! Но что же это за просьба такая?

— Просьба ерундовая. Пустяк, — сказал Андрей Никитич. — Письмо надо домой написать. А дедушка твой писать запрещает. Так я продиктую тебе. Идёт?

Мне показалось, что из двери, которую ребята оставили открытой, сильно дует и вообще в комнате холодно.

Но Андрей Никитич всё-таки был очень хорошим человеком: письмо он продиктовал короткое, и слова в письме были не такие уж трудные. Я сейчас точно не помню, о чём именно было письмо. На содержание я не обращал никакого внимания, а только на одни лишь безударные гласные... Помню только, что были в письме такие фразы: «Доктор говорит, что теперь у меня один маршрут — в санаторий...» «Меня навещает один мальчик, который приехал к своему дедушке, и его товарищи...»

Слова «маршрут» и «к дедушке» Андрей Никитич, конечно же, вставил нарочно. И я написал эти слова так чётко, так ясно, как только мог. Чуть ли не печатными буквами! В общем, устроил мне Андрей Никитич неожиданный экзамен!

— Спасибо, — сказал он. — Теперь положи в конверт и наклейте марку. Я тебе адрес продиктую. На обратном пути опустишь. Идёт?

И тут мне смертельно, как говорит Липучка, «до ужаса», захотелось узнать, сколько я сделал ошибок. Помогли мне занятия с Сашей или нет?

— Вы, Андрей Никитич, лучше проверьте. Может, я напутал что-нибудь? Или пропустил? По рассеянности.

— У тебя уже есть рассеянность? — удивился Андрей Никитич. — Это же старческая болезнь. Ну, ладно. Если просишь, прочту.

Он взял листок из моих дрожащих, перепачканных чернилами рук. Сперва всё шло хорошо. Андрей Никитич спокойно водил глазами по строчкам. Но вдруг он сказал:

— Дай-ка сюда перо!

«Так! Первая есть!..» — подумал я и заложил один палец на правой руке. Ещё мне пришлось заложить три пальца. Значит, я всё-таки кое-чего добился: ведь раньше, когда я начинал считать свои ошибки, мне не хватало пальцев не только на руках, но даже на ногах.

Ребят притащила в комнату «женщина с растрёпанными волосами», которая вернулась из магазина. Волосы у неё были аккуратнейшим образом скручены в косу. Но прозвище так за ней и осталось: ведь первое впечатление самое сильное.

«Женщина с растрёпанными волосами» (это была жена брата) долго благодарила нас, называла хорошими ребятами, очень сознательными и добрыми, — в общем, говорила такие вещи, которые мне почему-то всегда бывает стыдно слушать. Потом она взглянула на часы.

— Андрею Никитичу спать нужно.

— Что я, дошкольник, что ли? Днём спать!.. — пытался заспорить Андрей Никитич.

Но мы сразу стали прощаться.

— Приходите, ребята, почаще. И ты, Веник, приходи. В шахматы с тобой сыграем. В поезд-то не успели. И маме привет передай.

Веник был просто счастлив, что Андрей Никитич забыл все вагонные споры и так дружески сказал о его маме. До самого берега наш солидный Веник бежал вприпрыжку.

На обратном пути Липучка опять пристала ко мне со стихами. А Веник стал ещё горячее защищать меня: у него было хорошее настроение. Он сказал, что я в Москве «обобщу все свои впечатления» и напишу цикл «Белогорских стихов». И ещё он сказал, что в творчестве Пушкина был период Болдинской осени, а в моём будет период Белогорского лета. Мысль Веника мне очень понравилась.

— Верно! Я всё обобщу и приеду из Москвы, — пообещал я Липучке.

Но когда мы подплыли к Белогорску, настроение у Веника сразу испортилось: на берегу возле нашего шалаша стояла Ангелина Семёновна!

— Дрейфовать здесь, но к берегу не подходить! — с капитанского мостика приказал Саша.

Веник безнадежно покачал головой:

— Вы не знаете мою маму. Она не уйдёт отсюда до следующего утра. Она не простит мне этого побега!

Но Веник ошибся. С берега вдруг поплыли самые ласковые и нежные звуки.

— Веничка, милый мой мальчик! — кричала Ангелина Семёновна. — Оглядишься по сторонам! Веник огляделся.

— Тебе не страшно? Ты не боишься?

— Боюсь... Тебя! — крикнул Веник.

— Меня? Свою маму? Глупый ребёнок! А воды, воды ты не боишься?

— Не боюсь!

— Честное пионерское?

— Честное пионерское!

Вдруг он сказал: — Дай-на сюда перо!

— Какое счастье, какое счастье! Значит, ты здоров? Совсем здоров?!

Нам ничего не грозило, и Саша приказал пришевартовываться.

Как только мы вылезли на берег, из шалаша с лаем выскочил, видно, хорошо отоспавшийся и потому, как никогда, бодрый шпиц Берген.

— Милая собачка! — сказала Ангелина Семёновна. Она с нежностью гладила Бергена, словно благодарила его за то, что он оказался не бешеным, а самым нормальным псом.

Потом она стала так же нежно гладить своего Веника. Она смотрела на него так, будто он долго-долго не был дома и вот сейчас, минуту назад, сошёл с поезда или с парохода.

— Как ты загорел за эти месяцы! — говорила Ангелина Семёновна, прямо-таки с любопытством разглядывая сына. — Как у тебя мордочка округлилась!

— Мама, при чём тут мордочка? — вдруг осмелев, сказал Веник. — Я же всё-таки не шпиц Берген!

— Не сердись на маму. Ты очень хорошо выглядишь. И это, естественно, радует её!

В самые трогательные минуты Ангелина Семёновна начинала говорить о себе в третьем лице. Я это ещё в поезде заметил.

— Да, ты очень поправился. И как-то возмужал, окреп! И Саша тоже... — Ангелина Семёновна впервые ласково взглянула на меня. — В Москве вас просто не узнают!

А мне вдруг стало грустно. Слова Ангелины Семёновны напомнили мне о том, что дни стали уже заметно короче, что лето подходит к концу и что скоро мне придётся прощаться с Сашей, с дедушкой, с Липучкой... И с этим плотом, качающимся на лёгких речных волнах, и с этим зелёным холмом. Я вдруг наклонился и поцеловал Бергена в мокрый шершавый нос...

Два письма

«Здравствуй, Шура! Только что я вернулся из школы. Сдавал переэкзаменовку. В классе проверять работы не полагается, но я упросил Нину Петровну. И она проверила. Ясное дело, есть ошибки. Но мало. И Нина Петровна поставила мне четвёрку.

Мне бы не видать этой четвёрки, как ушей своих, если бы не ты, Шура. Спасибо тебе! Приезжай в будущем году обязательно. Построим новый плот и уйдём в далёкое плавание. Понятно? Саша».

«Дорогой Саша! Мне стыдно писать это письмо. Но я всё должен рассказать тебе. Всю правду! У меня ведь тоже была переэкзаменовка по русскому языку. Только я постеснялся честно рассказать об этом. Ты вот не постеснялся, а я постеснялся...

И ещё я про стихи наврал. Мало ли на свете Сашек Петровых! Вот какой-то из них и пишет стихи, а вовсе не я. Да ведь я теперь и не Саша вовсе, а Шура. Дома меня тоже так будут называть, потому что мама вдруг открыла, что я приехал из Белогорска «совсем другим человеком». Не очень-то понимаю, что она этим хочет сказать.

Сегодня я сдавал переэкзаменовку. Получил всего-навсего тройку. А ты четвёрку? Но ничего! Ведь часто так пишут: «Ученик превзошёл своего учителя!..»

История эта случилась в позапрошлом году. Я сразу хотел записать её, но не решился: боялся насажать много ошибок. А сейчас вот записал...

Ни одной переэкзаменовки у меня больше не было. И у Саши тоже. Он, между прочим, этой зимой, на каникулах, приезжал к нам в гости в Москву. А я теперь каждое лето езжу только в Белогорск...

Х У Д О Ж Н И К

Джанни Родари

Рисунки А. Кокорина.

Слушайте сказку, любители сказок!
Жил-был Художник,
Художник без красок,
был он беднее, чем уличный пёс,—
кисточки рвал из своих же волос.

Пошёл он к Хозяину Синего цвета
и молвил:
— Дай краски немножечко мне,
я небо хочу рисовать, и на это
мне капли единственной хватит вполне.

А тот посинел и ответил: — Ступай-ка
туда же, откуда пришёл, попрошайка!
Проваливай, нищий! Проваливай, жалкий!
Пока по спине не погладили палкой!

Пошёл он к Хозяину Жёлтого цвета.
— Ты краски немного не мог бы мне дать!
Пусть даже остатки —
мне только бы лето
и жёлтый подсолнух нарисовать.

Хозяин надулся,
сделался жёлтым

и крикнул: — Бездельник несчастный,
пошёл ты!

Что ж делать,
пошёл наш Художник из сказки
к Хозяину краски Зелёной вначале,
оттуда — к Владельцу Коричневой краски...
Они его тоже с порога прогнали.

И тут он подумал, хозяев кляня:
«Но Красная краска ведь есть у меня!»
И вену надрезал...

Багряные капли
из вены на холст потихоньку закапали,
и сразу окрасилось всё полотно,
и стало похожим на знамя оно,
на море огня и на сто миллионов
под солнцем пылающих алых пионов!

А бедный Художник...

По правде сказать —
теперь его бедным не следует звать.
К тому же он сам говорит, что богат он,
как сто Королей и один Император!

Перевёл с итальянского
Павел Грушко.

Аркадий Фидлер — польский писатель, от-
важный путешественник, объездивший весь
свет. Он написал много интересных книг о
своих путешествиях, а трофеи, которые он
привозит из далёких стран: дикие звери,
коллекции редкостных цветов и на-
секомых, причудливые раковины — укра-
шают музеи и зоологические сады Польши.

В одном из своих путешествий Аркадий
Фидлер побывал в Бразилии, в девственных
лесах Амазонки. Там, в непроходимых за-
рослях по течению реки Иваи и её притока
Марекуинья, живут племена индейцев-коро-
адов. Оттеснённые белыми из плодородных
долин в недоступные дебри, они живут так
же, как тысячелетия назад жили их предки,
возделывая землю первобытным способом
и охотясь на зверей с помощью копьев, лу-
ков и стрел.

О жизни в охотничьем стойбище короадов,
об опасных приключениях в таинственных
лесных дебрях Аркадий Фидлер рассказы-
вает в своей книге «Рио де Оро». Главы из
его книги мы помещаем здесь.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ЛЕСАХ БРАЗИЛИИ

Аркадий Фидлер

НА ДВЕ ЛАДОНИ ВЛЕВО ОТ СОЛНЦА

Подготовка к походу на Марекуинью шла очень
энергично, и наконец в первой половине февраля
мы достигли берега реки Иваи, в которую впадает
Марекуинья. Мы остановились на ранчо, километрах
в двадцати от колонии Кандидо де Абреу. Фран-
сиско Гонсалес, наш молодой хозяин, — «кабокло».
Так называют здесь бразильцев, живущих в лесах.
Вид у него добродушный, хоть и несколько дико-

тый. Гонсалес принял нас приветливо и уступил по-
ловину своего маленького домика.

Нас пятеро поляков: мой смелый друг, страстный
зоолог Антоний Вишневский, проделавший со мной
весь долгий путь из Польши; родившийся здесь То-
маш Пазио — «польский индеец»; ревностный по-
мощник Вишневского — Михаил Будах, сын колониста
из Кандидо де Абреу и четырнадцатилетний братиш-
ка Михаила — Болек Будах, наш поварёнок.

Гонсалес живёт почти на самом берегу реки
Иваи. Начало своё эта река берёт на возвышенности
Паранá, которая давно и плотно населена белыми.
Но дальше Иваи течёт по местам первобытным, на-
селение там немногочисленно, а белых почти совсем
нет.

Колония Кандидо де Абреу — последняя колония
белых. Дальше живут немногочисленные «кабокло»,

Фидлер поймал этого броненосца на одном из островков реки Иваи. Он привёз его в Польшу и подарил Познанскому зоосаду. Броненосец весь покрыт защитным роговым панцирем. На ногах у него когти, он роет ими землю. За три минуты броненосец вырывает в самом твёрдом грунте нору длиннее своего тела, и если он уже зарылся в землю хотя бы наполовину, то самый сильный человек не сможет его вытащить.

а на южном берегу Иваи уже кочуют индейцы племени короадо.

Широкая, быстрая и почти не исследованная Иваи несёт свои воды через непроходимые безлюдные дебри, которые тянутся на многие сотни километров.

...Вечером я выхожу из дома. Заходящее солнце золотит горы на южном, индейском, берегу реки. Это невысокие горы, скорее даже холмы, но они очень круты и покрыты густой чащей леса. Когда солнце касается края небосклона, горы кажутся фиолетовыми, а их вершины пылают ярким светом. Чарующая картина!.. Кажется, светятся сами леса и приветствуют нас дружески...

В такие минуты легко забыть обо всех мрачных трагедиях, происходивших в глубине этих лесов. А ведь всего два года назад тут, в лесах, у водопада Рио де Оро, произошло загадочное убийство — был застрелен немец Дегер... И именно тут, на берегу Иваи, незадолго до этого белые колонисты устроили зверскую резню индейцев.

Ко мне подходит Томаш Пазио. Он в хорошем настроении и весело спрашивает меня:

— Знаете, где Марекуинья впадает в Иваи?

Пазио протягивает руку, указывая на запад:

— Вон там, в той стороне. На ширину одной ладони от солнца. Значит, каких-нибудь пять километров отсюда.

— О, так близко?

Пазио две недели назад встретил Моноиса, капитона¹ короадов, живущих на Марекуинье, и заключил с ним сделку. Узнав о том, что мне хочется поохотиться на Марекуинье, Моноис пригласил нас в своё тольдо — охотничье стойбище — и предложил помощь. Пазио договорился с ним, что вся дичь, подстреленная на охоте, будет разделена между нами и короадами.

Кроме индейцев, в охоте должны были принять участие четверо самых ловких в окрестностях охотников-бразильцев. У них превосходно натасканные по крупному зверю собаки.

— А где лагерь короадов? — спрашиваю я Пазио.

Он протягивает обе руки к юго-западу.

— Кажется, не ошибаюсь. Две ладони влево от солнца... Там, за самой большой горой.

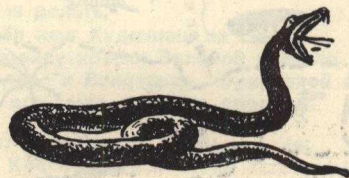
— А далеко отсюда до лагеря?

— Километров двадцать... или тридцать, или...

Пазио был в лагере индейцев несколько раз, но точно определить расстояние не может, так как шёл туда по извилистой тропинке вдоль берега Марекуиньи. Смеясь, я успокаиваю его:

— Не будем говорить о километрах, Пазио, так или иначе мы будем там! А самое главное, что небо в той стороне ясное. Это ведь обещает хорошую погоду, правда?

— Да! — поспешно соглашается Пазио. — Это хороший знак для нашей экспедиции...

ЖАРАРАКА И НЬЯ ПИНДА

Леса на Марекуинье кишат ядовитыми змеями, особенно много здесь жарарак. Не было дня, чтобы мы не встречали двух, а то и трёх этих гадин. Жарараки охотятся ночью, а днём спят в зарослях, но если погода хорошая, то они любят на часок — другой выползти на тропинку и тут полежать, греясь под тёплыми лучами солнца. Мы, европейцы, защищаемся от змей высокими, до колен шнурованными ботинками; индейцы же ходят босиком, правда, обострённым чутьём лесных жителей они всегда вовремя замечают опасность. Я знаю много случаев, когда европейцы погибали от укусов змей, но я никогда не слышал, чтобы погиб индеец, укушенный змеей.

Другой бич здешних мест — это нья пинда, кустарниковое растение, достигающее порой трёх — четырёх метров высоты и встречающееся тут повсюду. Оно всё усыпано крючковатыми острыми колючками. Этими колючками растение захватывает неосторожного путника и держит, точно в когтях. Если человек пытается вырваться из ловушки, нья пинда хватает его другими ветками и вливается ещё

¹ Капитано, или, по-португальски, «капитао», именуют в Бразилии начальника индейского поселения, состоящего из нескольких десятков семей. Капитано — всегда индеец в противовес директору по опеке над индейцами, который обычно бывает белым государственным чиновником.

сотнями новых колючек, которые раздирают и одежду и тело. Вырваться из этих страшных объятий без посторонней помощи невозможно! Здешние колонисты говорят о нья пинде, как о живом и злобном хищнике. А Пазио уверял меня, что бывали случаи, когда молодые олени, спасаясь от преследования, застревали в зарослях нья пинды и становились лёгкой добычей охотников.

Однажды, бродя с ружьём неподалёку от тольдо короадов, я неожиданно заметил свернувшуюся в клубок огромную змею. Ещё шаг — и я наступил бы на неё. Я отскочил от гадины, но ударить не смог: попал в объятия нья пинды! Колючки впились в меня. Я почувствовал острую боль...

...А жарарака уже очнулась от сна. Она подняла голову и вперила в меня свои маленькие пронзительные глазки. В таком положении она замерла, точно превратилась в камень. Картина зловещего напряжения перед нападением на врага!.. Только неустанно и быстро трепещет её язык — свидетельство того, что змея раздражена.

Это страшное на вид существо на самом деле очень мирная обезьянка, она легко приручается, и индейские ребята любят с ней играть.

Дорога из колонии Кандидо де Абреу на ранчо Гонсалеса. Фидлер и его спутники остановились на привал.

Эта ядовитая жарарака очень большого размера. Её тело не тоньше, чем рука крупного мужчины, а длиной она около двух метров. Голова поднимается выше моего колена, и змея легко может достать до бедра, не защищённого ботинками. Вспоминаю, что в лагере есть вакцина... но против укусов жарараки она действует далеко не всегда...

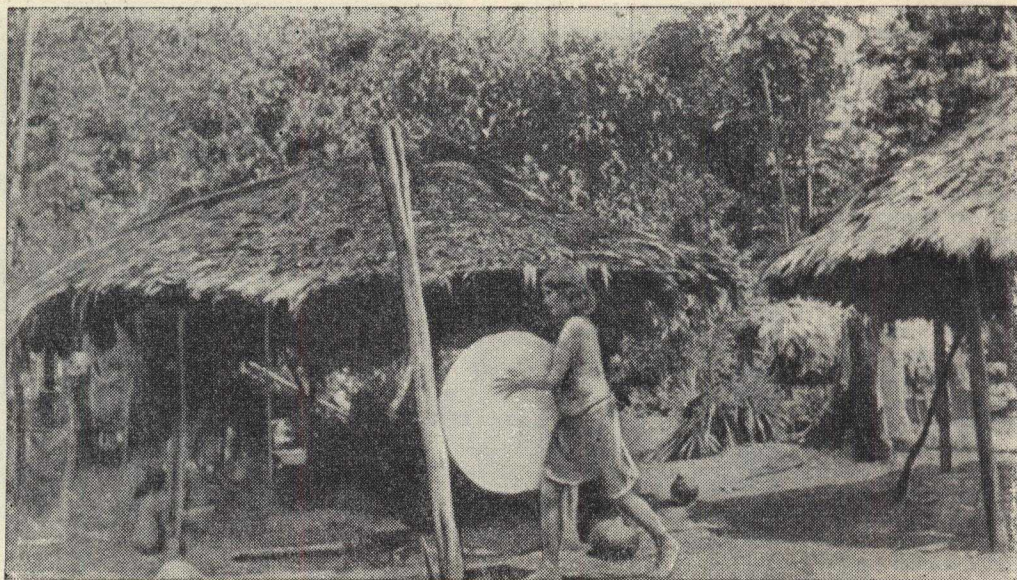
Моё ружьё висит за спиной, на левом плече, и запуталось в предательских ветках нья пинды. Не спуская глаз с жарараки, я осторожно тянусь правой рукой к поясу, чтобы расстегнуть кобур браунинга. Но даже это тихое и медленное движение нарушает равновесие куста: новые колючки впиваются в моё тело.

Жарарака сразу же поднимает голову ещё выше, готовясь к нападению. Мурашки пробегают по моей спине... Секунды кажутся часами. Я боюсь даже моргнуть и всё пристальнее гляжу на страшного гада. Моя одеревенелость, кажется, успокаивает змею: она постепенно опускает голову, потом кладёт её на свои кольца, но всё же упорно пронизывает меня взглядом. Я чувствую некоторое облегчение: по рассказам индейцев я знаю, что жарарака перед нападением всегда высоко поднимает голову.

У гадины большая голова, может быть, чуть меньше, чем у молодого барашка. Очертания её, как и у других ядовитых змей, напоминают сердце: под глазами, где находятся ядовитые железы, голова шире. Цвет головы и всего тела отликает сероватой бронзой, по всей спине до самого хвоста выступают тёмные треугольники. Этот рисунок и бронзовая окраска не лишены своеобразной красоты, но человека от этой «красоты» пронимает дрожь страха и отвращения.

Дотянуться до ружья невозможно, поэтому все усилия я сосредоточиваю на браунинге. Он лежит в кобуре у пояса справа, почти за спиной. Я медленно отвожу руку назад. В руку впиваются новые колючки, но куст пока не шевелится. Чувствую, что пальцы становятся липкими: из ран сочится кровь...

Змея не спускает с меня глаз. Но вот рука уже дотянулась до кобуры. Осторожно я расстёгиваю её

Индианка несёт в своё жилище холст, натянутый на обруч,—пальцы. Индейские женщины очень красиво вышивают, но не нитками, а волокнами дерева тануара.

и крепко сжимаю рукоятку пистолета. Так же медленно вытаскиваю его и сразу опускаю предохранитель.

Медленно, очень медленно, буквально по сантиметру, вытягиваю пистолет вперёд. Едва поднимаю его до уровня глаза, как проклятое растение снова колышется. Жарарака мгновенно вскидывает голову...

Индейцы-короады бьют рыбу из луков, подстерегая её на мелких местах.

Но браунинг уже над кустом. Ещё несколько сантиметров — и цель будет на мушке...

И тут... молниеносный бросок змеи! Зубы жарараки впиваются в пистолет всего на дюйм от моей руки. И так же молниеносно голова откидывается назад... Я стреляю, но на какую-то долю секунды опаздываю... Промазал!

Новый бросок жарараки... Пуля настигает её в воздухе и пробивает голову... Третья пуля попадает в шею, четвёртая — опять в голову.

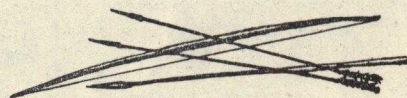
Больше я не стрелял: колючки сдирали с меня кожу, рвали мои руки... Жарарака судорожно извивалась в бессильной ярости. Она была ещё жива и пронизывала меня горящими зелёными глазками, разевая страшную пасть... Змея быстро теряла силы и извивалась всё медленней.

Только теперь я почувствовал, какое напряжение пережил. У меня подгибались колени, руки бессильно опускались вниз. Ещё минута, и я, кажется, повис бы на ветках проклятой нья пинды, изодранный в клочья...

Однако мои выстрелы услышали товарищи, до меня донеслись их громкие, возбуждённые голоса. Они были поражены, найдя меня в ловушке нья пинды, в соседстве с мёртвой жараракой.

— О! Чудесный образец для музея! — восторженно оценил змею Вишневский. — Такого экземпляра у нас ещё не было!

— Идите вы с вашими образцами! — уже несердито ворчал я, едва выдавливая слова. — Проклятая нья пинда!

ДВЕ СТРЕЛЫ ИЗ ЛУКА

...Я устроился спать около индейской хижины под защитой высокой изгороди. Тщательно укрылся полотнощом палатки: оно защищает и от комаров и

от сырости. Рядом с собой положил ружьё, револьвер, электрический фонарик и фотоаппарат. Луна высоко поднялась, и вокруг стало довольно светло. Заснул я быстро, но вдруг услышал какой-то подозрительный шорох... Сон сразу исчез. Я открыл глаза и прислушался, не делая ни одного движения. Нет, ничего... Постепенно я впал в дремоту, но тотчас снова проснулся. При свете луны я увидел над своей головой странный предмет — из стены хижины торчала длинная и тонкая палка. Сознание подсказало, что вечером её не было, ложась, я не мог бы её не заметить. Осторожно протянул руку... Стрела! Она так глубоко впилась в доску, что лёжа я вытащить её был не в силах.

И снова глухой стук... В доску вонзается вторая стрела! К счастью, я защищён изгородью. По углу падения стрелы определяю, что таинственный стрелок находится прямо против хижины. Не высываясь над изгородью, я посылаю туда электрическим фонариком яркий сноп света. Никого! Вижу только заросли высокой травы и кустов... А может быть, послать туда хороший заряд дробь?! Но я сразу же отбрасываю эту мысль: это может привести к резкому ухудшению моих отношений с индейцами. И я громко кричу, так, что мой голос устрашающим эхом раскатывается по лесу:

— Ге-гей!

Никакого ответа!.. Своим криком я разбудил Леокадио, индейца, который спал в хижине. Он раздул огонь и распахнул дверь. Я схватил оружие, вещи и перебрался в хижину.

Мы тщательно закрыли выход и легли... Час шёл за часом, луна переместилась на другую половину

неба, новых происшествий не было... К утру я уснул. Разбудило меня бормотанье Леокадио и весёлый треск костра.

Страхнув остатки сна, я для проверки, которая уже казалась мне совершенно излишней, заглянул в барабан револьвера, и... мне стало нехорошо. Ни одного патрона! Но ведь они были вчера! Пазио при мне заряжал барабан... К счастью, в кармане ещё осталось с десяток резервных патронов.

Я вышел во двор — стрелы попрежнему торчали в стене.

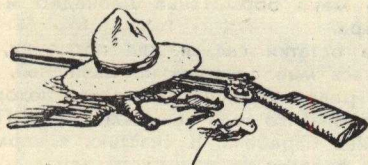
...Как я узнал много позднее, стрелял один из индейцев-короадо, и он же вынул тайком патроны из моего револьвера. Я действительно был на волосок от смерти. Причина недоброжелательности этого индейца, да и всех индейцев, недоверчиво встретивших нас, была в том, что директор по опеке над индейцами Априсита Ферейра нарочно пустил слух, будто мы землемеры и едем отбирать землю, занимаемую короадами. Ферейре хотелось, чтобы нас убили. Он боялся, что мы пойдём к водопаду на Рио де Оро. Ферейра гнался сразу за двумя зайцами: хотел устранить нас и припугнуть нашей гибелью всех, кто отважился бы пойти в сторону водопада, который он почему-то ревностно оберегал.

Слуха, пущенного Ферейрой, было достаточно, чтобы индейцы, и без того угнетённые, решили умертвить нас всех, сначала меня, «Большого сеньора», а потом и остальных участников нашей экспедиции.

Позднее, когда я ближе сошёлся с короадами, тайна водопада, оберегаемого Ферейрой, раскрылась для меня.

Вот ещё одно животное, которое водится в Южной Америке, — это муравьед: он снят здесь со своим детёнышем. Муравьед питается муравьями, и всё его тело приспособлено к этому. У муравьеда нет зубов, они не нужны ему, зато на ногах у него длинные, крепкие когти, которыми он разрывает муравейники и термитники, и своим длинным, покрытым липкой слюной языком слизывает насекомых. Рот у муравьеда маленький, череп спереди вытянут, и его кости образуют как бы футляр для языка.

РИО ДЕ ОРО

До полудня лил дождь, но к вечеру небо прояснилось. К нам зашёл родственник вождя короадов, справедливый Тибурцио, и таинственно сказал, что утром отведёт нас в одно интересное место.

— На охоту?

— По дороге можно поохотиться, но ты увидишь и другие вещи.

— Это далеко?

— Если выйдем утром, то в тольдо вернёмся к вечеру.

Тибурцио явно не хотелось говорить ничего заранее, и я перестал его расспрашивать, а на прогулку согласился. Вышли мы очень рано, едва только взошло солнце. Но всё же я заглянул в хижину Моноиса, посмотрел ещё раз на его сынишку, которого лечил. Диего не спал и чувствовал себя уже совсем неплохо, так что я мог быть спокоен.

...Мы идём троём: Тибурцио, Пазио и я. Длинным ножом «факоне» Тибурцио прорубает путь в густых зарослях. Дорога очень трудная. Чащоба, горы...

— Куда ты ведёшь нас, Тибурцио? — прерывает долгое молчание Пазио.

— На Рио де Оро! — торжественно отвечает индеец.

От изумления Пазио невольно издаёт протяжный свист и даже приостанавливается. Я спрашиваю, в чём дело. Пазио рассказывает мне про Золотую реку, о которой в этой части Параны ходит масса рассказов.

Говорят, что первыми белыми, которые захватили у индейцев эту реку, были испанские монахи-иезуиты. Это произошло несколько веков тому назад.

Друг Фидлера и его спутник на охоте индейский мальчик Диего, сын вождя короадов.

Это тукан. Посмотрите на его клюв. Это клюв хищника. Края его зазубрены, как пила, тукан ест рыбу, яйца и птенцов маленьких птиц. В Бразилии часто держат туканов как домашнюю птицу. Они быстро привыкают к людям, хорошо себя чувствуют в неволе.

Тогда Рио де Оро была одной из самых золотоносных рек Америки. Иезуиты сказочно богатели и совсем истощили запас золота в реке.

Рио де Оро — название испанское, видимо, оно дано иезуитами и сохранилось до сих пор, хотя в бразильском штате Паранá официальный язык — португальский.

Примерно в половине второго мы слышим шум водопада.

— Рио де Оро! — тихо говорит Тибурцио.

Мы выходим на берег и садимся отдохнуть. Река неширока, с песчаным руслом. Только там, где ревёт водопад, обнажились скалы, огромные камни лежат внизу.

— Есть ли ещё золото в этой реке? — спрашиваю я.

— Очень мало, — отвечает Тибурцио. — Наши мальчишки иногда приходят сюда, бывает, и найдут какую-то крупинку. Для заработка здесь искать нечего...

Пазио всматривается во что-то на берегу.

— Что это? Крест?!

— Крест, — подтверждает Тибурцио. — Тут застрелили Дегера, и тут же через несколько дней мы похоронили его.

— Кто застрелил?

— Его приятели и сообщники.

— Мне совсем непонятно это, — говорю я Пазио. — Странное происшествие...

Тибурцио разъясняет:

— Тут есть такая шайка бразильцев, в неё входил и Дегер. Они знают этот водопад и знают, что в нём таится... У них были планы — и сейчас есть — быстро разбогатеть. Дегер хотел надуть свою шайку и разбогатеть за их спиной. Они как-то пронюхали про его замысел, устроили ловушку и убили его.

— В эту шайку входит директор управления по опеке над индейцами Апричита Ферейра? — спрашивает Пазио.

— Конечно!

Я с ненавистью вспоминаю этого циничного негодяя. Человек, поставленный бразильским законом управлять индейскими племенами, так погряз в мошенничествах и преступлениях, что даже не старается их скрыть.

После короткого молчания Пазио обращается к Тибурцио:

— Я всё же не понимаю одной вещи: о каком богатстве ты говоришь? Если в реке нет золота, то что ты имеешь в виду?

— Смотри внимательней!

Пазио пожимает плечами, я тоже. Водопад как водопад... Река наткнулась здесь на скалы, и вода почти отвесно падает с высоты, образуя внизу огромный котёл, где пенятся водовороты.

— Видите вы это небольшое озерко под водопадом? — спрашивает Тибурцио. — Оно небольшое, но очень глубокое. С давних времён река несёт сюда не только песок, но и крупинки золота, которые падают в глубокий котёл. Они слишком тяжелы, чтобы вода могла выплеснуть и унести их оттуда... На дне этого озерка скопилось много, очень много золота!

Да, ход мыслей индейца не лишён логики. Природа создала под водопадом нечто вроде большого каменного мешка, в который беспрестанно сыплется золотой песок. До него никто не добирался. Природа создала здесь почти непреодолимую преграду: глубокий котёл, охраняемый грозным каскадом воды, который может перемолоть в порошок любого смельчака, если он отважится подступиться к золоту.

— И это сокровище манит Ферейру и его шайку? — спрашивает Пазио.

— Да! — мрачно отвечает Тибурцио. — Они хотят осушить озерко, но не знают, как это сделать. В двух часах пути отсюда есть место, где можно направить реку в другое русло. Но нужно много работать, нужны люди и деньги. Поэтому бразильцы медлят...

— А почему же ты открыл тайну нам? Мы ведь чужие!

— Мы бы хотели, чтобы сеньор взял это золото. Тогда часть золота получат и короады.

— Добрый человек, Тибурцио! — вздрагивает Пазио. — Как ты представляешь себе это? Они убили своего Дегера, как сможет чужестранец унести сокровище у них из-под носа?

— Индейцы защитят сеньора!

— А! — гневно восклицает Пазио. — Индейцы не в состоянии защитить самих себя... Ты об этом знаешь лучше меня, Тибурцио!

Наступает долгое молчание.

Тибурцио думает, что золото привлекательно для меня, и я даже не пытаюсь убеждать его в том, что никогда золото не действовало на моё воображение. Я много читал и о Калифорнии и о Клондайке, но уродливая «романтика» золотой лихорадки была мне чужда. Видимо, тут всё дело в том, что во мне очень крепко сидит бродяга-путешественник, а главное, исследователь природы. И легендарный водопад Рио де Оро был для меня гораздо интереснее как своеобразное творение природы, но не как кладовая золота. Близость несметного богатства, которое он таил в себе, не взволновала меня. Зато сильно обеспокоило меня другое: судьба индейцев, живущих на Марекуйне. Как только разнесётся весть о золоте, а в том, что она скоро разнесётся, я не сомне-

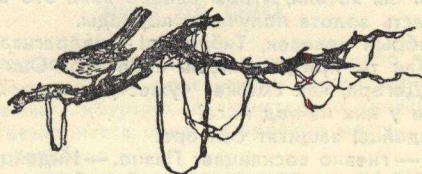

Аркадий Фидлер и его спутники застрелили анаконду — самую большую из американских змей. Анаконда — водяной удав. Большую часть жизни эта змея проводит в реке.

вался, на бедных индейцев навалится вся нечисть, все авантюристы больших городов, и тогда снова будет резня... Весть о золоте может вызвать истребление всех здешних индейцев.

— Лучше всего было бы, — прерываю я молчание, — обрушить динамитом эти скалы и засыпать золото, похоронить навеки.

— Мы давно думали об этом. Но у нас нет возможности, сеньор, — грустно говорит Тибурцио...

ЗМЕЯ ГИПНОТИЗИРУЕТ ПТИЦУ

В часы, свободные от охоты и от работы над коллекциями, особенно вечером, у весёлого огонька костра, мы подолгу говорили о могучей природе, окружающей нас, о том, что мы узнали о ней. Со времени моего памятного приключения с жарараккой мы особенно часто говорили о змеях.

Мир пресмыкающихся не только опасен, он необычайно интересен и очень мало исследован. Вот хотя бы взять такой вопрос: действительно ли змеи могут гипнотизировать свою жертву? Некоторые наблюдатели природы утверждают это и ссылаются на многочисленные случаи, но мы с Вишневым всё же сомневались в этом.

Как-то однажды мы бродили с ним в окрестностях тольдо и уже собирались повернуть домой, но вдруг Вишневский, шагавший впереди меня, так как тропа была слишком узкой, чтобы мы могли идти рядом, предостерегающе поднял руку и сделал мне знак соблюдать полную тишину. Он зорко всматривался в заросли. Я тоже напряг зрение. И через минуту понял, что остановило Вишневого: в нескольких шагах от нас, на низком кусте, сидела небольшая птичка, а почти рядом с нею, на другом кусте, — неядовитая змея — кобра верде. Змея повернула в сторону птички голову и, как нам казалось, пронизывала её взглядом зелёных фосфоресцирующих глаз. А птичка, явно загипнотизированная змеей, не улетала, она сидела сантиметрах в двадцати пяти от головы змеи и смотрела на неё, конвульсивно трепеща крылышками.

Змея и птичка так загляделись друг на друга, что мы, не замеченные ими, подошли ещё на несколько шагов. Змея медленно скользнула по кусту, потом опять замерла. Когда кобра передвинулась, птичка тоже перепорхнула с ветки на ветку, держась всё время прямо против головы кобры и точно соблюдая расстояние — четверть метра, словно она была прикована к змее невидимой цепью или какой-то магнетической силой. Глазки свои птичка не отрывала от змеи ни на секунду...

Мы долго наблюдали эту картину, но, к сожалению, у нас не было времени, чтобы дождаться раз-

вязки, и мы решили убить кобру. У Вишневого ружьё было заряжено мелкой дробью, он выстрелил; смертельно раненная змея бессильно упала с куста на землю.

При звуке выстрела птичка в ужасе взвилась в воздух, с минуту покружилась над нами, потом села на куст неподалёку и стала пристально смотреть на своего врага, извивающегося в предсмертных мучках. На нас она совсем не обращала внимания. Когда кобра издохла, птичка, радостно трепеща крылышками, весело свистнула, ей ответил приглушённый писк в ближайших зарослях травы. Мы заглянули туда: гнездо с птенцами. Теперь нам всё было ясно!

То, что казалось ещё несколько минут тому назад демоническим могуществом кобры, гипнозом, магнетизмом, было силой более высокой и могучей — материнской любовью. Кобра охотилась за птенцами, а птица-мать стала на их защиту и отвлекла грозного врага на себя. Это птичка гипнотизировала грабителя, если так можно назвать её героические усилия. И не без успеха: она увела змею от своих птенцов.

Мы оба были взволнованы до глубины души и героизмом птички и тем, что поняли наконец, почему могло появиться убеждение в таинственной силе змеи. Увидев подобный поединок, так легко было приписать змеям способность удерживать и притягивать жертву, особенно, если птица-мать сама погибала...

— Кто знает... — говорит Вишневский, и глаза его горят восторгом, — кто знает, может быть, то, что мы пережили сейчас, — это и есть самое интересное приключение в нашем путешествии по бразильским лесам?

Перевёл с польского
Я. Немчинский.

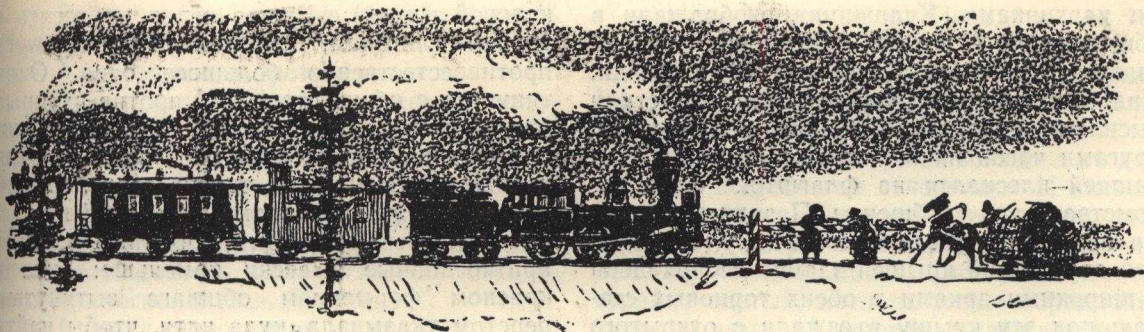
САШКА-ТРАКТОРИСТ.

К. Максимов.

ИЗЫСКАТЕЛИ.

Н. Кузыбаев.

ТЕНЬ ЗЕМЛИ

(ГЛАВЫ ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОВЕСТИ)

С. Григорьев

Рисунки П. Кузьмичёва.

В октябре этого года Сергею Тимофеевичу Григорьеву исполнилось бы восемьдесят лет.

Кто из вас, ребята, не знает этого замечательного писателя?

Книжками С. Григорьева о гражданской войне, написанными больше 30 лет тому назад, — «Красный бакен», «С мешком за смертью» — зачитывались многие поколения советских ребят. А сколько благодарных читателей у другой чудесной книги Григорьева — «Берко-кantonист», книги, рассказывающей грустную повесть о жизни детей, отданных в солдатчину во времена Аракчеева!

С. Т. Григорьев написал много книг о славном прошлом нашего народа. Вам, конечно, знакомы его исторические повести «Александр Суворов», «Махлаов курган», «Победа моря» (повесть о детстве адмирала С. О. Макарова).

В последние годы жизни (умер он в марте 1953 года) Сергей Тимофеевич работал над повестью «Тень земли» — продолжением «Победы моря». Эта повесть, по замыслу писателя, должна была рассказать о годах отрочества знаменитого флотоводца.

В главах повести, которые мы печатаем в этом номере журнала, рассказывается о путешествии маленького Степана Макарова с семьёй из Николаева, где прошло его детство, в тогдашнюю столицу России — Санкт-Петербург, куда отец везёт его и братьев, чтобы определить их в морской кадетский корпус.

От Москвы до Петербурга Макаровы едут по открывшейся как раз в это время первой в России железной дороге.

Неожиданное знакомство

...Проезд от Москвы до Петербурга стоил очень дорого, да к тому же Осипу Фёдоровичу как офицеру нельзя ехать в третьем классе с простолюдинами: «обер-офицеры имеют проезд во втором классе». Братья Макаровы, если умолчать о том, что они сыновья офицера, могли ехать с простыми людьми в третьем классе. Мальчишки этому только радовались: на всю дорогу до Питера они вырвались из-под надзора отца...

Осип Фёдорович шёл на станцию налегке, ему нести дорожную поклажу не пристало. Тут не то, что в далёких Новороссийских степях, тут что ни шаг, то навстречу или полковник или генерал — можно нарваться на неприятность. Мальчишки шли за ним с дорожными вещами несколько поодаль...

На вокзальной площади разъезжали конные жандармы с притороченными к седлу сзади в круглых сетках сеном и торбами с овсом, словно они собрались в далёкий поход. Жандармы следили за тем, чтобы экипажи подъезжали к широким дверям вокзала в порядке, причём благородные люди высокого звания в собственных экипажах, каретах и колясках могли подъезжать к самым дверям подъезда, а люди попроще высаживались с извозчицких саней сажен за десять до дверей, у гранитных ступеней подъезда. Простой народ пускали через ворота со двора. У ворот, куда стремился поток третьеклассных пассажиров, отец расстался с сыновьями, перёняв у Ивана свой саквояж и затянутую в ремни подушку с одеялом.

До сей поры знакомство Макаровых с железной дорогой ограничивалось лубочны-

ми картинками. Художники изображали в общем верно — вокзал железной дороги на взгорье обширной Каланчовской площади. Над двухэтажным зданием строгого стиля высилась квадратная башня с большими кругами часов на все четыре стороны. Над башней плескался на флагштоке флаг ведомства путей сообщения. Позади этого дома виднелось прислонённое к нему под высокой двускатной крышей здание дебаркадера с широкими арками в обеих торцовых стенах; под эту крышу въезжали с открытого конца поезда, влекомые машиной. Сначала её называли пароходом, потом паровозом, а в официальных документах локомотивом. Впрочем, авторы пояснительных стихов под картинками не стеснялись называть машину попросту «самоваром».

До чего народ доходит!
Самовар в упряжке ходит.
Ну уж дивная повадка:
Богатырская лошадка
Тащит тысячу пудов,
Словно как вязанку дров.
Самодвижно, самокатно
И полезно, приятно.
Конь стоит ли — всё пыхтит,
Фыркнет искрами и паром,
Запыхтит вдруг самоваром,
И не даст мигнуть он глазом,
Как прикатит в Питер разом!

Во дворе у подъезда третьего класса братья увидели на стене большую чёрную доску, и на ней сверху печатными белыми буквами с двоеточием изображено: «Строжайше воспрещается», — и вся доска была пространно исписана нумерованными правилами, но что именно воспрещается, никто из проезжающих не читал: немного среди них было грамотных, да и некогда — все торопились: вдруг машина уйдёт! Машина ждать не станет! Все в каком-то испуге стремились к дверям. Братья Макаровы поддались общему беспокойству и заторопились, толкаясь в дверях, пробраться вперёд. Очутившись в огромном зале, остолбенев, остановились. Такого просторного помещения они в жизни ещё не видели. Снаружи у дверей толпились люди, а проникнув сюда, они потерялись в обширном зале. Не стоило толкаться! Только у стен на лавочках сидели среди груды узлов, мешков, сундуков проезжающие да у длинной стойки в конце зала выпивало и закусывало несколько человек. На левом конце стойки парил и булькал отёртый до пламенного блеска (кирпичом с

квасной гущей) самовар вёдер на десять с трубой глаголем, выведенной в фрамугу противоестественно большого окна. Окна тянулись с обеих сторон. И против входных дверей опять двери наружу. Там, видно, ходит народ. В простенках окон опять кое-где чёрные доски, меньше, чем на дворе, с крупными теми же заглавиями: «Строжайше воспрещается». Кроме того, кидались в глаза краткословные вывески поменьше: рука в красном форменном обшлаге вытянутым перстом указывала, куда идти, чтобы найти «Буфет», «Телеграф», «Начальника станции», «Приёмный покой». И с двух сторон у дверей — слева правая, а справа левая — две руки указывали «Отправления поездов», «Выход на платформу». У дверей стоял старый инвалид в нарядном форменном кафтане, щедро обложенном золотым позументом, с медалями на груди, в картузе с золотым галуном по околышу. Инвалид держал в руке довольно большой колоколец, чтобы он ненароком самочинно не звякнул...

Братья направились к нему, и Иван как старший спросил:

— Кавалер, скоро машина на Петербург пойдёт?

— Все машины идут на Петербург, других не бывает.

— А когда можно в поезд садиться?

— После первого звонка. Как только колокол замолчит, то и пожалуйста.

— И вы, дедусь, будете звонить? — спросил Степан.

— Обязательно.

— А вон там люди ходят.

— Поезда ещё нет. Это господа гуляют. А вы куда изволите ехать?

— До самого Питера.

— А билеты выправлены?

— У нас на троих один билет. Вот...

Иван достал билет и, развернув, подал кавалеру. Солдат, далеко отставив руку с листком, долго его рассматривал и с лица и с изнанки и вернул.

— Билет у вас правильный. Однако малолетним без взрослых сопровождающих проезд по железной дороге возбраняется. Так что допустить вас к посадке в вагон я всячески не обязан, а, наоборот, всячески должен препятствовать...

— Мы едем с отцом, — вступил в беседу, отирая старшего брата, Степан. — В билете прописано, что мы сыновья подпоручика... подпоручика Макарова.

— А где же он, этот самый подпоручик Макаров?

— Он в первом классе.

— Кабы он был отец, то пришёл бы, беспокоился о родных детях.

— А ему можно в третий?

— Отчего нет, с билетами высокого класса в третий класс не воспрещается, а если не воспрещено, то не возбраняется, и хотя вообще не допускается, но допускается.

— А мне нельзя туда на минутку?

— Не допускается. Сядьте вон там, в уголочке, дожидайтесь. Если всамделе отец, — должен обеспокоиться. Ждите.

— А вдруг звонок, а он не придёт...

— В таком случае не поедете... Машина вас ждать не станет.

— Как же, дедусю, он один без нас поедет?

— А что же, уедет. Раз вы ему не надобны...

Около дверей послушать кавалера собрались тесной кучкой проезжающие, у кого было поменьше клади. Те же, у кого клади было побольше, начали её подтаскивать к дверям поближе — сундуки, мешки, узлы...

Вдруг где-то снаружи звонко ударил один раз колокол, судя по звуку, порядочной величины.

— Тим-тим-тим! — залился колокол такой отчаянно-частой дробью, что уже нельзя было различить отдельных ударов; так звучит плач ребёнка, когда он зайдётся криком.

Лишь только раздался первый удар колокола, кавалер откашлялся, освободил язык своего колокольца, переняв его в правую руку за ременное ухо, раздвинул народ и двинулся вокруг пустого зала, звоня размахисто в лад шагов и зычно возглашая:

— На Клин, Тверь, Осташков, Бологое, Чудово, Любань, Санкт-Петербург! Первый звонок!

Лишь только кавалер отошёл от дверей, как они сами собой распахнулись, и, толкаясь и бранясь, проезжающие кинулись через них наружу. Макаровы растерялись. Если бы братья во-время не посторонились, они бы первыми ввалились на платформу под натиском народа.

Мгновенно зал опустел. Кавалер, совершив свой круг, вернулся к дверям. Колокол снаружи захлебнулся звоном, умолк и погодя немного чётко звякнул один раз. Кавалер плотно закрыл двери и сочувственно взглянул на братьев, они смотрели на него растерянно.

— Что же мне теперь с вами делать, горе-мычные...

— Дедусю! — взмолился Степан. — Пустите и нас, мы там отца сыщем.

— Немыслимое дело! Попадёте под машину, а я отвечай...

Яков протёр глаза кулаком и захныкал. Иван молчал и мрачно улыбался. Степан растерянно озирался.

В это мгновение дверь из вокзального двора в зал с дребезгом отворилась. И кавалер и братья Макаровы разом туда обернулись. Распахнув дверь, в зал влетел, словно кто дал ему сзади пинка, молодой человек странно одетый; хотя на улице порядочный морозец, молодой человек явился в аккуратном, на все пуговицы застёгнутом коротком сюртучке, узких, модных панталонах, забрызганных по низу грязью и довольно неприглядных. Однако по обуви — блестящим чёрным полуботинкам — молодого человека можно было назвать франтом; об этом говорила и аккуратно, по моде «молодой Франции» подстриженная чёрная бородка, и волнистые волосы, ниспадающие почти до плеч, и мягкая широкополая шляпа, слегка сдвинутая на правое ухо, что придавало молодому человеку несколько ухарский простонародный вид; и, что особенно поразило Степана, не сводившего с вошедшего глаз, вместо пальто или шубы плечи молодого человека как бы плащом до колен покрывала шерстяная шаль в серо-пёструю клетку с бахромой. Окинув быстрым, весёлым взглядом пустой зал, незнакомец кивнул братьям Макаровым, как старым знакомым, быстрыми шагами направился к буфетной стойке и что-то приказал. Буфетчик налил ему стаканчик. Обе руки у незнакомца были заняты: в правой — довольно большая, плотная, из таловых прутьев белая дорожная корзина с привязанным к ней жестяным чайником, а в левой — мягкий тюк в тиковой полосатой наволочке.

Не выпуская из рук вещей, незнакомец склонился к стаканчику, взял его губами, запрокинул голову и поставил на стойку пустым.

— Ловко! — воскликнул Степан Макаров.

Звякнула на подносе монетка, подброшенная щелчком пальца, и незнакомец быстрым шагом подошёл к дверям...

— В чём дело? — строго спросил франт привратника. — Почему не садятся?..

— Да вот беда! Говорят, едут с отцом. И билет в порядке. Да будто, говорят, отец-то в первом классе, что ли. А малолетних, сами понимаете, я пропустить не имею права.

— Что за вздор! — воскликнул незнакомец. Метнув лукавый взгляд в сторону Сте-

пана, он сказал: — Я тоже немного опоздал. Его высокоблагородие господин...

— Макаров! — шепнул Степан на ухо незнакомцу.

— Господин подполковник Макаров поручил детей мне. Я их гувернёр. Открой дверь. Дети, вперёд!

Кавалер, оторопев, распахнул дверь, братья (впереди Степан) кинулись на платформу, за ними не спеша вышел и незнакомец, кинув кавалеру через плечо:

— Ты у меня смотри! Кавалер козырнул...

Степан схватил за руку незнакомца и поправил:

— Наш батюшка-то не подполковник, а подпоручик береговой службы..

— Сухопутный моряк? Жаль, что я не сказал контр-адмирал!

— На берегу не бывает адмиралов. Дайте мне тюк, вы устали.

— Охотно! — согласился незнакомец и отдал тюк Степану, а корзинку Ивану.

— Чего же тут столько наложено? Булыжник? — взвешивая на руке, спросил Иван.

— Вы, юноша, если и ошибаетесь, то очень мало, — подтвердил незнакомец. — Вы едете чугунок в первый раз? Так я и думал. Вот поезд. Выберем вагон. Какой вам больше нравится? Выбирайте любой.

«Гувернёр» остановился, широко взмахнул рукой, указывая на ряд сцепленных между собой домиков, поставленных на колёса. Впереди вереницы разноцветных домиков парила, дымила и шипела машина на красных высоких колёсах. Из-под колёс вперёд и вдаль убегали две железные полосы, приколоченные поперечными брусками. «Это, значит, и есть чугунок — железная дорога», — решил Степан.

Поезд был составлен всего из девяти вагонов, окрашенных блестящим лаком в разные

За братьями не спеша вышел и незнакомец, кинув кавалеру через плечо: «Ты у меня смотри!»

цвета: один синий, первого класса, один жёлтый, второго класса, один синий с жёлтым пополам — половина для пассажиров первого, половина для второго классов, три ядовито-зелёного цвета, третьего класса. Последний вагон жёлто-красный — почтовый, первый после локомотива — багажный — для пассажирской клади, с вышкой в виде башенки, с оконцем для главного кондуктора. Следующий вагон с надписью «сорок человек, восемь лошадей», покрашенный скучной мумией, назначался для коней, оттуда слышно было их беспокойное ржание и окрики конюхов. Очень нарядно был раскрашен высокотрубный паровоз: котёл изумрудного цвета охвачен блестящими медными обручами, медный же, пятиведёрный, как

купеческий самовар в субботу, колпак-сухтерник и нестерпимо красные колёса. Все звуки: голоса людей, шипенье паровоза, стук дверей, визг свинчиваемых вагонных стяжек, топот клюкой по полу вагона — гулко отдавались под высокой крышей дебаркадера.

Братья Макаровы стояли в раздумье около одного из зелёных домиков с небольшой вывеской на стене «для некурящих». На его плоской крыше виднелась короткая железная труба. Вдруг из неё полыхнул рой весёлых золотистых искр. Очевидно, там топилась печка и в ней кочергой ворочали дрова, чтоб веселей горели.

— Давайте заберёмся в этот, — предложил Степан.

Никто не спорил. По крутой лесенке в четыре ступени пассажиры взобрались на открытое крылечко вагона, ограждённое жиденькими железными перильцами. Незнакомец открыл узкую дверь внутрь вагона.

— Не стесняйтесь, в общественном месте мы хозяева. Это наш вагон. Мы в нём дома.

Степан первый последовал приглашению. За ним протиснулись братья. Незнакомец вошёл в вагон последним.

Вагон разделялся продольным тесным проходом пополам. По обе стороны прохода, разделяя всё помещение на закутки, шли поперёк двойными спинками одна за другой скамейки. Люди сидели по двое на каждой скамейке в испуганном молчании, как будто их вызвали в суд и они ждут допроса. Большая часть мест была уже занята. Полки под потолком забиты мешками, сумками, корзинами, сундуками. Посреди вагона на оставленном свободном месте весело потрескивала, стреляя угольками на железный подол, круглая чугунная печурка. Около неё запас коротко напиленных еловых чурок...

— Так я и думал, мы немного опоздали, — говорил незнакомец, — всё занято. Но это не беда. Дело поправимо! Ближе к печке жарко и угарно. От дверей дует, вы, дети, можете простудиться. Всегда надо выбирать золотую середину, — болтал он, не переставая. — Сесть есть где, но всё в разных местах, а господин подполковник приказал мне неусыпно наблюдать за вами... Послушайте, вы! — внезапно перешёл он на строгий начальнический тон, остановясь в прогоне между закутков; все места в них направо и налево были уже заняты.

— Дети! Где вам будет удобнее... У правого по ходу или у левого окна?

— Нам всё равно! — поторопился ответить Яков, и его охватил тот же испуг, который

светился в глазах всех пассажиров. Они сидели словно приросшие к скамьям.

— Нет, не всё равно. Все станции будут слева... Земляки, — обратился он очень строго, поворачиваясь налево, но ни на кого в отдельности не глядя, — вам придётся, прошу вас, освободить места для сыновей его высокородия господина капитана первого ранга Макарова.

Пригожая молодая бабёнка в новом полужубке и ковровом платке, сидевшая у левого окна, видно, из зажиточной семьи, взглянула в строгое лицо незнакомца и схватилась было подняться, но её остановил движением руки сосед, седой старик в заношенной шубе, крытой синим сукном, обутый в сапоги с широкими голенищами, должно быть, её отец или, скорее, свёкор. У снохи в глазах набрякли слёзы, и она захолонула на месте. Старик смотрел на незнакомца злобным, колючим взором.

— Ну что же, вас надо особо приглашать? — повернувшись к сидящим напротив старика и бабы, ещё строже сказал незнакомец.

Сидевший с краю паренёк с узелком на коленях вскочил с места и пересел на свободное место у печки.

— А вы, сударь, что? — обратился незнакомец к четвёртому пассажиру слева у окна.

Он один из четверых ни разу не взглянул на строгого господина и как будто даже и не слышал, что к нему обращаются; в руках он держал початую краюху ситного над разостланным на коленях ситцевым платком. Челюсти его медленно двигались за щекой, перекатывая огромный ком жёвки. Озабоченно разглядывая краюшку, пассажир выковыривал из неё заскорузлыми пальцами изюм...

— Вы слышите, вам или нет говорят, господин пассажир!

Лицо господина пассажира внезапно озарилось широкой радостной улыбкой.

— Так и знал — таракан!

— Что?! — взревел «гувернёр» Макаровых.

— Прошу, уважаемый, лично взглянуть: вместо изюма таракан. Платить за три фунта двугривенный и вот каждый раз такое счастье — непременно таракан! Извольте, господин, сами взглянуть: изюм это или что иное?

— Вам, любезный, предлагают освободить место!

— А-а-а! — протянул господин пассажир, кинул на пол таракана, для верности раздавил его ногой и, примерясь, отломил от

краюхи изрядный кус... Он рассматривал его так внимательно, что ничего вокруг не видел.

— Ага, вы так! Хорошо же! — прорычал незнакомец. Он обратился к стене, где под стеклом висела маленькая копия огромных вывесок, развешанных всюду снаружи и внутри вокзала. И взоры всех пассажиров обратились к этой таблице. Незнакомец бормotal, водя пальцем по стеклу, как будто читая:

— Строго воспрещается... Господам пассажирам возбраняется... предлагается... господ пассажиров безусловно... не дозволяется господам пассажирам. Ага, вот... сих правил наказуются штрафом!

Не отнимая от стекла указующего перста, незнакомец повернулся к старику и повторил, постукивая пальцем:

— Сих правил наказуются штрафом от трёх до десяти рублей или...

Злой огонёк вспыхнул ещё раз в глазах старика, и на его лице изобразился общий всем испуг... Он встал с места с неожиданной для его возраста живостью и стал снимать с полки свою поклажу.

— Пойдём, Марья, не всё одно, где сидеть, нам недалече. Да и к дверям ближе — лучше.

— Ну, а вы что же? Не хотите? Придётся позвать кондуктора. Дети, я сейчас вернусь! Незнакомец вышел.

Вслед ему раздались смешки. Пока он добивался своего, никто из соседей не промолвил ни слова. Все молчали, храня испуганный вид. Но лишь он вышел, начали шептаться.

— Что же вы, мальцы, стоите, садитесь, в погах правды нет, — пригласил Макаровых непокорный пассажир, оставшийся в отделении.

— Нам всё равно! — за братьев ответил Яков.

— Охо-хо! Всего-то мы боимся, — продолжал тот, завёртывая остаток ситного в платок. — Видно, и мне надо собираться...

— У тебя сборы недолги! — злобно отозвался со своего нового места старик.

— Верно, багажу у меня не так уж много...

Не прошло и минуты, как незнакомец вернулся в вагон. Впереди него шёл кондуктор в форменной одежде, усы с кавалерийскими подусниками говорили, что он был в своё время бравым гусаром.

— Вот здесь! — указал незнакомец.

— Что же ты, любезный, не слушаешься, когда тебе приказывают, — пожурил кондуктор непокорного пассажира.

— Все начнут приказывать, некому будет приказы писать, — ответил тот, не смущаясь.

— Ты, братец, не рассуждай. Рассуждать не приказано.

— Так ведь судите сами, господин унтер, они говорят, будто эти пареньки сыновья генерала. Что-то непохоже. А где генерал? Кто его видел? И как это генерал сам едет в синем вагоне, на мягком диване, а детей сунул в зелёный, на голую лавочку...

Незнакомец прервал эти возражения:

— Дети генерала — морские кадеты, им, как нижним чинам, в вагонах выше третьего класса проезд строго воспрещается...

И вправду, все трое братьев, хоть и одетые не совсем по форме, но одинаково в суконные бушлаты, с якорями на медных пуговицах, могли сойти за морских кадетов.

— Вещей у нас немного, — говорил строптивый пассажир, — только мне никак невозможно ни у печки, ни у двери: у меня грудь слабая. Имеется бронхит.

— А билет для проезда имеется? — строго спросил кондуктор.

— Билет должен быть, — твёрдо ответил пассажир, — без билета нельзя. — И, приговаривая так, пассажир сунул руку под правую полу чуйки. — Как же без билета? Без билета невозможно! За это ответить можно. — Он сунул левую руку под правую полу. — Без билета строго воспрещается... Что за оказия? — воскликнул он в испуге. — Куда же он подевался?!

Он взял в зубы узелок с хлебом, похлопал себя обеими руками по бёдрам, — да нет! — и в боковых карманах билет не находился...

И вдруг лицо у непокорного пассажира, до сих пор дерзко-весёлое, приняло общий всем испуганный вид...

— Ищи, ищи! — насмешливо прищурясь, поощрял пассажира кондуктор, как охотник поощряет лягавого пса...

Пассажир начал выкладывать на скамью всё, что было у него в карманах. Сначала достал большие портновские ножницы с концами разной величины, потом моток суровых ниток, клубок тесьмы, карточку иголок, катушку чёрных ниток, мерку из клеёчатой ленты, скатанную в кружок, напёрсток — билета всё не находилось.

— Вот тут весь мой струмент и весь багаж.

— А билет? Не было билета? — допрашивал кондуктор.

— Был, есть и будет! — торжественно возгласил портной.

— Вставай, собирай свою мастерскую и идём...

— Сейчас, сейчас,— заторопился портной и, расставив свои вещицы по карманам, пошёл за кондуктором. Не успели они дойти до выхода, как раздался торжествующий крик:

— Я говорил: есть билет! Извольте проверить, господин кондуктор. Вот он! Завалялся за подкладку. В кармане-то у меня дырка...

— Дырка? Эх ты, портной... Портной, а дырки не зашьёшь,— журил портного кондуктор.— Ну, садись хоть сюда, билет у тебя правильный.

— Вот мы и опять в приятной компании! — портной подмигнул старику, садясь против него на скамью...

Кондуктор ушёл.

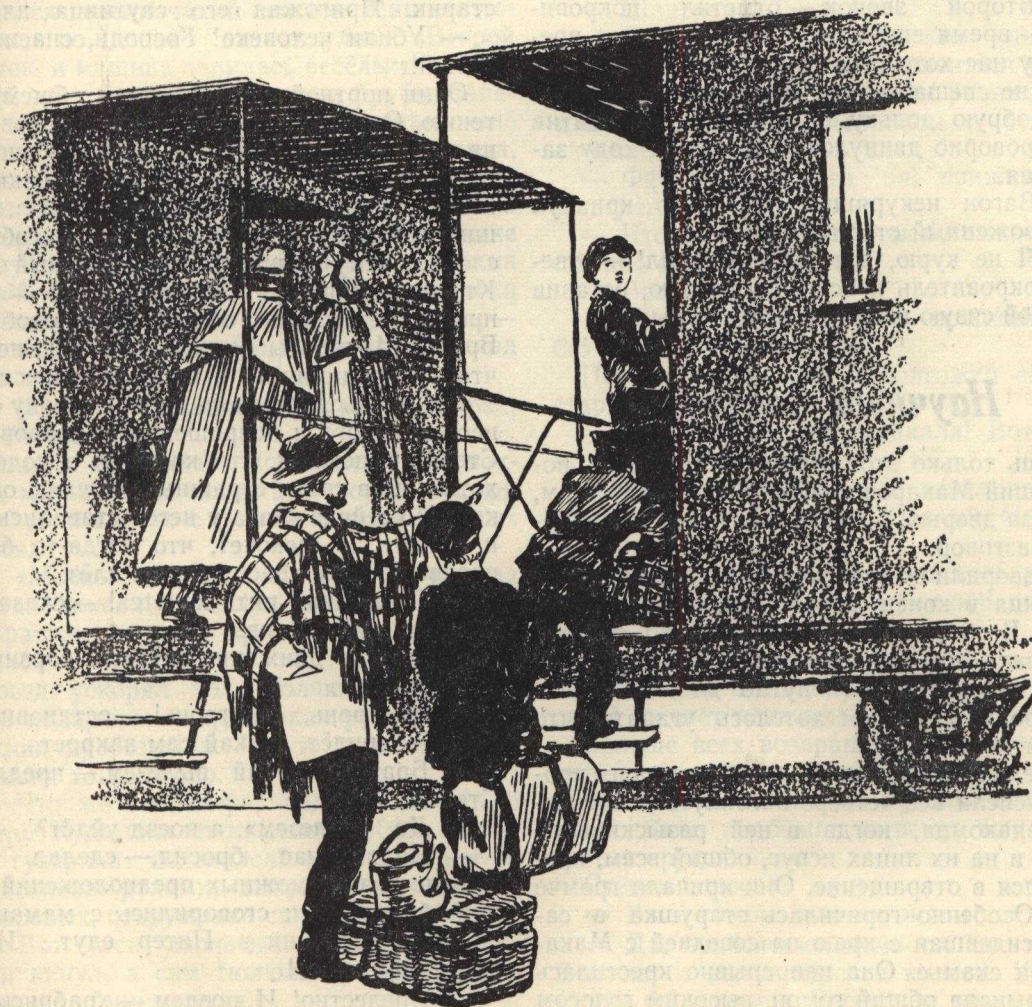
— Дети,— командовал между тем братьями «гувернёр»,— садитесь! Занимайте места! И так далее. Вещи на полку или под лавку. Стёпа и Яша — у окон. Им, малень-

ким, любопытно, мы, старшие,— с краю. Будем пить чай,— неожиданно закончил он свою речь. Он проворно скинул свой плед на лавку, развязал корзинку и, подняв крышку, задумался: — Теперь вопрос? Куда я положил чай? У вас, дети, конечно, чаю нет? А сахар? Есть?! Превосходно! Лимон? Нет. Какой же чай в дороге без лимона! Вы смотрите внутрь моего хранилища с естественным для вашего возраста любопытством... Да! Не пугайтесь. Глаза вас не обманывают. Это череп человека. Великолепный, прекрасный экземпляр. Куда же девался чай. Ба-ба-ба!

Осенённый догадкой, незнакомец постучал пальцем по лбу черепа и снял лобную кость.

— Так и есть!

В черепной коробке, занятой у живых людей головным мозгом, в данном случае пустой, нашлось всё, что искал новый покрови-

По крутой лесенке пассажиры забрались на открытое крылечко вагона, ограждённое жиденькими железными перильцами.

тель братьев: непочатая осьмушка чая «братьев К. и С. Поповых», початая четвертка табаку, круглая коробочка лучшей французской ваксы «Жако» с изображением обезьяны (она смотрелась, как в зеркало, в начищенный сапог), аптечная склянка с привязанным к горлышку языком рецепта и ещё что-то, аккуратно завернутое в бумажку. Вынув из головы когда-то, быть может, великого мыслителя табак и чай, покровитель Макаровых прикрыл черепную коробочку лобной костью, вынул из корзинки трубочку и, быстро её набивая, поучительно заметил, приставив палец к черепу:

— У живых людей голова представляет собою часто такое же собрание хлама и вздора...

— Бом! Тили-тили,— внезапно залился и захлебнулся где-то по соседству недалеко колокол,— тим-тим, бом, бом!

— Второй звонок,— отметил покровитель,— время ещё есть. Чего другого, а времени у нас хоть отбавляй.

Он не спеша вскрыл осьмушку чая, засыпал добрую дольку в чайник и, подхватив его, проворно двинулся к двери, на ходу закуривая...

— Вагон некурящий! — сердито крикнул потревоженный старик.

— Я не курю, а только закурил! — ответил покровитель и исчез за дверью, оставив за собой сизую пелену табачного дыма.

Научный господин

Лишь только этот странный господин, покоровший Макаровых каким-то колдовством, исчез за дверью, в вагоне сразу вспыхнул общий разговор.

Заговорили во всех закутках, перекликаясь из конца в конец вагона, не слушая друг друга. В общем гомене можно было, однако, услышать, что все говорили об одном. Все бранили ушедшего (попутно доставалось и Макаровым), и всем хотелось угадать, что это за человек.

Соседи Макаровых по другую сторону прохода успели все четверо заглянуть в корзинку незнакомца, когда в ней разыскивался чай — и на их лицах испуг, общий всем, превратился в отвращение. Они кричали громче всех. Особенно горячилась старушка в салоне, сидевшая с краю на соседней с Макаровыми скамье. Она непрерывно крестилась и покрывала общий гомон, высоким голосом призывая всех самолично убедиться:

— Он, он, он! Мёртвая голова! Господи

Иисусе! Кости... Господи Иисусе! Поглядите, православные! Мёртвое тело!

Никто не решился приблизиться, чтобы заглянуть в корзину. Макаровы сидели ни живы, ни мёртвы, слыша в выкриках неодобрение и себе.

— Прокурат! — кричали в одном закутке, как будто одобрительно.

— Шаромыжник! — откликались, возражая, из другого угла.

— Обормот!

— Столичная штучка!

— Арестант!

— Химик!

— Тёмная личность!

— Выгнать вон и этих! Одна шайка! Тоже — малолетние...

— Жулики московские!

— Позвать жандара,— пристукивая батошкой, твердил обиженный незнакомцем старик. Пригожая его спутница плакала.

— Убили человека! Господи, спаси и помилуй!

Один портной не поддавался общему смятению. Он развязал свой узелок и снова принялся молча закусывать, внимательно разглядывая каждую изюминку. При каждом новом слове он одобрительно кивал. Большинство слов было обидно, но и необходимые слова почему-то приобретали обидный смысл. Кто-то выкрикнул: «Гражданин!» — и это прозвание вызвало общий крик одобрения. Братья Макаровы переглядывались, не зная, что им предпринять и надо ли и как на всё это отозваться, стать ли им на сторону своего неожиданного и непрошенного покровителя. Степан вспомнил, что когда-то в подобных, хотя и не в таких страшных случаях он плакал. Но сейчас глаза у него оставались сухими, и в носу не щекочет, что когда-то бывало предвестником спасительных слёз.

— Страх как пить хочется! — сказал, облизывая губы, Яков.

Он сделал движение закрыть корзину незнакомца.

— Не тронь, не тронь! — остановил его Иван,— придёт, пускай сам закроет...

— Братцы, давай вылезем,— предложил Степан.

— Да, «вылезем», а поезд уйдёт?

— Папан нас бросил,— сделал самое мрачное из возможных предположений старший брат.— Они сговорились с маман. Пускай-де они одни в Питер едут... И там пусть как знают!

— Прелестно! И поедем,— храбрясь, воскликнул Степан.— Всё это вздор. Сейчас наш «гувернёр» вернётся.

— А сколько папан дал тебе денег на дорогу? — справился Яков.

— Пятьдесят копеек, — ответил старший брат.

— Маловато, — протянул Яков. — Братцы, я согласен: ехать, так ехать, вылезать, так вылезать!

— Вылезем? — спросил Иван.

— Едем! — решил Степан.

Вдруг опять раздался звон колокола, на этот раз не такой долгий.

— Третий звонок!

— Машина сейчас пойдёт, — сказал спокойно портной во вдруг наставшей тишине.

Пассажиры принялись креститься и шептать молитвы. Не крестился только портной. Старик успел ещё раз крикнуть:

— Позвать жандара!

На воле забегали. Кто-то кого-то звал. Раздался переливчатый свисток. Машина тоненько, но звонко откликнулась. Второй свисток, и машина залилась весёлым криком. Затем где-то впереди медные трубы запели — одна, другая дальше, третья ещё дальше. Машина зашипела, грозно охнула, вагон вздрогнул, дёрнулся и покатился. Все взоры обратились на волю. Окно вокзала проплыло назад, за ним второе... На стыке стукнул скат. Мелькнуло последнее окно; на тёмной стене Степан увидел: огромными буквами — прочитаешь и за сто сажень — написано объявление. Он вслух читал склад за складом:

— Жени, са 42 запятая, ря, мо, нем, уров, над, Москва!

Надпись оборвалась, кончилась стена вокзала, мелькнул на конце платформы рослый жандарм в кивере с султаном из петушиных перьев.

— «Москва над уровнем моря 42 и одна десятая сажени!» — вслух повторил Степан в обратном порядке прочитанную на стене надпись.

Поезд ускорял ход. Толчки участились, вагон подпрыгивал на стыках рельс. Стёкла в окнах дребезжали. Что-то под полом то визжало, то щёлкало.

— Что же вы теперь, бедные, делать-то будете? Куда шкилет-то денете? Куда сам-то ваш гувернант подевался? — на весь вагон, всплескивая руками, выкрикивала соседка Макаровых, старушонка-салопница.

— Вот гусь лапчатый: убил человека, кости кинул, а сам тюлюля! — откликнулся кто-то из тёмного угла.

— Позвать в Клину жандара! — повторил своё старик.

— Заладил: жандара, жандара! Надо тебе жандара — и зови.

— И позову!

— Убивать людей — за это не хвалят!

— А что ты ему, жандару, скажешь?

— Мы знаем, что сказать. Тоже! Тычет в правила пальцем. То воспрещается, другое воспрещается, а мертвяков по чугунке возить разрешается?

— А им можно! — почему-то торжествуя, выкрикнула салопница. — Им всё можно!

— Кому это — «им»?

— А им — научным господам! Конину едят! Покойников потрошат. Во рту щётками — истинный бог, не вру, сама видела — каждое утро рот вычищают.

— Хо-хо!

— Вот оно что, научный господин, — крикнул портной, — а вы — обормот, прокурят...

— Шантрапа! Ты тоже!

— Гувернатор! А он вот кто — личность!

Гам опять был готов разразиться с новой силой, но тут дверь со стуком распахнулась, и в вагон влетел с чайником в руке сам «научный господин».

— Ффу! — отдувался он, прижимаясь к затворённой двери.

— Что, али поезд догонял бегом? — сочувственно спросил портной.

— Вроде того...

— Догнал-таки? Ишь ты, прыткий. А мы без тебя соскучились.

Портной обратился к пригожей спутнице старика:

— А ты, красавица, плакала! Вот он самодично! Любуйся!

«Научный господин» взглянул на соседку старика; она, блеснув глазами, ему улыбнулась...

Общее мнение изменилось в пользу «научного господина», все явно ему обрадовались. Даже старик ворчал:

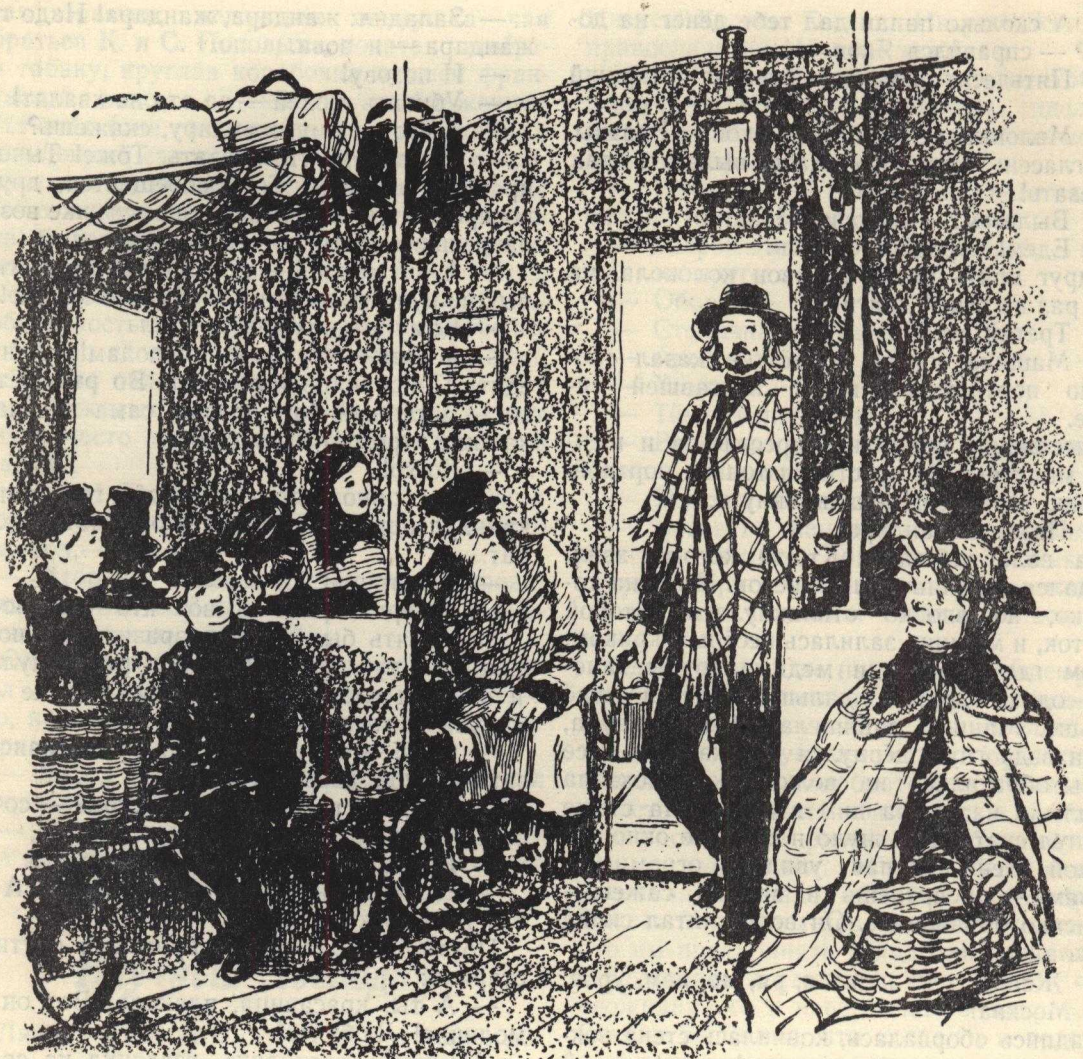
— Раз вы научный господин и вам дети поручены, вы не должны отлучаться. А вы на детей шкелет покинули!

Больше всех возвращению «научного господина» обрадовались Макаровы. Даже Иван приветствовал его гайдамацким «гей-гей!». Яков подбежал к нему, выхватил у него из рук чайник.

Степан спросил:

— Вы в самом деле догоняли поезд?

— Да, пробежался немного. Это пустяки. Вскочил в вагон первого класса. Успокоил Осипа Фёдоровича. Рассказал, как мы устроились. Он доволен, я тоже, а вы? Будем пить чай. — Тронув рукой чайник: — Ага, не

Дверь распахнулась, и в вагон влетел с чайником в руке сам «научный господин».

остыл! Ваш взгляд направлен на варёную колбасу с чесноком? — спрашивал «научный господин», достав из кармана цилиндрический свёрток. — Как вы смотрите на неё?

— Мы смотрим на неё... — начал и замялся Степан.

— С аппетитом, — закончил за него «научный господин». — А что вы скажете о филипповских сайках, без изюма, разумеется!

Братья одобрили и сайки. Научный господин доставал из разных карманов своего костюма разные предметы. Степан прикинул, сколько у «научного господина» всего карманов: в сюртуке два, очень вместительных, в жилете четыре — по два в ряд, всего десять карманов. «Научный господин», обследовав все карманы, сказал:

— Большая часть моих карманов, увы, пуста. Кружки, память мамы, надеюсь, с вами?

Братья переглянулись: откуда он знает? Ведь верно: умирая, мать просила мужа беречь эти чашки, память о ней. «Кулаки» — высокие кружки — кобальт с золотом — любимая чайная посуда на Украине и в Сибири. «Кулаки» у братьев были с собой.

«Научный господин» объявил, что корзина Макаровых будет служить чайным столом: тут были медовые коврижки, успевшие окаменеть в долгой дороге от Николаева до Москвы, порядочный кус хохлацкого сала и бессмертная азовская вяленая тарань.

Ещё Макаровы и «научный господин» не приступили к своей роскошной и эффектно

сервированной трапезе, а волна аппетита от накрытого стола, подобно кругам по воде от брошенного камня, распространилась отсюда по всему вагону до отдельных углов. Пассажиры, не желая отстать от людей, достали из котомок, мешков и баулов еду и начали жевать.

А те, у кого еды в запасе не оказалось, — одни устали в окна, любуясь телеграфными столбами, другие, закрыв от соблазна глаза, вдруг задремали. Старуха-салоппница, ближняя соседка Макаровых, не могла оторвать глаз от еды, разложенной так соблазнительно на корзине, старалась глотать набегающую слюну, незаметно зевала, судорожно крестила рот...

— Благословясь, приступим! — сказал «научный господин». — Дети! Прошу, без всякого стеснения.

Он подал пример: взял вяленую тарань и показал, что умеет с нею обращаться, — оборвал и обсосал грудные пёрышки и крепко поколотил о ребро скамьи, приговаривая поучительно:

— Эта рыба замечательна тем, что она сохраняет неопределённо долгое время полностью свои питательные свойства. Уже за три тысячи лет до нашей эры она доставлялась на финикийских кораблях к столу египетских фараонов и почиталась лакомством. Впрочем, фараоны ели всякую дрянь... Качка вагона не мешает закусывать, — продолжал болтать «научный господин». — Наоборот, толчки как бы утрамбовывают пищу, что очень полезно для пищеварения: действует подобно массажу. Что касается того, что ты, милый Степан, долил свой бокал доверху, то это напрасно! Расплещется всё равно! И ты сам обольёшься. Что и произошло на самом деле! — закончил он свою рацею, когда Степан попытался поправить дело, отпив большой глоток: чай был очень горяч, обжёг язык и пролился на грудь.

Соседка Макаровых, старая салоппница, весело рассмеялась неудаче Степана.

В вагон вошёл кондуктор с холщовым мешочком в левой руке и с горящим фонарём в правой. Достав свечу из мешочка, он зажжёв её и поставил в фонарик над дверью в одном конце вагона, потом то же сделал и во втором конце вагона... Все, кто не спал или не прикидывался спящим, обернулись к возжигателю огня и внимательно, молча следили, пока он не вышел через задние двери.

— Вот, обратите внимание, — сказал «научный господин» Степану, — это всегда так. Ещё Софокл в древней Элладе писал с горечью о том, что случилось однажды на пред-

ставлении. Герой в трагических сценах ходил по сцене на ходулях, изнемогал, борясь с неотвратимым роком. Мрачный хор возвещал зрителям, что борьба героя напрасна — он всё равно погибнет. В это время вошёл в театр фонарщик и полез на столб, чтобы засветить огонь. И разом все зрители отвернулись от ходульного героя и стали смотреть, как фонарщик зажигает свет... Не знаю, как ты, мой милый друг, но я думаю, что напрасно великий сочинитель сетовал на грубую толпу. Все сочинители должны смириться перед тем, что гений человека сказался с неизмеримо большей силой в искусстве добывания огня, нежели в сотворении кумиров бельведерских!

От двух свечей, зажжённых кондуктором, внутри вагона стало чуть светлее, но зато окна потемнели, говоря о том, что на воле приближается ночная тьма.

— А ведь и в самом деле спать пора! — воскликнул в своём углу портной.

Его соседи, старик и его пригожая спутница, давно уже спали. Заснули и те, кто прикидывался спящим.

Громыкая на стыках рельсов, поезд неудержимо мчался вперёд, то замедляя на подъёмах, то ускоряя на уклонах свой бег. Под уклон грохот вагона усиливался до того, что Степану было трудно разобрать, что говорит неутомимый «научный господин». Иван и Яков, закусив и запив еду чаем, прикорнули каждый в своём уголке, да им было и не любопытно слушать. Кроме Степана, у «научного господина» осталась одна слушательница — старушка-салоппница. Пока соседи её закусывали, она молча следила за ними, провожая взором каждый кусок, вздохом каждый глоток. Степан догадался, что старуха очень голодна, ему стало неловко и стыдно есть, а предложить ей поесть Степан тоже не мог решиться — стыдно сказать человеку: ты голоден, брат! И дома, ещё при матери, он стыдился положить в протянутую руку кусок хлеба, когда ему говорили: подай убогому ради Христа. А ведь эта старуха не нищая!

«Научный господин», очевидно, поняв по смущённому взгляду Степана, какие чувства его волнуют, отхватил своим складным ножом от колбасы толстый кусок и на острiente ножа протянул его салоппнице:

— Не угодно ли, сударыня? — любезно предложил он.

— Что ты, что ты? Это мне нешто можно? Вы-то не знаете, а ведь сегодня день постный. Уж дали бы мне хвостик рыбки сухой...

— Помилуйте, сударыня, — воскликнул «научный господин», — вы обижаете меня! Я сам великий постник. Разве вы забыли, что «сушим в пути пост разрешается».

— Ах, батюшки! Да ведь верно! — проговорила старуха, бережно сняла колбасу с острия ножа и покосилась на корзинку.

«Научный господин» предложил старухе хлеба, она взяла, но не торопилась приступить к еде.

Как все люди, ведущие полуголодную жизнь, она старалась продлить предвкушение, для неё более аппетитное, чем сама еда.

— Да уж вы сами, батюшка, не из духовного ли звания? Как будет ваше прозвание?..

— Благоволенский Аркадий, — назвал себя «научный господин», слегка кланяясь старухе. — Прошу любить и жаловать.

Старуха не отказалась и от чаю. Благоволенский ополоснул свою мензурку, из которой пил он чай, слил помой в «кулак» Степана, положил в мензурку порядочный кусок сахара, налил чаю, размешал сахар стеклянной палочкой и подал старухе. Она перестала удивляться, к изумлению Степана, доверчиво приняла от Благоволенского мензурку и объяснила:

— Мне, я лежала в первой градской больнице, из такой посуды микстуру давали...

— Ну, разумеется. Голод и жажда не что иное, как болезни. Питьё и пища — лекарства, — расширил и обобщил Благоволенский суждение старухи.

Салопница насыщалась не спеша и не отказалась, когда Благоволенский предложил ей и голову тарани. Хвост она обглодала и обсосала, а голову разгрызла и высосала. У старухи были крепкие зубы.

Насытая, салопница поблагодарила, устроилась поудобнее, положив голову на плечо соседа, и скоро сладко заснула. «Научный господин» набил трубочку табаком и обратился к Степану:

— Разрешите? Я не обеспокою вас?

Степан указал на правила под стеклом.

— Параграф 64-й: «Курить табак, сигары и папиросы в вагонах, равно как и на станциях, по Высочайшему повелению воспрещается». Суровое правило, и не очень оно соблюдается, но я от греха подальше, хотя на площадке чертовский холод.

— Накиньте на плечи свой платок, — посоветовал Степан.

— Не платок, а плед, — поправил Благоволенский. — Все вещи надо называть их именами. Иначе неизбежны ошибки. Мне достаточно шляпы.

Он накрылся шляпой, закурил и вышел.

По вагону прошёл кондуктор с фонарём и, света направо и налево, зычно на ходу возвещал:

— Станция Клин. Кто имеет билеты до станции Клин? Поезд стоит тридцать минут. Станция Клин — буфет!

Зычный крик кондуктора разбудил немногих. У выхода завозился старик.

— Марья, Клин! Марья, Клин! Нам вылезать.

Степан тоже всполошился: будить ли братьев для свидания с отцом? Вслед за кондуктором в вагон вошёл «научный господин». Он прошёл, не взглянув на Степана, прямо к печке, чтобы согреться. За печкой никто не смотрел, огонь в ней ещё не погас, но она уже не грела. Присев на корточки перед печью, «научный господин», помешивая огонь полёнцем, подкинул ещё несколько чурок. Печь весело загудела...

Машина засвистела и уменьшила ход. Зажглись впереди рожки. Замелькали по бокам огоньки. Толкнуло на стрелочном переводе. Машина остановилась. Налево светились большие окна станции. По галерее под навесом забегал народ...

Степан хотел разбудить братьев — оба они крепко спали. «Научный господин» остановил его:

— Пускай спят на здоровье.

Они вышли вдвоём на волю. Впереди шла Марья с двойным мешком через плечо. Старик шёл налегке. Пол галереи устлан в клетку квадратами путиловской плиты — то жёлтой, то синеватой. Высокий навес на чугунных столбах покрывал галерею, на каждом столбе вдоль пути — кронштейны с двумя горящими карельскими фонарями. По гулкому полу артельщики вдвоём катили багажную тележку на жиденьких колёсцах. Навстречу, звякая шпорами и волоча саблю по камню, шёл жандарм в белых перчатках, с раструбами едва не по локоть и в высокой каске с чёрным султаном из конского хвоста...

— Господин унтер, — остановил его старик, — вот этот господин везёт в вагоне покойника... — Он указал на Благоволенского.

— Да будет тебе охальничать, пойдём! — прикрикнула на старика Марья.

— Нет, позвольте! Мёртвое тело, кости, шкилет и из мёртвой головы чай достаёт... Это что же такое!

Жандарм остановился и взял под козырёк: — В чём дело, господа?

«Научный господин», не отвечая, вынул из нагрудного кармана сюртука бумажник, достал из него вчетверо сложенный листок и,

Степан через руку жандарма заглянул в листок.

развернув, протянул его жандарму. Степан через руку жандарма заглянул в листок. Над первой строкой на листе красовался государственный герб России — двуглавый орёл. Текст начинался словами, напечатанными крупно. «Императорская Российская Академия наук. По указу его императорского величества...»

Жандарм сложил листок, вернул его «научному господину» и козырнул.

— Ступай, братец! Чего стоишь? — строго прикрикнул он на старика.

— Да как же это так?

— Не твоего ума дело! Ступай, почтенный!

— Пройдём в зал первого класса, — пред-

ложил «научный господин». — На воле холодно.

Но тут Степан увидел, что из жёлтого вагона второго класса вышел и осматривается по сторонам отец, и кинулся к нему. Не зная, как вести себя, чтобы не уронить в глазах жандарма, Степан взял под козырёк и приветствовал отца:

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие...

Осип Фёдорович обнял сына и, похлопывая по спине, проговорил:

— Ну вот, ну вот! А где же Ваня с Яшей?

— Они крепко заснули, пожалели будить...

— Ну вот, ну вот. Всё слава богу.

Стихи Сергея Есенина

* * *

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.

От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И берёзы стоят,
Как большие свечи.

И вдали за рекой,
Видно, за опушкой
Сонный сторож стучит
Мёртвой колотушкой.

1910.

С. А. Есенин. 1895—1925.

* * *

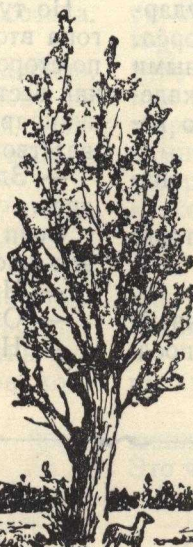
Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.

Тенькает синица
Меж лесных кудрей,
Тёмным елям снится
Гомон косарей.

По лугу со скрипом
Тянется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колёс.

Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!

1914.

* * *

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога,
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребёнком
Запрягался в наши сани.

1917.

ПЕСНЬ О СОБАКЕ

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых ощенила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причёсывая языком,
И струился снежок подталый
Под тёплым её животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать.
И так долго, долго дрожала
Воды незамёрзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из её щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатались глаза собачьи
Золотыми звёздами в снег.

1915.

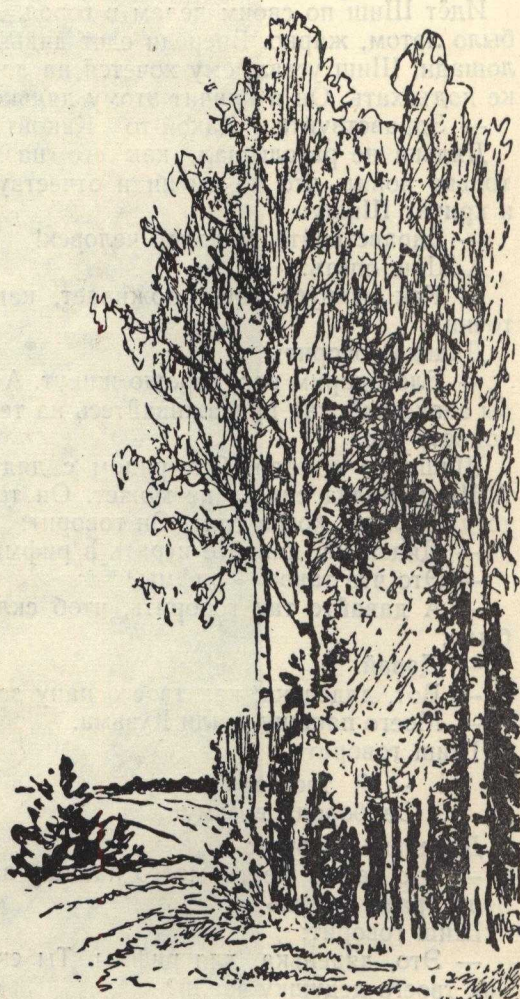
* * *

..И вот я опять в дороге.
Ночная июльская хмарь,
Бегут говорливые дроги
Ни шатко, ни валко, как встарь.

Дорога довольно хорошая,
Равнинная тихая звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.

Мелькают часовни, колодцы,
Околицы и плетни.
И сердце по-старому бьётся,
Как билось в далёкие дни...

Из поэмы «Анна Снегина».
1925.

РИФМЫ

Б. Шергин

Рисунок Е. Ведерникова.

Идёт Шиш по своим делам в город. Дело было летом, жарко. Впереди едет дядька на лошади. Шиш устал, ему хочется на лошадке поддохнуть. Он и кричит этому дядьке:

— Здравствуйте, Какой-то Какойтович!

Дядька не расслышал, как его называли, только понял, что по имени и отчеству. Он и кричит Шишу:

— Здравствуйте, молодой человек!

А Шиш опять:

— Как супруга ваша поживает, как деточки?

Дядька говорит:

— Благодарим вас, хорошо живут. А если вы знакомый, так присаживайтесь на телегу, подвезу вас.

Шишу то и надо. Сел рядом с дядькой. А Шиш молча сидеть не может. Он только тогда молчит, когда спит. Он говорит:

— Дяденька, давайте играть в рифмы.

— Это что такое — рифмы?

— А давайте так говорить, чтоб складно было.

— Давай.

— Вот, дяденька, как твоего папу звали?

— Моего папашу звали Кузьма.

Шиш говорит:

— Я твоего Кузьму

За бороду возьму!

Дяденька говорит:

— Это зачем же ты моего папашу за бороду брать будешь?

Шиш говорит:

— Это, дяденька, для рифмы. Ты скажи, как твоего дедушку звали?

— Моего дедушку звали Иван.

Шиш говорит:

— Твой дедушка Иван
Посадил кошку в карман.
Кошка плачет и рыдает,
Твоего дедушку ругает.

Дядька разгорячился:

— Это зачем мой дедушка будет кошку в карман сажать? Ты зачем такие пустяки прибираешь?!

— Это, дяденька, для рифмы.

— Я вот тебе скажу рифму: тебя как зовут?

— Меня зовут... Федя!

Дядька говорит:

— Если ты Федя,
То поймай в лесу медведя.
На медведе поезжай,
А с моей лошади слезай!

— Дяденька, я пошутил; меня зовут не Федя, а Степан.

Дядька говорит:

— Если ты Степан,
Садись на аэроплан.
На аэроплане и летай.
А с моей лошади слезай!

— Дяденька, это я пошутил; меня зовут не Степан, а... Силантий.

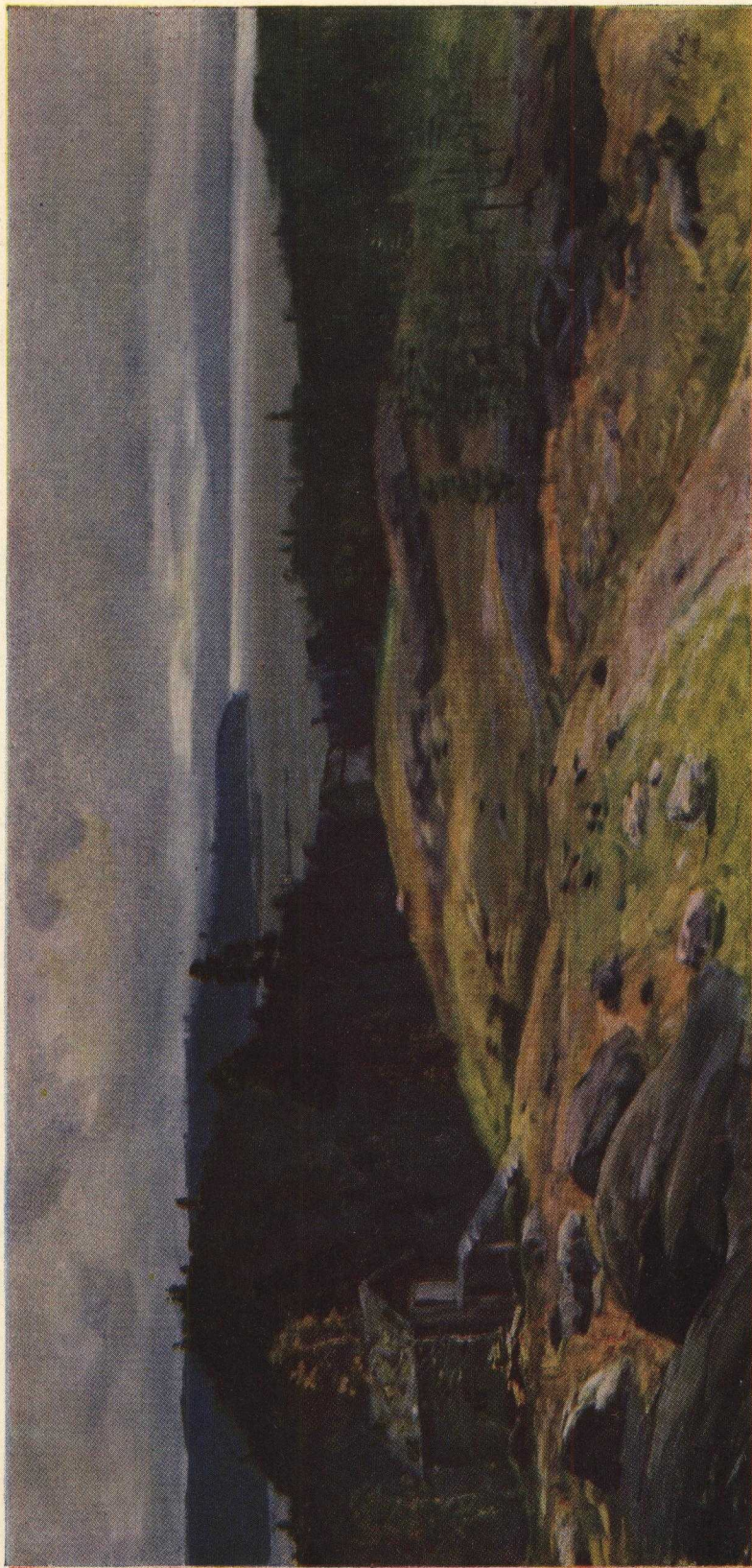
Дядька говорит:

— Если ты Силантий,
То с моей лошади слезантий!

— Что ты, дяденька, такого и слова нет — «слезантий».

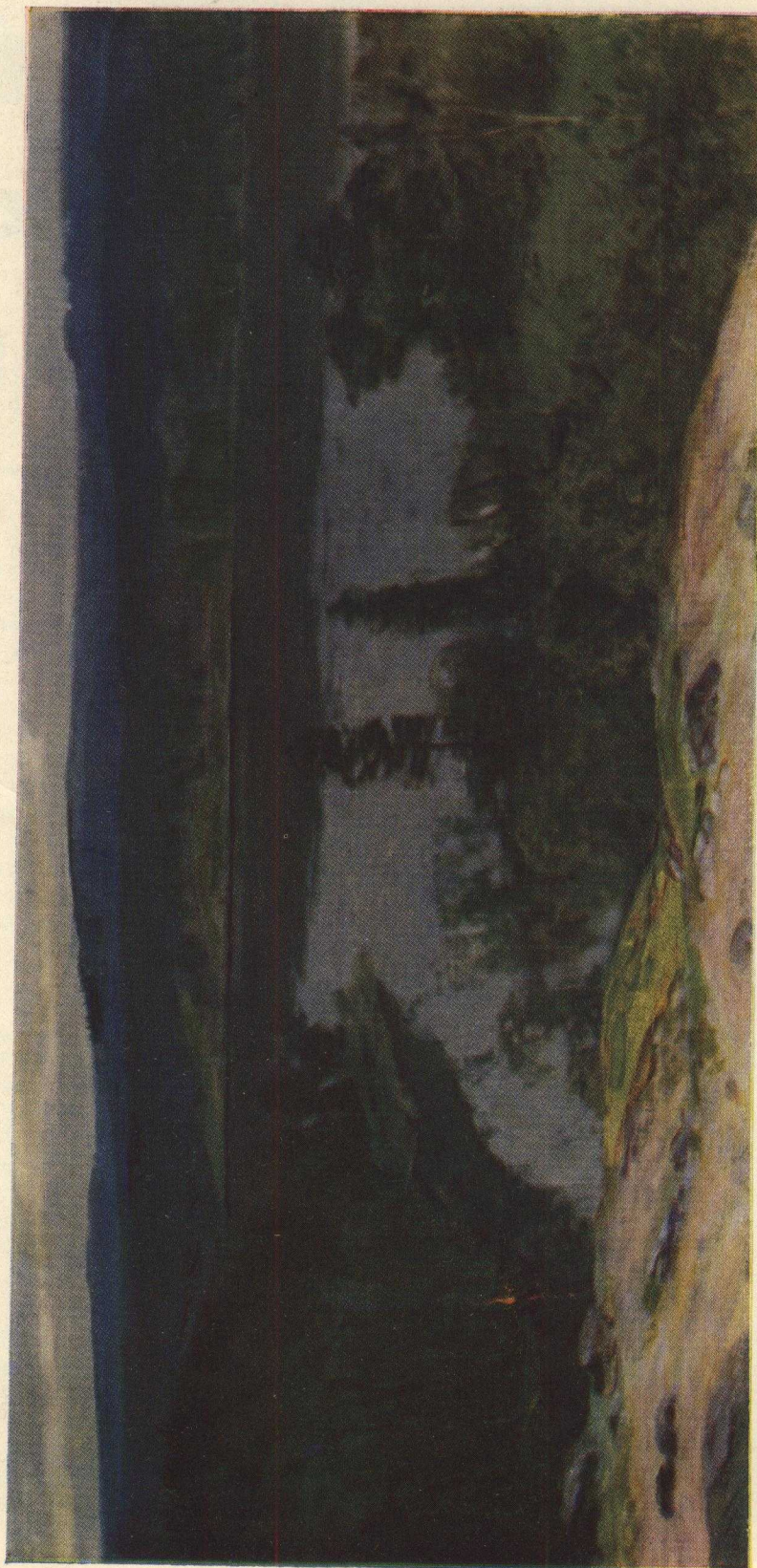
— Хотя и нет, всё равно слезай!

Шишу и пришлось слезть с телеги. Так ему и надо. Если тебя добрый человек везёт на лошади, ты сиди молча, а не придумывай всяких пустяков.

БЛИЗ МЕДВЕЖЕГОРСКА.

В. Мешков.

ТИХИЙ ВЕЧЕР В КАРЕЛИИ.

В. Мешков.

Мерген

М. Зайцев

Рисунки В. Константинова.

НАХОДКА

В один из весенних дней мы с приятелем отправились искать волчий логово. Серебряные протоки озёр сверкали в лучах апрельского солнца. Заросли камыша, раскинувшиеся широко по их берегам, уже начали зеленеть. В них раздавались радостные птичьи крики.

Бродили мы долго, но безуспешно. Наконец на прибрежном песке увидели следы больших волчьих лап. Значит, где-то недалеко живут хищники и ходят к озеру на водопой.

Отпечатки больших лап, несомненно, принадлежали старому волку, а вот мелкие, продолговатые отпечатки — следы волчицы. Это она проложила хорошо заметную тропу от протоки в глубину камышей, в своё логово.

Новорожденные волчата дней десять—одиннадцать ничего не слышат и не видят. Уши и глаза у них закрыты. В это время волчица кормит их своим молоком и на добычу не ходит. От гнезда она отлучается только для того, чтобы напиться. А пьёт она много. ведь волк-отец приносит ей в логово достаточно мяса. Только когда волчата достигнут трёхнедельного возраста, волчица начинает оставлять их одних и ходить на добычу.

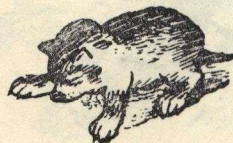
Мы идём по волчьей тропе, пробираясь через старые, многолетние завалы камыша. Идти нелегко. Плотно слежавшийся камыш приходится растаскивать, разрубать топором.

Но вот наконец мы выходим на небольшую площадку и ещё издали видим обглоданные кости, перья гусей и фазанов. Это и есть волчье логово.

Волчицы в гнезде, конечно, нет. Заслышав приближение человека, она всегда уходит и не защищает детёнышей. Маленькие щенки, наверно, лежат, затаившись, где-нибудь неподалёку. Мы останавливаемся и прислушиваемся. Тишина. Только ветер шелестит в верхушках камыша, да издали доносятся птичьи крики. Слева в зарослях слышится шорох. Осторожно разрываем руками камышовые заломы, продвигаемся вперёд и видим на примятой траве шесть маленьких пушистых щенков. Слепые и глухие, они бессмысленно тычутся мордочками в наши ладони.

Мы знаем: их нужно уничтожить. Ведь каждый из них через несколько месяцев превратится в злобного и кровожадного хищника. Только одного из волчат — самого крупного и упитанного — я уношу домой.

А что, если попробовать приручить его и научить охотиться на кабанов?!

ВОСПИТАНИЕ МЕРГЕНА

Мои друзья-казахи в шутку называли волчонка Мергеном, что по-казахски значит «охотник». Это прозвище осталось на всю жизнь.

Нелегко было растить Мергена. Сначала мы с женой кормили его молоком с чайной ложечки. Потом, когда щенок подрос, он стал с удовольствием уплетать сырой мясной фарш, жадно обсасывая мелкие кусочки мяса.

Сначала у волчонка открылись уши, а через несколько дней глаза. Он слышал и увидел людей, комнату, в которой мы жили, и собаку. Моя легавая собака — незлобная и хорошо выдрессированная — не выказывала никакой вражды к маленькому Мергену и лишь подолгу обнюхивала его. А когда Мерген немного подрос, он пристрастился играть с похожими на него щенками овчарки. Вместе с ними он проходил и первоначальную охотничью дрессировку.

Волчонок оказался очень упрямым. Он не желал подчиняться воле человека даже в тех случаях, когда хорошо понимал, что от него требуют. Заметив это, я решил дрессировать Мергена в колючем ошейнике. Я надевал на него ошейник с шипами на внутренней стороне и заставлял волчонка идти рядом с собой. Мерген рвался вперёд, старался освободиться от ошейника, снять его лапами. Я спокойно шёл рядом с ним и говорил: «Иди рядом». Шипы заставляли его выполнять приказание. Постепенно волк приучился к повиновению.

Конечно, не только колючий ошейник помог мне воспитать Мергена. За послушание Мерген обязательно награждался лакомствами. Молодой волк очень любил ласку. Стоило только его приласкать, как он начинал прыгать, вилял хвостом, лизал или нежно кусал руки и шею, показывая свои острые зубы, «улыбаясь» при этом, а иногда отрывисто и глухо лаял или притворно рычал.

Наказывал я Мергена очень редко. Впервые пришлось его сурово наказать за нападение на кур, одну из которых он задушил. После этого события я пошёл на педагогическую хитрость. Посадив Мергена на цепь возле сарая, я привязал курицу на таком расстоянии от него, чтобы он мог её свободно достать, а сам спрятался на чердаке.

Как только волк пытался схватить курицу, я стегал его крупной дробью из рогатки, и он поджимал хвост и отскакивал от курицы. Так же я отучил Мергена ходить на нашу маленькую бахчу за арбузами и дынями.

Но не только послушания добивался я от Мергена. Нужно было ещё развить в Мергене охотничий инстинкт, я стал выводить его в степь и заставлял догонять подраненного зайца. После каждой охотничьей удачи Мерген получал награду. Иногда я отпускал его гоняться за зайцами в зарослях саксаула и подстреливал одного из вспугнутых волком животных. За пойманного зайца Мерген тоже «премировался» мясом. Так звериный инстинкт хищника постепенно преобразовывался в охотничий инстинкт. И надо сказать, что во время охоты Мерген всё больше привязывался к своему хозяину.

К шестимесячному возрасту мой волк прошёл уже всю полевую дрессировку, нужную для охоты на кабанов. В послушании и понятливости он не уступал своим сверстникам-овчаркам.

И вот когда Мергену исполнилось одиннадцать месяцев, я взял его на настоящую кабанью охоту.

ПЕРВАЯ ОХОТА

Серый хищник впервые оказался на свободе. Вместе с собаками, с которыми он вырос и сдружился, он бежал теперь в небо-зримых зарослях саксаула.

Некоторые собаки убежали далеко вперёд от стаи, обнюхивали встречавшиеся кабаньи следы и, убедившись, что они старые, продолжали разыскивать зверя. Другие прислушивались, не раздастся ли лай собак, нашедших кабана, или хрюканье и рычание зверя. Обычно большинство собак не ищет, а только отлаивает — задерживает кабана. Мерген тоже не пытался выследить зверя. Волк не уходил далеко от меня и бежал впереди собак, заигрывая с ними, как будто он не был на охоте.

Но вот вдалеке раздался лай. Как по сигналу, собаки бросились на него. Побежал и Мерген, но не спеша, сзади всех. Злобный и хриплый лай собак удалялся. Скоро они настигли кабана. Подбежав, я увидел крупного секача, прятывшего от собак спину в густом кусте саксаула. Собаки яростно лаяли на зверя, а Мерген стоял неподвижно. Увидев меня, кабан вскочил и бросился на собак. Лай прекратился. Слышались только удары страшных кабаньих клыков и взвизгивания собак, увертывающихся от них. Собаки нападали сзади и сбоку и кружили зверя на месте. Подбежав близко, я выстрелил и ранил зверя. Он рухнул на землю, и вся стая собак набросилась на кабана.

Только теперь Мерген неуверенно и робко присоединился к стае собак. Он то бросался на кабана, хватая его зубами, то отскакивал в сторону. Видно, ему ещё не был знаком азарт коллективной, стайной охоты.

После этого дня я всегда брал Мергена на охоту на кабанов. Постепенно он вошёл во вкус охоты и делал успехи. Самое важное — мой волк научился хорошо искать кабана. Тут пригодились и его звериная хватка и волчья злобность. В конце концов Мерген превзошёл всех лучших собак-кабанятников. Под его водительством собачья стая так хорошо «держала кабана», что охотнику можно было стрелять в упор. Единственно, чего недоставало Мергену, — это лая. Разыскав и остановив зверя, он не издавал ни звука, и поэтому собаки не могли сразу прибежать к нему на помощь. Но к этой особенности своего вожака собаки вскоре применились. Они бежали к волку, услышав возню в камышах или треск ломающегося саксаула.

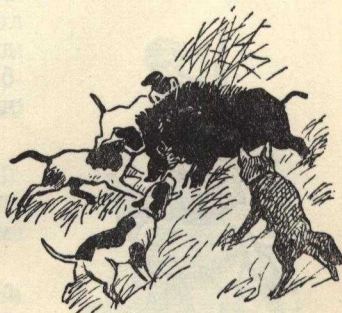
Два года я охотился на кабанов с Мергеном. От кабаньих клыков за это время погибло немало хороших охотничьих собак. Мерген был ранен девять раз, и только необычайная ловкость и волчья выносливость сохранили ему жизнь.

С ВОЛКОМ НА ВОЛКОВ

Приучил я Мергена и к охоте на волков. Для этого я так выдрессировал его, что он стал отзываться на зов.

Я уходил далеко в степь и там начинал, как говорят охотники, «вабить» — подвывать, подражая вою старого волка. Мерген немедленно отзывался. Его спускали с цепи, и он приходил на мой зов. На голос других охотников, подражавших мне, Мерген сначала тоже отзывался и бегал по их зову искать меня. Но скоро он научился очень тонко различать голоса и стал признавать только меня. И что самое удивительное, он никогда не бежал на настоящий волчий вой, доносившийся из далёких зарослей саксаула.

Быстро выучился Мерген и выть по команде. Для этого достаточно было мне поднять руку и сказать: «Пой». Иногда мы «пели»

с ним вместе. Он любил такие концерты, которые всем окружающим, конечно, резали уши. За хорошее исполнение своей «партии» волк получал награду: головку фазана, а то и целого зайца.

Надо сказать, что я очень обязан Мergenу, как преподавателю волчьего пения. У него я научился хорошо «вабить» и подманивать волков. И до сих пор я передаю своё умение охотникам-волчатникам, которые истребляют хищников.

Приучив Мergenа к вою по команде, я стал его брать на волчью охоту. Он очень помогал мне. Теперь уже не нужно было проходить десятки километров в день и терять время на разыскивание волчьих троп. Достаточно было заставить Мergenа повыйть. Старый волк — вожак волчьей семьи, услышав голос пришельца на своей территории, немедленно спешил прогнать его и выходил прямо под мой выстрел. Иногда я не стрелял в подбежавшего зверя, пока он не нападал на Мergenа. Так мне удалось воспитать в Мergenе непримиримую ненависть к волкам.

На следующее утро, после того как старый волк был уничтожен, я снова заставлял Мergenа выть, и на его подвывание прибегала волчица.

Особенно успешно охотились мы с Мergenом на волков в летнюю пору. Обычно после уничтожения старого волка и волчицы невозможно бывает без волкогонных собак переловить волчат. При приближении человека к логову они быстро убегают и очень умело прячутся в густой траве. Особенно трудно разыскать волчат в заболоченной местности. Стоит зверям войти в воду, как собаки теряют их след, не чуют их запаха и нередко бросают гнать зверей. И вот тут-то очень пригодился Мergen. Волчата отзывались на его вой и выходили из своего убежища.

Так страшный хищник стал служить человеку как полезное охотничье животное.

С каждым днём, вернее, с каждой охотой росла привязанность Мergenа к своему хозяину. При возвращении домой он не отлучался от меня ни на шаг. Он шёл у моей ноги слева и толкал меня мордой, как бы напоминая о себе. Став взрослым волком, Мergen перестал играть со мной и с собаками и даже вилять хвостом стал реже. Но иногда он «улыбался», сморщив морду и показывая свои белоснежные зубы.

Мне не раз приходилось отлучаться из дому на охотничьи промысла. Конечно, Мergenа я оставлял в посёлке. Но долгой разлуки с хозяином волк не мог вынести. Не было случая, чтобы он не убежал из дому вскоре после моего отъезда и не нашёл меня, как бы далеко я ни уехал.

Идёшь по степи, и вдруг где-то вдалеке раздаётся знакомый вой. Я отвечаю ему воём старого волка. И вот Мergen передо мной. Он «улыбается», вздёргивая верхнюю губу. Как обычно, волк всюду сопровождает меня.

...Началась война. Я уезжал на фронт. Жена и Мergen проводили меня далеко за охотничий посёлок. Эти два силуэта — самого близкого мне человека и друга-волка — на фоне безлюдных песчаных барханов остались в моей памяти на всю жизнь.

ВЕСТИ О МЕРГЕНЕ

Жена писала мне на фронт, что Мergen часто уходил искать меня. Пропадал он по две—три недели, но всегда возвращался.

Прошло несколько лет. Весной 1945 года моя жена уехала с промыслов и отдала Мergenа до моего возвращения знакомым охотникам. Потом мы получили письмо, в котором сообщалось, что Мergen с первой же охоты убежал.

После войны мне не пришлось вернуться на промыслы. Тяжёлые ранения не позволили мне поехать на поиски Мергена по возвращении с фронта. Волк попрежнему жил у охотничьего посёлка, отдалённого от железной дороги более чем на триста пятьдесят километров. Охотничьи промыслы были здесь прекращены, и только в сезон весенней путины в посёлок приезжали рыбаки. В остальное время года Мерген был единственным обитателем рыбацкого посёлка.

Долгое время я ничего не знал о Мергене. Наконец в 1949 году я получил письмо от старого приятеля-рыбака. Письмо было длинное, написанное, должно быть, кем-то под его диктовку, и всё в письме, кроме приветов и пожеланий, — о Мергене. Он жив! Охотники, которым я оставил стаю собак, рассказали рыбаку, что однажды на охоте на кабанов неожиданно появился волк. Собаки, поджав хвосты, разбежались в стороны, а волк спокойно бежал своей обычной рысцой недалеко от них. Потом некоторые собаки, должно быть, вспомнив, как они охотились с Мергеном, смело подбежали к волку. Он не напал на них и дал им обнюхать себя. А на следующей охоте собаки встретили неожиданно появившегося волка с нескрываемой радостью: виляли хвостами, бросались его лизать. Не оставалось сомнения, что это был Мерген.

Но охотников Мерген не подпускал к себе, при их приближении он отбегал в сторону. Часто Мерген охотился с собаками в течение нескольких дней. Вечером на привале ему первому давали, как и раньше, лучший кусок мяса. Он жадно хватал его, уносил в сторону и съедал вдалеке от охотников и собак. Бывало, что Мерген даже ночевал на привале, но опять-таки вдали от охотников, а утром, когда бригада приготавливалась двинуться в путь, он приближался снова и бежал в стае с собаками.

После охоты волк исчезал так же неожиданно, как и появлялся. Жил он в камышах у озера Кара-Су. Видели его и недалеко от охотничьего посёлка.

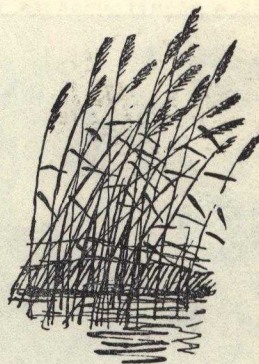
Что же заставляло его возвращаться сюда? Трудно сказать. Была ли это простая волчья привязанность к месту? Или, может быть, в нём сохранилась привязанность к хозяину? Несомненно одно — Мерген предпочитал охоте в одиночку охоту в стае собак. Но он не хотел подчиняться другим охотникам. Как и в молодости, он не трогал ни людей, ни домашних птиц и животных. Не ходил он и на бахчу — за арбузами и дынями. Но в посёлок никому не удавалось зазвать его.

Иногда около нашего дома жители посёлка видели по утрам большие волчьи следы. Все знали, что это приходил Мерген, так как диких волков в этом районе давно истребили и сам Мерген принимал в этом активное участие.

Днём волк никогда не приходил в посёлок и избегал встреч с людьми, хотя издали он радовался приближению человека: вилял хвостом, «улыбался», иногда даже взвизгивал. Пищу из рук брал только у детей. Если же охотники приносили ему кости и рыбу, он не прикасался к пище, пока они не уходили. Чаще всего он кормился ночью, а днём, вероятно, по унаследованной от родителей привычке, как говорят охотники, уходил на дневку — спал.

Бывало, что в лунные ночи его силуэт видели на ближних барханах. Он подолгу сидел неподвижно, поставив задние и передние лапы вместе. Иногда слышался его заунывный, обрывающийся в старческой октаве одинокий и жалобный вой...

Про всё это сейчас поют казахи в своих песнях, когда едут на волах с охотничьих промыслов. Они поют о том, как волк и охотник стали друзьями и как тяжела и горька одинокая старость.

Таково примерно содержание письма, которое я получил от приятеля-рыбака.

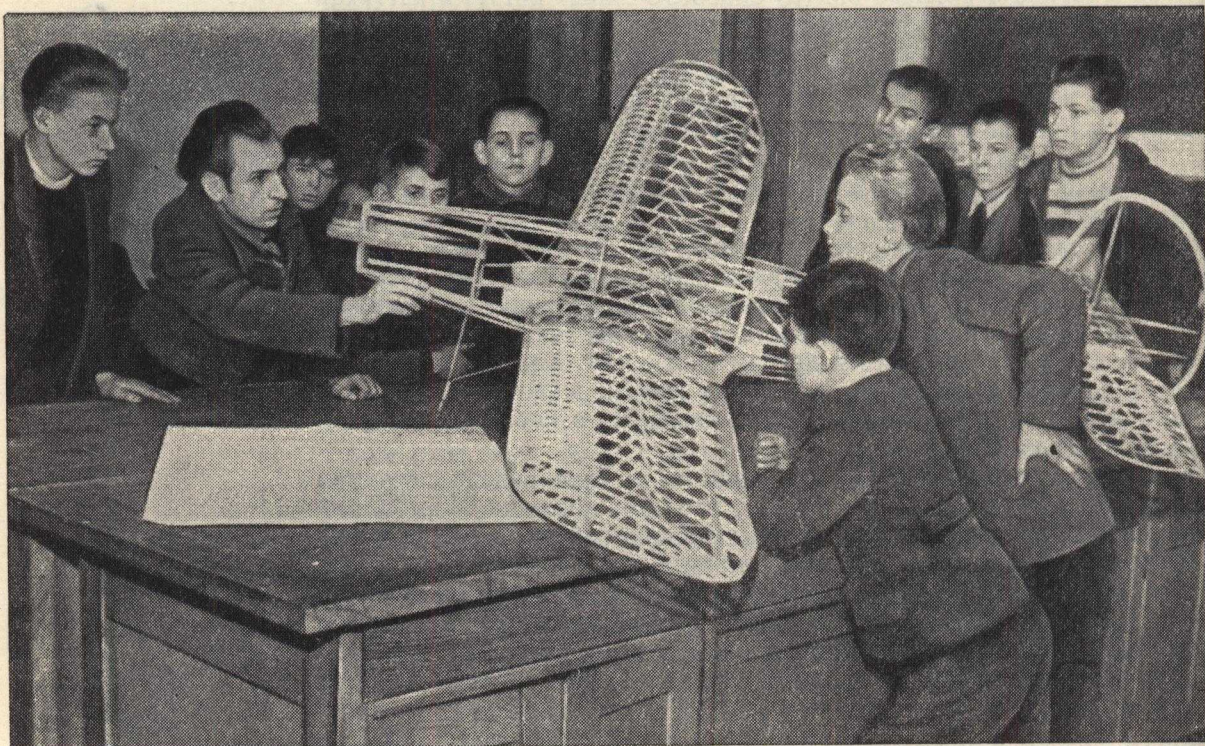
В ответном письме я просил поймать Мергена и, если это удастся, сообщить мне. Но ответа я не получил. Только недавно из письма, полученного от другого охотника, я узнал, что рыбак умер весной 1949 года, и просьба моя осталась невыполненной.

Через год после его смерти, в конце зимы, у стога сена рядом с хатой, в которой мы жили, нашли закоченного, припорошенного снегом волка. На мягком снегу хорошо были видны следы Мергена, пришедшего в посёлок из камышей. А на подоконнике нашей саманной хаты, которая к тому времени уже развалилась, долго оставались на талом снегу отпечатки двух больших волчьих лап. Шкуру с него не снимали, потому что он был хоть и зверь, но друг человека.

Вот и вся история об охотничьем волке Мергене. И мне думается, это современная иллюстрация того, как когда-то, в давние времена, человек своим разумом, своей творческой силой заставлял служить себе зверей.

Юные авиамodelисты Сталинограда

В центре Сталинограда, города угля и стали, стоит красивое новое здание. Ежедневно в послеобеденный час распахиваются массивные двери этого здания, и в него входят авиаконструкторы, кораблестроители, токари, артисты, спортсмены, естествоиспытатели. Каждому из них не больше пятнадцати лет. И, конечно, строят они сейчас не настоящие самолёты, а модели, работают не на заводских станках, а на учебных, но каждый, наверно, считает, что уже решил вопрос, кем быть.

Сколько зресь увлекательного, в этом просторном дворце, построенном несколько лет назад для детей

рабочих! Лаборатории, мастерские, музыкальные комнаты, кукольный театр, кино, бассейн, спортивные залы. Сотни школьников посещают Сталиноградский дворец. На этом снимке вы видите юных авиамodelистов. Они мастерят новую модель самолёта, управляемого по радио...

Прекрасные дворцы для ребят открыты в Варшаве, Лодзи, Щецине. В Народной Польше вряд ли теперь сыщешь город, где бы одно из лучших зданий не принадлежало юным гражданам республики — польским детям.

Л. Почивалов

Пионеры спасли лес

Отправились как-то ребята нашей школы в лес, чтобы выкопать несколько молодых берёзок и пересадить их на школьный двор.

Идут лесом. Вдруг заметили: недалеко от дороги человек нагнулся и что-то рассматривает. Подошли ближе, видят: это лесник Павел Егорович Матвейко.

— Вы что-нибудь потеряли? — спрашивают ребята.

— Нет, — говорит он. — Я вот смотрю на упавшие семена. Не могут они здесь прорасти.

Ребята заинтересовались, почему это семена не могут расти. И Павел Егорович рассказал, какая большая беда грозит их лесу. Нигде в лесу не видно молодой поросли. Старые деревья сохнут и погибают, а смена им не растёт. Лес редееет. Надо как-то вернуть его к жизни.

А всё дело в том, что лесные поляны сплошь поросли густой, высокой травой, покрылись толстым слоем прошлогодних листьев.

Семена падают в траву, но в землю они не попадают и гибнут.

— Я вот пробовал мотыгой разгребать листья, — говорит Павел Егорович, — да разве много сделаешь один!

— Может быть, мы сможем помочь вам? — спросили ребята.

На другой день, в воскресенье, в лес двинулась вся школа. Вооружённые мотыгами, лопатами, граблями ребята сгребали листья, рыхлили землю, копали ямки.

Через несколько часов лес нельзя было узнать, как будто здесь побывала целая армия кротов. Теперь семена деревьев будут падать не в сухой дёрн, а прямо во влажную землю.

Это было в прошлом году. А сейчас на огромном пространстве, всюду, куда ни глянь, поднимаются молодые ёлочки, лиственницы, кедр, берёзки...

Д. Прохоров, учитель Скалистой семилетней школы.
Красногорский район, Сахалинская область.

Хоккейная команда

На нашей улице есть своя хоккейная команда. Всё, что нужно для игры в хоккей, мы сделали сами. Наша команда состоит из пяти человек: вратаря Клауса Ланга, защитников Вольфганга Кнорра и Вольфа Граубнера, нападающих Клауса Фидлера и Клауса Ульриха. Клаус Ланг — один из лучших игроков в нашей команде. Он так хорошо отбивает атаки противника и всегда выручает команду в трудную минуту! Мы уже провели одну игру с командой соседней улицы и выиграли эту игру со счётом 7 : 0.

Вольфганг Кнорр
г. Берлин.

В нашем дворе

В нашем дворе много ребят. В первые дни, когда мы только переехали в новый дом, мы мало знали друг друга, и всем было скучно. Потом познакомились и решили устроить во дворе свою библиотеку. Собрали почти двести книжек. Можно бы библиотеку-читальню открыть. Но где? И вот мальчики выкопали во дворе большую яму, застелили дно ветками, травой. Они хотели устроить там читальню, чтобы было тихо, прохладно и никто не мешал. Но пришёл управдом и запретил нам «портить двор». Чуть всё дело не расстроилось. Но когда управдом узнал, зачем нужна яма, он одобрил нашу затею и даже дал нам помещение в домоуправлении, в подвале. Так у нас появилась своя пионерская комната.

Ребята из столярного кружка постоянно что-нибудь мастерят. Беседка во дворе, стол, скамейки, книжные полки в библиотеке — всё сделано их руками.

Потом управдом помог нам устроить столярную мастерскую. Мы решили организовать и кружки: рисовальный, рукодельный, драматический. Руководить кружками взялись старшие ребята. У нас в доме живёт много студентов из разных техникумов.

Во дворе мы посадили деревья и цветы, сделали волейбольную площадку, беседку,

Свои рабочие инструменты ребята всегда держат в порядке.

Около Хасьи Сигизбаевой всегда много малышей. Она для них то игру какую-нибудь придумает, то книжку почитает.

скамейки, стол. А зимой у нас есть снежная горка и каток. Мы устраиваем спортивные соревнования. Лучше всех на коньках катаются Тимур Сигизбаев, Серёжа Решетников и Амангельды Амриев.

*Аида Кадырбаева, Света Яковенко и
Динара Такежанова*

г. Алма-Ата, проспект Ленина, 10.

На стекольном заводе

Самая интересная экскурсия у нас в этом году была на стекольный завод. Мы узнали, из чего и как варят стекло, как изготовляют из него разные предметы.

Состав стекла очень сложный. Туда входят песок, поташ, мел, углекислые соли кальция, магнезия, свинца и многое другое. Всё это тщательно перемешивается. Готовую смесь — она называется шихта — засыпают в стекловаренную печь, в огромные огнеупорные ванны. Стекло варят при температуре около 1500°. Варят его долго — пятнадцать часов. Стекловаренные печи нагреваются газом, который получается при сгорании торфа и дров. Мы были около самых печей и смотрели, как идёт работа. Потом мы видели, как машины-автоматы делают бутылки, колбы, листовое стекло.

С завода мы принесли в школу образцы готовой продукции и составные части стекла. Сейчас мы делаем стенд «От речного песка до стекла». На уроках химии такой стенд нам очень поможет.

Н. Кузнецова, В. Иванов,
ученики 7-го «А» класса

Редкинской средней школы. Калининская область.

С п о р

Собравшись летним вечерком,
Ребята как-то раз
Разговорились вдруг о том,
Чей самый лучший класс.

— У нас, — Серёжа заявил, —
Ребята ничего:
Когда Семён стекло разбил,
Не выдали его.

— И в нашем классе уж не то,
Чтоб друга выдавать,
У нас ребята, как никто,
Умеют дать списать.

Но вдруг прервал их разговор
Какой-то мальчик тут:

— У нас ребята с давних пор
Уже стекла не бьют.

У нас отряд передовой:
По лыжам и конькам
Мы взяли первенство зимой,
А летом — по прыжкам.

Мы во дворе разбили сад,
Вскопали огород.
В саду сирени белой ряд
Весною расцветёт.

У нас не спишешь ни за что,
Не опоздать у нас...
Теперь судите вы о том,
Чей самый лучший класс.

Леонид Доброхотов

Литературный кружок
Челябинского дома пионеров.

Своими руками

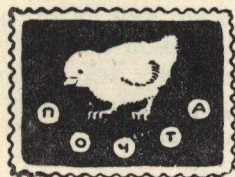
У нас в колхозе имени Ворошилова есть радиоприёмник. От него идёт трансляция по всем домам. И вдруг приёмник сломался. Сразу стало как-то скучно, тоскливо. Вызывать мастера — неизвестно, когда он приедет. Тогда мы решили отремонтировать приёмник сами. Долго возились, а всё-таки починили. Во всех домах снова заговорило радио! Выходит, мы не зря целый год занимались в школьном техническом кружке.

Овчинникова, Ларина, Богданов,
ученики Ташилинской средней школы.
Чкаловская область.

За саженцами.

Рисунок Артура Кузнецова, г. Ярославль.

Свой инкубатор

У нас в школе есть инкубатор. Мы его сделали сами. Очень интересно бывает наблюдать, как из яиц вылупляются цыплята. Через стекло инкубатора нам хорошо видно, как лопается скорлупа и оттуда выходит мокрый, некрасивый цыплёнок. Мы их не трогаем и даже не открываем дверцу инкубатора, пока не вылупятся все цыплята. В инкубаторе очень тепло, цыплята быстро высыхают и становятся похожими на пушистые жёлтые комочки.

Когда кончается вывод, мы переносим цыплят в другую комнату, в клетку. Клетка у нас не простая. Она разделена на три отделения. Первое — спальня, второе — столовая, третье — физкультурный зал.

Малышам нужно тепло, поэтому в спальне мы поставили бак с горячей водой, который всё время подогревается электричеством. Пол в спальне и столовой посыпан песком. В столовой стоят автоматическая поилка и кормушки. В физкультурном зале мы засыпаем пол шелухой от риса или просто сухими листьями и бросаем туда горсти две пшена, дроблёной пшеницы или дроблёной кукурузы. Это для того, чтобы цыплята разгребали лапками шелуху, разыскивая зёрнышки.

К потолку клетки мы подвешиваем пучки травы, чтобы цыплята подпрыгивали. Так мы заставляем их заниматься физкультурой. Поэтому они у нас хорошо развиваются.

В первые дни мы кормим цыплят круто сваренными яичками, которые рубим вместе со скорлупой. А пить им даём молоко. На пятый день к яичку добавляем отруби и зелень: растёртый зелёный лук, шпинат, ботву от редиски или просто траву. Молоко заменяем чистой водой, в которую добавляем несколько капель йода или крупинку марганца. Это чтобы цыплята не болели.

Дней через десять цыплята уже хорошо клюют мелкую пшеницу, червячков, букашек. Мы их выносим на солнышко и пускаем побегать в школьном дворе.

Когда цыплятам исполняется пять месяцев, мы лучших курочек передаём в колхоз. А за остальными продолжаем вести наблюдения.

В прошлом году у нас молодые курочки породы леггорн дали в среднем по сто семьдесят два яйца в год. Наш кружок — участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Тамара Мамедова,

староста юннатского кружка 189-й школы г. Баку.

М Е Д В Е Д Ъ

Фазиль Искандер

Рисунок П. Караченцова.

В пяти верстах от сельсовета
Я жду в кустах его с рассвета.

Он где-то близко, где-то здесь,
Могу следы его прочесть.

Тут он продрался сквозь репейник,
Бродяга пьяный и бездомный,
Перевернул валун огромный
И вылизал весь муравейник.

Там лавровишни ел в кустах,
Ломая косточки в зубах.

Он в рот совал густые кисти,
Он ел, выплёвывая листья.
Торчат обглоданные ветки —
Медвежьего стола объедки.

Потом вставал он во весь рост,
И дерево когтил неожиданно,
И десять штыковых борозд
Прорезал по стволу каштана.

В пяти верстах от сельсовета
Я жду в кустах его с рассвета.

Он должен появиться тут,
Он должен появиться тут!
Под мягкой лапой хрустнул прут.

И, первым увидав его,
Я поднял медленно ружьё.

Медведь смотрел спокойно, смело,
Как будто бы сказать хотел он:
Мол, я пойду своей дорогой,
И ты иди в свою берлогу.

И, чуя наведённый ствол,
Шурша листвою по ложине,
Он, не оглядываясь, шёл,
Шёл, как положено мужчине.

А я прицелиться посмел —
И первый выстрел прогремел.

Его свалил удар свинца,
Над шерстью вспыхнула пыльца.

Он повернулся ко мне так,
Как повернулся б только танк.
Но зверь — он зверем стал теперь
И на меня пошёл как зверь.

Его отбрасывал свинец,
Он снова шёл, привстав.
Я перебил ему крестец
И плечевой сустав.
И близко-близко наконец
Он лёг в прохладу трав.

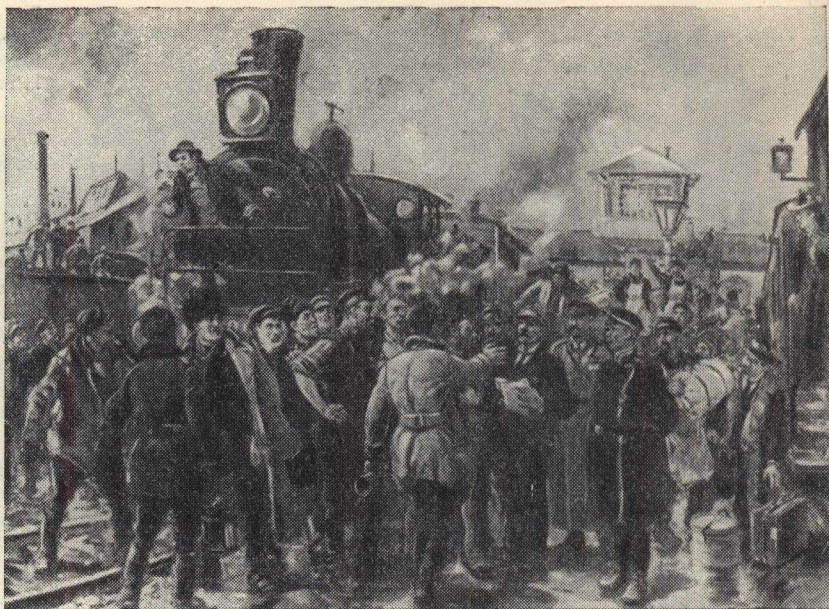
Зализывая кровь и грязь,
Косматые бока вздымая,
Он лёг, со смертью примирясь,
Её причин не понимая.

Разлапый, он разлёгся грузно,
Земле отдав остаток сил.
И стало тихо. Стало грустно.
Зачем медведя я убил?

В октябре 1905 года

А. Горчилин

ВОСПОМИНАНИЯ
УЧАСТНИКА
ПЕРВОЙ РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

Всеобщая железнодорожная забастовка. Октябрь 1905 года.
С картины художника Г. Савицкого.

Когда началась первая русская революция, я был всего на несколько лет старше вас. Шёл мне тогда двадцатый год. Я работал слесарем в мастерских Казанской железной дороги.

Для всех нас 1905 год был особенным годом. Сотни тысяч рабочих и крестьян поднялись на борьбу с царём, фабрикантами и помещиками. Лопнуло наше терпение.

Мне довелось быть не только свидетелем этой революции, но и участником её. В те годы я был уже членом партии. Вместе с другими большевиками под руководством Московского комитета я подготавливал забастовку у нас, на Казанке.

Было это в октябре 1905 года. Революция всё нарастала. Она охватывала город за городом, провинцию за провинцией. Забастовки вспыхивали то в одном, то в другом месте. У нас в Москве тоже всё кипело. Бастовали булочники, слесари, печатники. Бюро нашего железнодорожного союза постановило начать забастовку всего Московского железнодорожного узла.

6 октября состоялось собрание группы большевиков у нас, на Казанской дороге. Мы решили объявить забастовку 7 октября в 12 часов дня.

Поздно ночью вернулся я домой. Спать не мог. Всё думал о том, как соберётся народ. Выйдет ли котельная, за неё мы опасались больше всего. Что будут делать мастера, когда раздастся гудок в необычное время?

А жандарм Смерницкий? Не догадывается ли он о наших планах?

Утро 7 октября началось в мастерских обычным порядком. Мы с моим другом слесарем Коротковым пришабривали подшипники. На душе было тревожно. То один, то другой выбегал на канаву¹ и посматривал на часы, висящие там.

Подошёл бригадир Шумилов, посмотрел смазку подшипников у Короткова и у меня.

— Готово. Навесить! — коротко приказал он нам.

Я положил шабер, вытер «концами» руки, на ходу ответил: «Сейчас навесим!» — и снова выглянул на канаву.

Стрелки часов наконец-то остановились на двенадцати.

— Ваня, звонок! — крикнул я Короткову.

Коротков побежал в соседнее «стойло» — место, куда ставят паровоз для ремонта. Вскоре властно прозвучал звонок. Он звал рабочих на канаву. Мы бросились в кузницу.

— Всем идти сейчас же в сборку, на канаву! — призывали мы, переходя от одной группы к другой. — Выходи-и-и...

Многие рабочие уже знали о забастовке. Они бросали работу и поднимали за собой других.

Постепенно затихло могучее дыхание гор-

¹ Участок мастерской с прорытой в земле канавой, где передвигалась по рельсам электрическая тележка, размещающая паровозы для ремонта.

нов, перестал ухать паровой молот. На канаве толпились рабочие. Многие цехи оставались, и в наступившей тишине, казалось, еще громче звучал стук молотков «глухарей»-клепальщиков.

«Глухарями» их называли потому, что от своей тяжёлой работы в непрерывном грохоте клепальных молотков, удесятерённом гулким эхом внутри котла, они глохли. Это были самые отсталые рабочие. Они держались особняком от остальных.

Товарищи, в котельную! — крикнул я. Котельщики встретили нас насторожённо, не выпуская из рук клещей, кувалд и тяжёлых молотков.

— На канаву! На канаву! — призывали мы. — Выходи на канаву-у!

Через несколько минут котельщики тоже бросили работу.

В мастерских воцарилась тишина.

Народ всё прибывал. Можно было начинать митинг. Я вскочил на площадку паровоза, стоявшего в крайнем «стойле».

— Товарищи! Ещё совсем недавно по нашей дороге шли на Дальний Восток тысячи вагонов с надписями: «Сорок человек, восемь лошадей». Это царь гнал народ на войну с Японией. Теперь мы видим, как в тех же вагонах везут обратно сотни тысяч солдат — безруких, безногих, искалеченных на всю жизнь. Конец войне, конец нашей нищете и бесправию положим всеобщей забастовкой. Мы, рабочие, сложим руки, и замрёт жизнь России. От имени Российской социал-демократической рабочей партии и от железнодорожного союза призываю вас к всеобщей забастовке. Мы не возобновим работы, пока не удовлетворят всех наших требований. Да здравствует всероссийская всеобщая забастовка! Долой самодержавие! Долой преступную войну!

Дружные возгласы одобрения раздались в ответ на мои последние слова. Литейщики, кузнецы, клепальщики — все как один проголосовали за то, чтобы немедленно бросить работу. Срочно был выбран стачечный комитет, который должен был предъявить наши требования администрации дороги. Вместе с другими товарищами в стачечный комитет был избран и я. Теперь нам надо было организовать работу везде.

В депо и на линии стояло под парами несколько десятков паровозов. Мы бросились к ним, чтобы выпустить пар. Протяжно, на разные голоса закричали гудки.

Служащие управления соскочили со своих мест и прилипли к окнам и дверям. На вокзал собирался народ. Стихийно возник

митинг. К нам присоединились рабочие депо и машинисты.

Мы отправились на Ярославскую дорогу, оттуда на машиностроительный завод Вейхельда, потом на Курскую железную дорогу. Там нас словно ждали и сразу бросали работу.

Нашу забастовку подхватили другие мастерские, заводы и фабрики. Скоро прекратили работу почта и телеграф. Закрылись банки, конторы, суды, учебные заведения. Бастовали кожевники, текстильщики, химики. Стояли электростанции. Закрылись магазины, лавки.

Московский комитет партии выпустил листовку. Она призывала рабочих к всеобщей стачке:

«Товарищи! Рабочий класс объявил борьбу на жизнь и смерть правительству воров и разбойников — царскому самодержавию. Он объявил войну и капиталистам, виновникам его нищеты. В этот великий миг каждый, кто не обратился в бесчувственный камень, каждый, в груди у кого бьётся пролетарское сердце, должен встать на борьбу... Кто не с нами, тот против нас; кто сидит теперь сложа руки, тот изменник рабочему делу!

Бастуйте же все, до единого...»

И действительно, поднялась вся страна. Стачка стала всероссийской.

На третий день забастовки жизнь в Москве остановилась. Повсюду — на улицах, возле домов — толпился народ. Иногда вдруг раздавался пронзительный свист. Это появлялась полиция. Но ее не боялись. Городовых встречали свистом, криками: «Улю-лю! Фараоны!» Полиция исчезала. Скоро она перестала показываться в рабочих кварталах.

В эти горячие дни мы создали первые боевые дружины. Ленин называл наши дружины «отрядами революционной армии». Он говорил, что надо организовывать как можно больше таких отрядов, что даже и без оружия мы можем делать очень многое: поддерживать революционный порядок, нападать при удобном случае на городовых и казаков, спасать арестованных или раненых, обстреливать из окон домов войско камнями, обливать его кипятком. «При энергии организованной, сплоченной отряд — громадная сила», — говорил Владимир Ильич.

Я был начальником боевой дружины у нас, на Казанке. Мы выполняли разные поручения забастовочного комитета и Московского Совета рабочих депутатов, охраняли рабочие митинги от нападения полиции.

Трудно приходилось бастующим, особенно многосемейным. Есть нечего, за квартиру

В одном из залов Музея революции в стеклянной витрине хранится оружие, с которым дружинники шли на бой с царскими войсками в 1905 году.

платить нечем, лавочники перестали отпустить в долг. Мы обходили квартиры рабочих и выдавали нуждающимся по несколько рублей из стачечного фонда.

Прибегали мы и к «принудительным» мерам. Узнав, что лавочники перестали давать продукты в долг, мы, человек пять — шесть дружинников, отправлялись к хозяину. Вваливались в лавку и говорили:

— Сегодня нам сказали, что вы перестали отпускать продукты жёнам бастующих. Вы пытаетесь сорвать забастовку, уморить рабочих голодом. Вам это не удастся. Мы применим к вам революционные меры!

Хозяин обычно трусил и соглашался сделать всё, чего мы требовали.

Десять дней продолжалась стачка у нас, на Казанке, и по всей стране. Революция нарастала. И вот 17 октября насмерть перепуганный царь издал манифест. Он разрешал народу свободу собраний, союзов, слова, печати. Не мог уже царь справиться с революцией и своим манифестом думал отвлечь народ от борьбы, обмануть его, а тем временем собраться с силами и задушить революцию.

Мы, большевики, понимали, что царский манифест — это обман народа. Московский комитет партии решил поднять народ на демонстрацию, идти к тюрьмам, освобождать политических заключённых. Утром 18 октября я со своими товарищами-дружинниками поспешил в Высшее техническое училище.

Вокруг училища, насколько хватал глаз, толпились рабочие, студенты, служащие. В самом училище не протолкаться.

В зале шёл митинг.

— Товарищи! — говорил агитатор. — Самодержавие отступило. Вот этим манифестом оно хочет вырваться из тисков, в которые схватила его наша забастовка. Но мы не дадим обмануть себя.

Гул одобрения прокатился вокруг. Послышались возгласы: «Да здравствует стачка! Да здравствует восстание!»

Кто-то крикнул:

— На улицы! К тюрьмам! Освободим товарищей!

Все двинулись к выходу. Выстроившись в колонны, несколько сот человек направилось к Таганской тюрьме. По дороге к нам присоединялись новые и новые товарищи. Вместе с нами шел товарищ Бауман, который только на днях был выпущен из тюрьмы. Рабочие хорошо знали и любили Николая Эрнестовича Баумана, смелого подпольщика, посветившего всю свою жизнь делу революции.

С песнями шли мы вперёд. На одной улице, около фабрики Дюфурмантеля, стояла группа рабочих. Видимо, они не решались присоединиться к нам.

— Я их приведу! — крикнул товарищ Бауман.

Он вскочил на подножку извозчичьей пролётки и со знаменем в руках поехал к рабочим.

И тут из подворотни, крадучись, выскользнул низкорослый, с длинными руками человек. Он подбежал к пролётке и с силой ударил Баумана по голове куском газовой трубы. Бауман упал.

Так погиб от руки царского провокатора замечательный большевик, один из руководителей нашей партии.

Весть о злодейском убийстве, как на крыльях, облетела Москву. Нескончаемым потоком стекались к Техническому училищу, где лежало тело убитого большевика, рабочие, служащие, студенты, подходили боевые дружины. Улицы, переулки вокруг училища были забиты людьми, пришедшими попрощаться с товарищем Бауманом.

Я никогда не забуду тот день — 20 октября. Полдень. Похоронная процессия выходит из здания Технического училища. Вокруг море людей, тысячи, десятки тысяч. Колышутся знамёна с лозунгами: «Долой самодержавие!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Долой подлых убийц!», «Смерть ца-

ризму и его агентам!». Суровы лица рабочих. Они идут тесными, сомкнутыми рядами, взявшись за руки, охраняемые боевыми дружинами. Кажется, нет демонстрации ни конца, ни края, а народ всё прибывает. Ещё студенты, ещё рабочие... Из Лефортова и Сокольников, из Хамовников и Замоскворечья. Вливаются делегации от воинских частей и из других городов: Саратова, Шуи, Орехово-Зуева... Голова колонны уже на Большой Никитской, а последние шеренги ещё у Красных ворот. Улицы не вмещают десятки тысяч людей. Тротуары, балконы, даже крыши домов полны народа.

Попытались полиция и жандармы, убрались с постов городовые. Не видно драгунов и казаков. Да разве справиться им с разгневанной трёхсоттысячной толпой?!

Было уже совсем темно, когда мы подошли к Ваганьковскому кладбищу. И вдруг загорелись, вспыхнули один за другим десятки тысяч факелов. В колеблющихся, дрожащих отблесках пламени видна ограда Ваганьковского кладбища.

Словно по невидимому знаку, сначала окружавшие гроб Баумана товарищи, а затем и тысячи рабочих запели:

Замучен тяжёлой неволей,
Ты славную смертью почил,
В борьбе за народное дело
Ты голову честно сложил.

Ширится, растёт песня. Она звучит грозно, как вызов врагу, перекачивается из шеренги в шеренгу.

Похороны Баумана превратились в торжественно-победное революционное шествие. Смело и гордо, с сознанием своей силы прошли мы через всю Москву, и сотни тысяч людей приветствовали нас, и правительство было бессильно что-либо сделать, не решилось помешать демонстрации.

Оно нанесло нам удар уже поздно вечером, исподтишка. Когда мы расходились по домам, на Большой Никитской, со стороны университета, раздался выстрел. И вдруг из Манежа, словно дождавшись этого момента, выскочили затаившиеся там казаки и полицейские. Раздался залп, другой, третий... Падали убитые, раненые.

Вот как выглядели на деле царские обещания, вот что принёс нам манифест о свободе!

Но царь не в силах был задушить революцию. Революция всё нарастала. Мы готовились к решительной схватке.

С волнением читали мы статьи Владимира Ильича.

«Вперед же, к новой, еще более широкой и упорной борьбе, чтобы не дать опомниться врагу!» — призывал он нас.

Мы стали готовиться к вооружённому восстанию, которое произошло позднее, в декабре 1905 года.

Демонстрация в день похорон Н. Э. Баумана, 20 октября 1905 года.

Эта прекрасная фреска, изображающая древнегреческую богиню земли Деметру, написана в 1-м веке до нашей эры.

ГОРОД С ДВОЙНЫМ ДНОМ

К. Шнейдер

ОДЕЯЛО ДЕМЕТРЫ

Случалось ли вам видеть старинные ларцы с двойным дном?

В современном доме на столе стоит расписной ларчик. В нём лежат вещи обыкновенные: мамино рукоделие, папина готовальня... Ящик как ящик на первый взгляд. Но стоит нажать потайную пружинку — верхнее дно сдвигается, и под ним обнаруживаются удивительные предметы: бабушкин школьный аттестат, орден, полученный дедушкой за храбрость ещё в первую мировую войну... Целая история семьи.

Есть на восточной оконечности Крыма город, похожий на такой же ларец, только очень большой и очень древний. Это Керчь.

Сверху Керчь — город как город, как все южные портовые города, оживлённый и деловитый. Улицы, бегущие вверх и вниз по крутой горе, неожиданно синие полотнища моря в просветах между домами, нарядные набережные, бульвары. Дымит огромный металлургический комбинат; в темноте светятся огни рабочих клубов. В двух десятках школ жужжат, словно в пчелином улье, ребята.

Как все советские города, Керчь строится. Высоко вздымаются башенные краны, прокладываются новые водопроводные магистрали... Город растёт вверх и вширь. Но всё это наверху, над первым дном секретного ларца. А под ним?

Пройдите по одной из керченских улиц, ну, хоть по 4-й Предельной. Дома... дома... Но загляните за ограду вот этого небольшого участка. Вы увидите узкий коридор, ведущий под землю, и там, в глубине, дверь. Что за этой дверью? На прибитой дощечке вы прочтёте: «Склеп Деметры». Деметра? Это же божество древнегреческих мифов! И где?

Здесь, в нашем городе, в полукилометре от ближайшей школы!

Вы захотите немедленно проникнуть в подземелье. Но нет. Дверь наглухо закрыта. Сторож скажет вам, что там маленькая пустая комнатка, а на стенах написаны картины. Почему же нельзя войти? Ведь никто не может похитить картины, написанные на стенах! И вот что вы узнаете: раз в десять дней дверь открывается и выпускает сюда учёного-археолога.

— А что делает там учёный? Зачем он входит туда? — пристаёте вы к сторожу.

Но тот больше не хочет говорить с вами. Напоследок он роняет непонятную фразу: «Это всё из-за одеяла Деметры». Сторож ушёл, а вы остались в полном недоумении. Одеяло Деметры! Значит, его-то и стерегут учёные и сторожа? Странно и непонятно. Вы уже не можете успокоиться, пока не увидите всё собственными глазами. И вот вы решаете подкараулить тот день и час, когда придёт учёный, и упросить его позволить вам хоть одним глазком заглянуть в подземелье. Вы запасаетесь терпением. А пока читаете прекрасную легенду о богине земли Деметре — этой скорбной матери, которая бродит среди людей в поисках своей юной дочери Керы, похищенной Плутоном. Вы читаете и перечитываете, но нигде не находите упоминания о каком-либо драгоценном одеяле.

Наконец наступает день, когда молодая девушка-археолог разрешает вам спуститься с ней в подземелье. Первое, что вы ищете глазами, — одеяло. Но посреди склепа на козлах вы видите только некрасивый, совсем не драгоценный и к тому же мокрый кусок ткани, простёганной на вате. Больше ничего. Вы поднимаете голову и видите на поверхности свода лицо с сурово сжатыми губами и огромными скорбными глазами. Деметра! Дивная фреска, написанная две тысячи лет тому назад! Вот что хранят так бережно учёные! Берегут от сырости, от движения воздуха, от случайного, небрежного прикосновения. А то, что называют одеялом Деметры — лежащий на козлах ватничек, — служит для того, чтобы впитывать в себя губительную для фрески сырость. Вот почему раз в десять дней приходит девушка-археолог и мокрое «одеяло» заменяет сухим.

Теперь вы хотите узнать, как попала сюда эта фреска? Как узнали, сколько ей лет? Что ещё есть в земле Керчи? Много может рассказать вам девушка-археолог. Много вы можете увидеть и услышать в Керченском археологическом музее. Но ещё больше расскажет вам сама Керчь. Город откроет вам свои тайны, как открывает их учёным, неутомимо роющим в керченской земле.

Итак, нажмём кнопку секретного ларца и, открыв его второе дно, обнаружим город, название которому — Пантикапей, столица Боспорского царства.

«СЧАСТЛИВЧИКИ»

1816 году русские учёные впервые начали раскапывать древнюю землю Керчи. О том, что здесь, на берегах Боспора Киммерийского, теперешнего Керченского пролива, когда-то находилось Боспорское царство, было известно из книг древних историков. Но сведения были противоречивые, а, может быть, во многом и неверные. Надо было изучить, понять, а главное, что возможно, увидеть

собственными глазами. За это взялась археология.

Всё вокруг говорило о далёком прошлом: земля, усыпанная битыми черепками; древние каменные плиты с таинственными надписями, вделанные в стены современных домов; старинные монеты, ценные украшения, статуэтки, посуда... Всё это находили прямо на земле, сверху. А там, в земле? Какие тайны ждут учёных в подземном музее древности?

Нелегко было археологам начинать работу. В те дни в мире невообразно царил закон собственности. Каждый сидел на своём участке, как маленький царёк: и на земле моё и под землёй моё.

Однажды, роясь в своём огороде, один керчанин открыл расписной склеп. На стене была написана целая картина: кочевая юрта, изображённая с удивительной точностью. Рядом с юртой женщина, сидящая в кресле. Около неё прислужники. Справа к юрте подъезжает вооружённый всадник с нагайкой в руке. За ним другой, с пикой наперевес. И над всем этим надпись по-гречески: «Анфистерий, сын Гегесиппа, он же Ктесамен».

Всё было замечательно в этой фреске: и яркие краски и не совсем понятное содержание. Кто такой Анфистерий? Почему он изображён рядом с юртой?

Глиняный кубок, найденный при раскопках боспорского города Илурата.

Серебряная амфора из скифского кургана Чертомлык.

Судя по имени и по всему облику, он греческий воин, а греки никогда не жили в юртах. К кому же он приехал? Кто эта женщина?

Необходимо было сохранить склеп Анфистерия. Он должен принадлежать науке. Но пока учёные хлопотали, владелец огорода (а следовательно, и склепа) проникнул об этом и решил поступить по-хозяйски. Он взял лопату и... соскрёб со стены всю роспись. Фреска исчезла. Теперь в склепе можно было спокойно держать картошку и солить огурцы.

Остался только рисунок, который успел сделать археолог.

С самых первых веков человеческая жадность бродила по старым кладбищам, врывается в тишину погребённых в земле храмов, пробивала своды гробниц, гоняясь только за одним — за золотом. Аланы и сарматы, готы и гунны — все приложили руку к осквернению древних гробниц. В поисках золота разрушали утварь прошлых времён, безжалостно разбивали плиты с ценнейшими надписями. Вот почему, когда археологи в начале XIX века на-

чали тут свою работу, подземный музей достался им полуразрушенным.

Однажды разнёсся слух, что в хмуром кургане Куль-Оба учёные нашли целый клад — сотни драгоценных предметов из чистого золота. И тут золотая лихорадка охватила Крым. Новые варвары кинулись, словно внезапно лишившись рассудка, рыться в земле. Докапывались до древних стен, пробивали своды склепов, сокрушали изумительные творения Эллады, драгоценные амфоры, дивные статуэтки, отбрасывали в сторону кости воинов, черепа вождей и рабов... Искали одно — золото.

Это делали невежественные люди. Но не меньший вред приносили и культурные грабители. Эти понимали ценность произведений античного искусства. Они не ленились рыться в земле, чтобы отыскать расписной сосуд или печатку с головой Аполлона. Ведь не только золото, но и бронза или керамика — была бы только вещь «античная» — ценятся дорого. Находили, выкапывали и продавали; нередко продавали за границу. Так ушло от нас множество драгоценных вещей.

Всех этих искателей народ насмешливо прозвал «счастливыми». Нельзя даже примерно подсчитать, какой вред нанесли они науке.

Но и наука в то время не всегда шла правильными путями. Долгое время ценными находками считались если не золотые вещи, то, во всяком случае, произведения искусства. Их хранили в музеях, их описывали в книгах. А простые вещи, битые черепки, куски камня и дерева, обуглившиеся клочки ткани — всё это отбрасывалось как ненужное.

А теперь? Вот перед нами дневник советского археолога. Заглянем в него:

«...на глубине 67 сантиметров обнаружены: венчик тарелочки — 1, бронзовый гвоздик без шляпки — 1».

Да, так и написано: «гвоздик без шляпки». И он вынут из земли, записан в дневник, заботливо спрятан в коробочку. Он расскажет нам о многом.

ВОЖДЬ УГНЕТЁННЫХ САВМАК

В

сё изменилось. «Счастливым» пришёл конец. У нас никто не имеет права собственности на недра земли. Никакие раскопки не могут проводиться без ведома и руководства учёных.

Сейчас даже очень далёкие от науки люди знают, что те, кто ведёт раскопки, добывают вещи не для себя, а для науки. Но всё же «странные люди учёные», думают многие. Бывает так: найдут в земле старинную монету прекрасной чеканки, к тому же золотую. Находка ценная. Монету регистрируют, заводят на неё особый паспорт, бережно

прячут в специальное хранилище. Всё это делается спокойно, по-деловому: ничего особенного не произошло. Но вот нашли маленькую позеленевшую монетку, и во всей экспедиции ликование, праздник. Нашедший чувствует себя героем. Почему? А вот почему: точно такая же золотая монета уже имеется в ленинградском Эрмитаже. Есть она и в Москве. Они уже изучены. Та, которую нашли, — третья. А вот маленькая медная, с полустёртой надписью — единственная. Она обещает многое. Что-то она откроет? Чью смелую догадку подтвердит? Чью разрушит?

До сих пор идут споры об одной такой монетке. На ней четыре греческие буквы: сигма, альфа, ипсилон, мю. По-русски это читается так: «Савм». Что это за слово? Может быть, имя? Или часть имени? Не упоминается ли оно у древних историков? Учёные ищут, думают, и вот что им приходит в голову.

Во втором веке до нашей эры на Боспоре вспыхнуло восстание. Вождём восстания был царский раб скиф Савмак. Может быть, это его имя стоит на монетке? Но как же мог он, царский раб, печатать монеты? Ведь восстание было подавлено, как все восстания в те времена! Ведь Савмак был казнён. Мало, очень мало писали об этом древние историки. Всё же кое-что они писали. Известно, что восставшие овладели Пантикапеем и Феодосией, что против

них был послан прославленный полководец Диофант. Тот самый Диофант, которому за его «великие деяния» была воздвигнута бронзовая статуя возле алтарей наиболее чтимых богов. Полгода шла длительная подготовка к военной экспедиции против Савмака. Понадобилась целая регулярная армия и военный флот, чтобы наконец подавить восстание. Савмак был взят в плен и казнён. Если надпись на нашей монетке можно прочитать как Савмак, то, значит, было время, когда вождь восставшего народа мог даже чеканить монеты. Какая же сила была у этого Савмака! Какое множество людей — и рабов и «свободных», но угнетённых людей — пошло за ним! Да, но достаточно ли этих четырёх букв, чтобы сделать такое заключение? Нет ли там ещё чего-нибудь, на этой монетке? Есть. На лицевой стороне изображён бог солнца Гелиос с лучами вокруг головы. Не говорит ли это историкам что-нибудь?

Известно, что незадолго до того в другом месте Малой Азии, в Пергаме, тоже происходило восстание. Восставшие называли себя гелиополитами, то есть гражданами солнца. Мог об этом знать Савмак? Конечно, мог. Мечтавший о стране счастливых, о «солнечном государстве», он, став правителем Пантикапея, приказал чеканить монеты с изображением бога солнца.

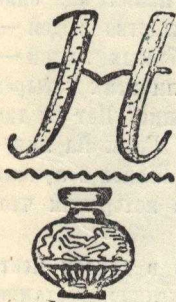

Картина на амфоре, рассказывающая о жизни наших далёких предков — скифов.

Так думает большинство учёных. Но, чтобы это стало бесспорным, нужно найти такую монетку, на которой имя Савмак было бы написано полностью.

И поиски не прекращаются. Ведь учёных нашей страны, страны, где революция победила, особенно интересует всё, что можно узнать о революционном движении всех времён и народов.

ГОРОДА МЁРТВЫХ

М е удивительно ли, что о жизни живых нам рассказывают города мёртвых, по-гречески — некрополи?

Наши далёкие предки рассуждали так: «Кто знает, что делают души умерших после похорон? Не понадобится ли там воину его острый меч? Не захочет ли покойный выпить вина или поесть мяса?» И на всякий случай укладывали в могилу множество

вещей. И мы теперь находим в этих древних захоронениях и оружие, и посуду, и женские украшения... На щитах, на рукоятках мечей, на чашах и вазах мы видим изображения людей то в сражении, то за работой, видим танцовщиц, спортсменов, охотников и рыбаков... Мы узнаём прекрасные и грозные облики античных богов. Нам знакомы стройные девушки и юноши Эллады, струящиеся складки их одежд, их красиво убранные волосы...

Вот перед нами серебряная амфора, найденная в Чертомлыцком кургане. Это сосуд для вина. В нижней его части, среди кованых львиных масок, есть отверстие, заткнутые серебряными пробочками. Покойный мог при желании выпить вина из этого сосуда. Но для нас самое интересное то, что изображено на «плечах» амфоры. Мастер выковал из серебра целую картину: люди ловят пасущихся в степи коней. Двое ловят арканами, один стреноживает, ещё один пытается схватить коня за хвост. Ни одеждой своей, ни фигурой, ни бородатыми лицами эти люди не похожи на греков. Вот другая ваза из драгоценного сплава, который назывался электроном. Посмотрим, что изображено на ней. Повидимому, это два друга. Один перевязывает другому челюсть. У больного, а может быть, раненого страдание на лице; одной рукой он вцепился в руку товарища, совсем так же, как вы хватаете руку зубного врача, мешая ему лечить вас. Всмотритесь в этих людей. Узнаёте? Те же бороды, те же длинные, нестриженные волосы, что и на амфоре, та же одежда, туго перетянутая поясом. Это скифы. Теперь мы с вами везде узнаём их. В картинах сражений мы легко отличим скифских воинов от греческих.

Многое удивило бы вас среди находок в древних захоронениях. В одной из могил нашли крошечные

золотые украшения: браслетик, серёжки, колечко, золотые кончики пояска... От скелета осталось лишь несколько косточек. Но и по косточкам и по этим маленьким вещам можно узнать, что здесь был похоронен совсем крошечный ребёнок; ему не могло быть и года. На колечке написано женское имя — Хара, по-гречески — Радость. Наверное, сильно любили родители эту маленькую Радость, если так украшали её! Но вообразите себе нашего младенца, увешанного серьгами и пряжками, с браслетами и кольцами на ручках. Невозможное зрелище!

Были вещи и более дикие. В могиле знатного скифа около богатого саркофага с останками умершего был найден другой костяк. Этот не положен в гроб, не увешан богатым оружием. Это раб, убитый в честь своего господина. В углу склепа кости коня. А прямо против входа, в саркофаге из драгоценного дерева, отделанного слоновой костью, скелет женщины, жены покойного, тоже умерщвлённой в день погребения. Голова женщины украшена золотой повязкой, изумительной работы серьги с изображением богини Афины, сотни золотых бляшек, нашитых на одежду... Богато же нарядили эту женщину родные и наследники в последний день её жизни! Разукрасили, чтобы умертвить! Так же, как раб, она принадлежала хозяину — мужу — и должна была безропотно идти за ним в царство теней.

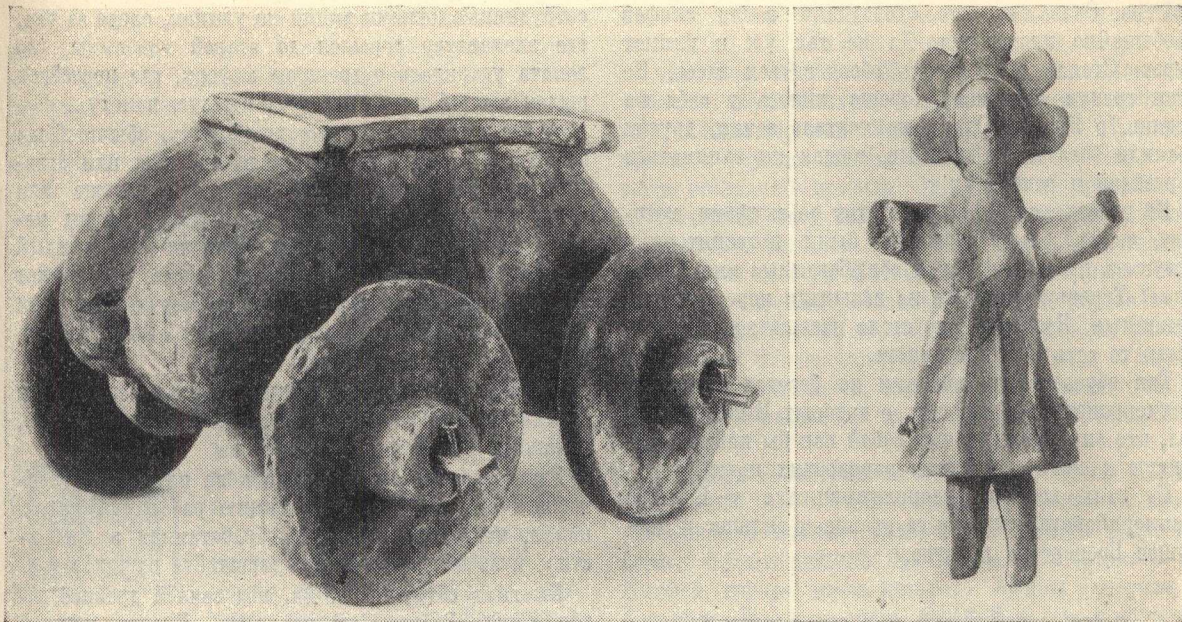
Вот какую страшную картину увидели мы с вами, заглянув в тайны древнего мира. Займёмся же теперь более радостными вещами, которые творятся всё в той же пахнущей морем, деловой, шумной Керчи.

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

В сё лето работала археологическая экспедиция профессора Гайдукевича возле Керчи. Рылись в земле Тиритаки, исследовали город Мирмекий (это значит — Муравейник). Раскапывали древнюю крепость Илурат. Жили лагерями: одни у самого моря (эти бегали в перерывах купаться: учёные тоже любят поплавать в море), другие вдали от моря. Молодые археологи, как всюду и везде у нас, выпускали стенгазету, пели песни, спорили ночи напролёт, работали, не считая времени. Когда только они спали, неизвестно. «Ничего нет на свете лучше экспедиций», — говорят археологи. То же скажут вам геологи, ботаники, географы — все, кто в поисках открытий едет в разные концы нашей Родины, все, кто со страстью занимается своим делом и не боится трудностей.

Здесь, в маленьких городках и поселениях возле Керчи, учёные добывают самый ценный и нужный им материал — летопись жизни простых людей.

Этими глиняными игрушками играли дети почти две тысячи лет назад. Повозка — скифская игрушка, а кукла найдена при раскопках города Илурата.

О войнах, о подвигах героев, о могущественных правителях много и подробно писали древние историки. О простом народе писали мало.

Раскапывая курганы и склепы, учёные тоже узнают больше о боспорской знати. А нужно знать, как жили обыкновенные люди. Нужно побольше узнать об их труде, о простой домашней жизни... О том, какие были у них дома, как одевались люди, что ели, во что играли их дети.

Если нам удастся попасть в Керченский археологический музей, или в ленинградский Эрмитаж, или в музей Москвы, мы увидим и ту самую посуду, в которой боспорская женщина готовила пищу для своей семьи, и тот самый штамп, которым мастер чеканил золотые бляшки для одежды знатной госпожи, и глиняную куклу, которой играла какая-нибудь девчушка на пороге своего дома много, много столетий назад. В ленинградском Эрмитаже мы увидим повозку — маленький фургончик на четырёх колёсах. Это игрушка. В целости и сохранности пролежал в земле этот фургончик больше двух тысяч лет. Теперь мы смотрим на него и думаем: интересно, что это был за мальчик, который возил хрупкую глиняную повозочку, и почему он не сломал её? Мы можем даже сочинить об этом рассказ. А учёный, глядя на игрушку, думает другое. «Очевидно, — думает он, — такими же были и настоящие повозки кочевников: ведь все ребята любят, чтобы игрушечные вещи делались, как настоящие!»

А что это за смешная чашечка с ручками в виде зверюшек? Тоже игрушка? Нет, это дело серьёзное: это сарматский сосуд. Археологи зовут такие ручки «оберегами», от слова «оберегать». Известно, что

эти ручки-зверьки должны были оберегать содержимое сосудов от злых духов.

Так понемногу из земли встаёт целый забытый мир, целая сложная жизнь рабовладельческого государства, где рядом с высокой культурой уживались дикие верования, где в двухэтажных домах с застеклёнными окнами жили господа, которые имели право рубить головы своим рабам.

Кто же всё-таки были хозяева Боспорского царства: «цивилизованные» греки или «варвары» скифы? Удалось ли это узнать учёным? Да, удалось. С помощью древних историков, на материале археологических раскопок стала известна история Боспорского царства.

За семь веков до нашей эры греческие смельчаки-мореходы стали проникать в воды Чёрного моря. Они везли с собой разные товары, чтобы выгодно обменять их у местного населения и вернуться на родину богатыми людьми. Суровым показалось им Чёрное море после своего привычного, тёплого Эгейского. Были и другие опасности: дикие тавры нападали на греческие корабли, грабили их, а людей приносили в жертву — попросту сбрасывали ударом дубины в море. Но отважные мореходы снова и снова приплывали к чужим берегам. Только называли они на первых порах это море Аксинским, что значит Негостеприимное. Однако люди, жившие на территории теперешнего Крыма и дальше на север, вглубь материка, таинственные полукочевые скифы охотно несли хлеб, шкуры, шерсть, рыбу в обмен на расписные вазы и красивое оружие, на виноградное вино и оливковое масло.

Скоро греки сделали ещё одно самое важное от-

крытие. Оказалось, что «холодная» земля скифов необычайно плодородна. Да не так уж и климат суров. Стоило попробовать обосноваться здесь. Не всем грекам одинаково хорошо жилось у себя на родине, в Элладе. Одним не хватало земли, других теснили богатые и знатные, мешая им заниматься торговлей и ремёслами.

Не поселиться ли по соседству со скифами, которые, видимо, даже согласны были потесниться и уступить полезным гостям облюбованные ими берега моря? Теперь греки уже не называли море Негостеприимным. Наоборот, оно стало называться Евксинским, то есть Гостеприимным.

Так образовались колонии на берегах северного Причерноморья — колонии, о которых Цицерон сказал, что они представляют собой как бы кайму, подшитую к обширной ткани варварских полей.

Из этих колоний, расположившихся у Боспора Киммерийского, выросло со временем сильное и цветущее Боспорское царство.

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ

сенью экспедиции заканчивают свою работу. Москвичи и ленинградцы уезжают, керчане остаются. Что же, археология, так сказать, покинула Керчь? Не тут-то было!

Есть в нашей стране города, вся жизнь которых равняется по огромным заводам, находящимся в них или около них; ну, скажем, Магнитогорск на Урале.

Есть и такие, как Севастополь, Кронштадт; там всем командует гавань, порт. А вот в Керчи распоряжается археологический музей. Тут всё пропитано археологией, всегда пропитано, и зимой так же, как летом.

Строить обычное городское хозяйство здесь так же непросто, как жить в покоях какого-нибудь исторического дворца. Вздумал пробить в стене двери, а под обоями фреска великого мастера. Поднял половицу, а там тайник с архивом. Захотел поиграть в мяч, разбил драгоценную люстру. Так и в Керчи. Приходится строить дома на земле, переполненной сокровищами; не разобравшись, можно легко погубить их навек. Страшно дробить камень на щебёнку: рискуешь уничтожить могильную плиту большой ценности. Тут под землёй древний склеп, там остатки гимназии, греческих бань, рынка... Всё это необходимо сберечь. Но жить-то нам, теперешним людям, тоже нужно! Как же быть?

Керченскому музею дано особое право приостанавливать любую работу в городе, если это окажется нужным.

Но как уследить музею за всем? Не бегать же

сотрудникам целыми днями по улицам, следя за тем, где экскаватор дорылся до старой гробницы, где лопата ударилась о древнюю амфору, где поросёнок рылом выгреб из земли позеленевшую монету...

А без археолога трудно распознать, обычный ли камень попал в стальной ковш машины или древний, обработанный; можно ли рыть дальше или сразу остановиться... Какой же выход? Выход нашли, наш, советский выход. Нельзя на каждый экскаватор посадить учёного-археолога, но, может быть, можно всех работающих в Керчи советских людей заинтересовать археологией? Оказывается, можно.

И теперь то и дело в музее звучат телефонные звонки: звонят рабочие строек, звонят школьники, домашние хозяйки...

Рыли траншею и наткнулись на плиту. Экскаваторщик слышал в клубе лекцию работника музея, понял, что плита особая, «обработанная в древности», и звонит в музей: «Присылайте ваших!»

Выехали сотрудники. Да, под землёй древнее захоронение. Работы остановились. Вместо мощной железной лопаты-ковша пошли в ход осторожные скребочки и щёточки учёных. А как же намеченный тут водопровод? Неужели забросили? Нет. Археологи сделают своё дело, и либо экскаватор снова зашумит тут, либо пойдёт в обход.

Все такие летучие раскопки ведутся в Керчи всегда: и зимой и летом. Они называются «охранными»: их задача сберечь то, на что люди натыкаются случайно. Они дали музею немалую часть его ценных коллекций.

Не первый год ведёт свою работу Керченский музей, и теперь к небольшой горсточке его сотрудников присоединились, можно сказать, тысячи помощников. Помощники эти самые разные и по возрасту и по знаниям. Польза, приносимая ими, тоже не одинакова, но все они любят историю своего города.

То, что скрыто в земле, умеет добыть, не повредив, только опытный и знающий учёный, добровольцам нельзя доверить таких работ. Но в Керчи многое можно найти прямо на поверхности земли, всё то, что вымывают дожди, обнажают оползни. Найдки эти называются подъёмным материалом». Вот их-то и приносят часто керчане, взрослые и дети, в музей. Есть в Керчи пенсионер Юдкевич. Он то и дело приносит что-нибудь новое, удивительное. «Вот, нашёл!» Это он принёс «Трёхликую Гекату», редчайшее скульптурное изображение греческой богини.

Рабочий Илюхин с большим трудом притащил найденное им на горе Митридат каменное надгробье — стелу. Стела была не обычной, а расписной: на ней в красках был изображён древний воин.

Живёт в Керчи инженер Веселов. Он железнодорожник по профессии, но седая древность так

увлекла его, что он стал теперь уже почти археологом. Вместе с сыном Васей он всё время планомерно ищет и находит много ценного. Он пишет научные статьи в археологические журналы и сборники. С его мнением считаются археологи. С ним в большой дружбе живут работники музея.

МИРОВОЕ СОКРОВИЩЕ

Эсть в Керченском музее сокровище мирового значения. Это коллекция надгробных плит — стел. Заглянем в лапидарий (хранилище камней), где стоят и лежат сотни таких надгробий. Многие из них привезены из Греции. Большинство сделано местными древними художниками и мастерами из ракушечника. На камне высечены портреты, надписи, целые группы. Вот муж и жена пожимают друг другу руки: они умерли в один день, и художник изобразил неразлучность, верность. Вот шестеро детей выстроились по росту. Может быть, умерли от какой-нибудь эпидемии. Вот прекрасная стела, на которой изображена женщина в длинном, падающем складками покрывале, сидящая в кресле. Рядом юноша-подросток стоит, опершись на большой щит. За креслом женщины крошечная фигурка; на многих стелах вы заметите такие фигурки — мужские и женские. Это рабы; их изображали маленькими, меньше чем в половину роста господина.

Попросите сотрудника музея, знающего греческий язык, прочесть и перевести вам несколько надписей. Он сделает это охотно.

Одно надгробие скажет вам, что покойный «убит бурным Аресом номадов», то есть скифским богом войны. А проще говоря, самими скифами. Другое, — что погибший «наткнулся на страшное варварское копьё»... Вы услышите имена греческие: Аристип, Диофант, Тераклит; скифские: Силур, Полак; римское Квинт; персидское Ахеймен. Вы узнаете профессии тех времён: купец, судостроитель, флейтистка, учитель гимназии (спортивной школы) и даже «любитель словесности» — мы назвали бы его филологом или историком литературы.

Если вы будете разглядывать эти надгробья очень внимательно, то заметите, что в конце большинства надписей стоит одно и то же слово, которое вы, не умеющие читать по-гречески, всё же смо-

жете прочесть: буквы очень похожи на наши. Это слово ХАЙРЕ (ХАЙРЕ). Вы прочли его, но что оно значит? Вам читают: «Жена моя, Калия, прощай!», «Феотия, жена Бакхия, и сын Майрипп, прощайте!», «Филатта, сын Мирмака, прощай!» Вот как просто и грустно звучат эти надписи. «Хайре» — слово последнего привета. Оно и значит прощай.

Простимся же и мы с этим миром мёртвых. Выйдем наружу. Пройдём вдоль моря и, свернув налево, поднимемся на гору Митридат. Встанем лицом к морю тут, у высокого обелиска, который поставлен в честь наших героев, павших за освобождение Крыма в Великую Отечественную войну. Отсюда, с самой высокой точки Керчи, далеко вокруг видна земля, на которой родилось, цвело и умерло Боспорское царство.

А теперь посмотрим на юг. Там, за цепью курганов Юз-Оба (сто могил), Тиритака — город рыбаков, охотников, гончаров... Дальше, у самого моря, на берегу прекраснейшей бухты, то, что осталось от Нимфея, города, из-за которого Афины спорили с Боспором. Это был очень богатый город, с лучшей на всём побережье гаванью, с плодороднейшими землями вокруг.

Здесь, на берегу, у подножия скал, находился храм Деметры, покровительницы земледельцев, богини, которую изнеженные эллины считали слишком грубой, мужицкой и которую так любили и почитали боспорцы.

Войны и землетрясения много раз разрушали храм Деметры, но люди снова и снова восстанавливали его.

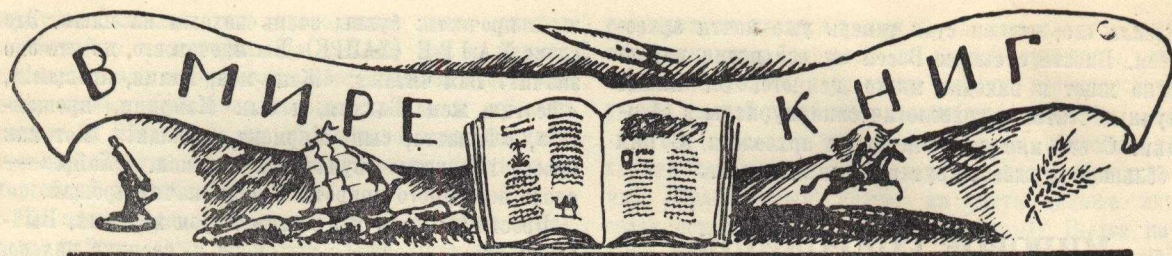
Прочтите миф о Деметре, и вы узнаете, как обжались себе древние, почему лето сменяется зимой, почему весной земля покрывается травами и цветами, а зимой, скованная холодом, погружается в сон.

Мы с вами стоим на вершине холма, который назван именем могущественного боспорского царя Митридата Евпатора. В долгой и упорной борьбе с Римом он был предан собственным сыном и покончил с собой на вершине холма в Пантикапее. Так говорит предание.

«Здесь закололся Митридат», — читаем мы и у Пушкина.

Римляне завладели Боспором. Их владычество тянулось несколько веков, пока на Европу не обрушился «бич божий», царь гуннов Атилла, пока «травы не перестали расти повсюду, где ступали ноги его коня».

Кончилось тысячелетнее существование Боспорского царства.

РОМАН О ВЕНГЕРСКИХ ВИТЯЗЯХ

«Мальчик и девочка купались в речке...»

Так начинается свой исторический роман «Звёзды Эгера» классик венгерской литературы, писатель Геза Гардони. Действие романа происходит не сегодня и не вчера, а с 1533 по 1552 год.

Об этом автор предупреждает нас. Он говорит:

«В те времена турок нередко можно было встретить на дорогах. Ты, милый читатель, ошибаешься, если думаешь, что двое ребятшек купались в речке нынче летом. Где они теперь — и эти ребятки, и турки, да и все прочие люди, которые предстанут перед тобой в этой книге, будут ходить, говорить, смеяться или плакать? Все они давным-давно стали прахом...»

Это не совсем верно. Писатель сумел наделить своих героев такой живой жизнью, что они встали из праха и ожили перед нами. Мы прониклись их интересами, начали волноваться из-за событий, происходивших четыреста лет назад, во время венгеро-турецкой войны.

Такова сила искусства, что с самого начала книги, чуть ли не с первой её строчки, мы оказались в водовороте событий, и речка, где купались ребята, с которыми знакомит нас автор, вовсе не тихая, а стремительная, бурная, и течёт она через века, соединяя давно минувшие времена с нашими. Поэтому и книга читается с большим интересом, и когда кончаешь её читать, думаешь: «Почему, ну, по-

Иллюстрация венгерского художника Иштвана Биан-Феглейна к роману «Звёзды Эгера».

чему она так скоро кончилась?» А потом смотришь количество страниц, которые ты отмахал единым духом, и удивляешься: было их, оказывается, совсем не мало — пятьсот пятьдесят девять!

Почти на каждой странице поджидает тебя неожиданность, почти каждая страница открывает перед тобой ещё какой-нибудь уголок удивительного, неизвестного тебе мира, где на прекрасных конях выезжают рыцари, чтобы схватиться с сарацинами, с турками, со всеми, кто с огнём и мечом вступил на прекрасную цветущую венгерскую землю.

Мы не перестаём с напряжением следить за действиями героев до конца книги, наблюдая, как вырастают, как мужают в борьбе те двое, что в самом начале книги купались в речке. Мы ощущаем их рядом с собой, знаем, о чём они думают, к чему стремятся, как приходят к победе над коварным и злобным врагом.

В этом, пожалуй, секрет широкого распространения романа Гезы Гардони.

Это сделало «Звёзды Эгера» любимейшей книгой венгерской молодёжи. Имена мальчика Гергея Борнемиссы и девочки Эвы Цеци известны в Венгрии каждому школьнику так же, как у нас каждому советскому школьнику известно славное имя Тараса Бульбы, героя романтической го-голевской повести.

Писатель решил показать: «Вот где венгерские витязи ро-

даться!» — и ему удалось сделать это на первых же страницах романа. Маленький Гергей, буквально еще не успев просохнуть после купания, попадает в турецкую неволю, бежит оттуда, завладевает чудесным, быстроногим турецким конём и спасает не только самого себя, но и свою подругу Эву Цеци.

Рано узнаёт он коварство и злобу турецких захватчиков, рано просыпается в нём будущий витязь, борец за свободу и счастье родины. Вот почему, когда он, повзрослев, крушит врага, нам кажутся такими убедительными его поступки, — ведь мы уже хорошо знакомы с ним. Мы присутствовали при самом зарождении богатырского характера и помним, что Гергей и храбр, и находчив, и настойчив.

Конечно, с годами эти качества развивались, в нём всё сильнее проявлялась природа мужественного и смелого витязя. Был он по своим временам человеком широко образованным: владел международным языком той эпохи — латынью, знал турецкий, немецкий, итальянский; и когда

это было необходимо, Гергей мог сойти и за турка и за итальянца. Знал он и химию, чтобы готовить порох, фехтовал, любил читать. Под стать герою и его подруга Эва.

Значительная часть романа посвящена защите старинной венгерской крепости Эгер. Турки осадили её в сентябре 1552 года, завоевав перед этим большую часть страны. Венгерские патриоты защищали от захватчиков свою землю. В их числе были знакомые нам герои романа: Гергей Борнемисса, ставший старшим лейтенантом королевских войск, жена его Эва Цеци и храбрый капитан Иштван Добо.

Осада крепости показана с момента появления у её стен первых турецких лазутчиков до того времени, когда два турецких военачальника, Ахмет-паша и Али-паша, командовавшие двумя армиями, осаждавшими старинные стены, бежали с позором обратно в Блистательную порту.

Я не стану пересказывать всю книгу. Мне хотелось, ребята, лишь познакомить вас с её главными героями для того, чтобы

вы свели с ними более короткое знакомство сами, прочитав роман Гезы Гардони. Заверяю вас: вы узнаете много интересного. Пёструю и многообразную картину сумел нарисовать на страницах своей книги писатель; он познакомил нас со многими людьми и сделал это так, что мы ощутили их друзьями и врагами, что мы почувствовали себя вовлечёнными в действие, происходившее много лет тому назад. Вы будете странствовать по старым венгерским дорогам, обсаженным фруктовыми деревьями, приедете в Стамбул, город, похожий на восточную сказку, попадёте во внутренний двор знаменитой стамбульской тюрьмы, которую охраняют семь башен...

Художник Иштван Биан-Феглейн постарался, чтобы это путешествие стало ещё более впечатляющим. Рисунки его выразительны, исполнены с блеском и с большой полнотой передают и колорит страны и характер эпохи.

В общем, как видите, это очень хорошая, интересная книга.

И. Рахтанов

СУДЬБА СКАЗКИ

В тот день одна из лекций в Петербургском университете прошла не совсем обычно. Профессор словесности Плетнёв, взойдя на кафедру, не стал ничего рассказывать, а раскрыл свежий номер журнала «Библиотека для чтения» и начал читать вслух:

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе — на земле
Жил старик в одном селе.

Студенты слушали, как заворожённые. Сказка звучала пленительно простодушно, народные мотивы чудесно соединились в ней с поэтическим дарованием автора. Трудно было решить, чему больше дивиться: звонкости ли стиха, меткому, сочному языку или же шуткам, заразительно весёлым и крепким, шуткам, в которых искрится молодой задор.

Автор и впрямь был очень молод: ему исполнилось всего только девятнадцать лет. О юности его упомянула и редакция, предпославшая сказке несколько строк: «Библиотека для чтения» считает

долгом встретить с должными почестями и принять на своих страницах такой превосходный поэтический опыт, как «Конёк-Горбун» господина Ершо-

П. П. Ершов.

ва, юного сибиряка, который ещё заканчивает образование в здешнем университете».

Так в 1834 году вышел в свет «Конёк-Горбунок» — сказка остроумная и живая, как и её герой — весёлый крошечный конёк. И, как водится, у неё, как и у всех талантливых книг, сразу же объявились враги и друзья.

Самым ярким врагом, конечно, оказалась царская цензура. Цензорское ухо резали «простонародные», непринуждённые, «дерзкие» стихи Ершова, и безжалостный карандаш одну за другой вымарывал строки, где говорилось о жестокости глупого царя, о жадности урядников и городничих...

Зато каких друзей завоевал себе «Конёк-Горбунок», едва только появился в печати! Здесь и мастер волшебной сказки поэт

Жуковский, и друг Пушкина профессор Плетнёв, о котором мы уже упоминали, и, наконец, сам Александр Сергеевич Пушкин.

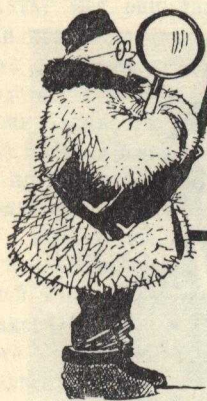
Сохранилось предание, будто Пушкин, прочитав ершовскую сказку, сказал: «Теперь этот род сочинения мне можно оставить». Так или иначе, сказка

Старинная иллюстрация к сказке «Конёк-Горбунок».

странах она так же, как и у нас, прочно вошла в быт, её рассказывают друг другу, ей подражают... Далеко залетел «Конёк-Горбунок» — чудесное создание народной фантазии, воспроизведённое талантливым поэтом!

Ю. Новикова

Волшебная ЛУПА

Антон Антонович Буквица недавно снова заглянул к нам в редакцию.

Стоял погожий солнечный день, было довольно тепло, но «книжный доктор» был одет в какую-то необыкновенно толстую мохнатую куртку и всё время прятал руки в рукава.

— Никак не могу согреться, — пояснил он, — а почему, вы уз-

наете, как только прочитаете эту заметку... Я написал её для читателей вашего журнала.

С этими словами Антон Антонович положил на стол листок бумаги, исписанный чётким крупным почерком.

Вот что стояло на этом листке:

«На днях вечером я снова сел за работу. Мне предстояло подлечить чудесную книжку — старинное издание романа Ивана Лажечникова «Ледяной дом».

Надо вам сказать, ребята, что я с детства люблю «Ледяной дом». Не знаю, случалось ли вам читать этот увлекательный исторический роман, где рассказывается о до-

сердечно порадовала Пушкина. Он мечтал выпустить «Конька-Горбунка» в дешёвом издании с картинками, чтобы книжка дошла до народа.

В этом году исполнилось 140 лет со дня рождения Петра Павловича Ершова. Жизнь автора «Горбунка» сложилась несчастливо. Многообещающий поэт, вольнолюбивый человек, желавший в юности

«...пустыни степи
лучом гражданства озарить,
разрушить умственные цепи
и человека сотворить»,

скончался в бедности и глухом одиночестве.

Но мечта Пушкина сбылась: «Конёк-Горбунок» стал одной из любимейших сказок народа.

Сказку Ершова знаете и любите все вы, ребята! Любят её и за границей. «Конька-Горбунка» не просто переводят, — в некоторых

ме, построенном из ледяных глыб на потеху царицы Анны Иоановны, о жестоком временщике Бироне и отважном патриоте Волынском. Если не читали, то непременно постарайтесь достать её и прочитать.

Раскрыв книгу Лажечникова, я зачитался ею, как мальчишка, и совсем позабыл о своей волшебной лупе. В моём воображении возникли героиня книги — красавица Мариорича и её мать — цыганка Мариула. Мрачный Петербург XVIII века предстал передо мной... В морозном тумане рисовались мне синеватые, блестящие стены ледяного дома, залы, освещённые фосфорическим светом, статуи, среди которых, призывая к мщению, стоит облебенённый труп человека, пытавшегося искать правды у царицы, храбреца, замученного по воле Бирона... Мне казалось, что я сам побывал в ледяном доме, и я продрог так, что до сих пор не могу согреться.

Все, кто читал эту книгу, помнят, должно быть, страницы, где рассказывается, как входит Бирон в ледяную залу и с содроганием

узнаёт в одной из ледяных статуй свою жертву... С презрением и гневом описывает Лажечников гнадменного временщика.

Ненависть к временщику и восхищение перед Волынским я испытывал и в детстве, когда читал книгу в первый раз. Но теперь я вдруг обратил внимание на одно обстоятельство, которого не замечал раньше. Я заметил, что книга эта написана местами с таким горячим волнением, точно речь идёт не о событиях, разыгравшихся за сто лет до жизни Лажечникова, не о XVIII веке, а о чём-то, что непосредственно волновало и возмущало писателя, об очень близком, своём.

Размышляя об этом, я приступил к чтению эпилога — последней части романа.

«...Отец семейства! приведи К могиле мученика сына;

Да закипит в его груди Святая ревность гражданина!» — читал я стихи, поставленные эпиграфом к последней части романа. Под этими стихами нет подписи ни в одном из изданий «Ледяного дома». Они показались мне знакомыми, и я впервые задумался, чьи они. Так и не вспомнив, я хотел продолжать чтение, но строчки дальше были стёртыми, и мне пришлось взяться за лупу...

Я навёл лупу и... протёр глаза. Под эпиграфом, где только что не было никакой подписи, явственно проступили буквы...

«К. Рылеев», — прочитал я... Я отвёл лупу — подпись немедленно исчезла. Наставил лупу — подпись снова появилась. На этот раз она была длиннее, под стихами значилось: «К. Рылеев. «Дума о Волынском»...

В кресле у стола сидел Иван Иванович Лажечников.

В одну минуту я забрался по лесенке к самой верхней книжной полке и достал оттуда томик «Дум» Рылеева. Перелистав его, я снова убедился, что моя волшебная лупа говорит правду. Я нашёл эти строчки в одной из «Дум». Итак, эпиграф к последней части «Ледяного дома» Лажечников действительно взял из стихов Рылеева, поэта-декабриста, казнённого в 1825 году, всего за десять лет до выхода в свет романа.

Понимаете ли вы, ребята, как опасно было печатно напоминать о казнённом декабристе в то жестокое николаевское время? Помещая этот эпиграф, Лажечников рисковал многим, а на такой риск люди не пускаются без серьёзной причины. Значит... Значит, напоминание о Рылееве было очень важно для писателя. И, может

быть, именно здесь, в этом эпиграфе, Лажечников намекает на тайный смысл всей своей книги... И, должно быть, не случайно и то обстоятельство, что, кроме Рылеева, в этой книге не раз цитируется и другой декабрист — писатель Бестужев-Марлинский...

Вооружившись волшебной лупой, я ещё раз пересмотрел главы «Ледяного дома», и мне открылись удивительные вещи.

Теперь я увидел не только Петербург XVIII века, замёрзшую Неву и ледяной дом, окутанный морозным туманом... Я увидел современный Лажечникову николаевский Петербург, где не так давно были казнены декабристы, где чёрные тучи уже сгустились над Пушкиным, Петербург жандармов и полицейских.

Я читал через лупу речи Волынского о том, что он не может «слышать без боли крик русского сердца, раздающийся от края России до другого», и в моих ушах звучали гневные голоса декабристов. А когда под лупой появились строки, в которых говорилось о «системе доносов и шпионства, ...сделавшей из каждого дома тайную канцелярию, из каждого человека движущийся гроб, где заколочены его чувствования, его помыслы», — я почувствовал, что человек, писавший так, думал не только о бирюзовщине, но и о своей эпохе, о тайной канцелярии царя Николая, по воле которого были повешены, отправлены на каторгу, сданы в солдаты и нравственно замучены честнейшие люди России.

Отблеск современных Лажечникову трагических событий лежит на историческом романе «Ледяной дом». «Вот на что намекает эпиграф из стихов декабриста Рылеева», — подумал я в волнении и отложил лупу.

Но через минуту я снова взялся за неё, чтобы рассмотреть внимательней портрет автора — его немолодое, умное и чуть-чуть насмешливое лицо... И — как уже бывало не раз — волшебная лупа преобразила портрет, и мне показалось, что я заглянул через круглое окошечко в большую старинную комнату. В кресле у стола сидел Иван Иванович Лажечников и читал письмо...

Я потёр лупу, буквы на письме стали крупнее, и я увидел почерк Пушкина.

«...Поэзия останется всегда поэзией, — писал великий поэт автору «Ледяного дома», — и многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык».

А. Буквица

Вооружившись волшебной лупой, я ещё раз пересмотрел главы «Ледяного дома».

На широком экране

Ю. Моралевич

Посмотрите на улицу через окно, отойдя от него подальше в глубину комнаты. Во дворе ребята играют в футбол, но вам не удастся увидеть игру. Лишь изредка в светлом прямоугольнике окна промелькнёт мяч или фигура игрока. Как будто вы смотрите на экран, на котором виден совсем небольшой кусок двора.

Сделайте несколько шагов к окну и, хотя размеры его ничуть не увеличились, вы увидите значительно большую часть двора, готового к броску вратаря, ожесточённую схватку на правой половине «поля» и взволнованных болельщиков. Слово каким-то непостижимым образом окно расширилось.

Теперь подойдите к окну вплотную, распахните его и выгляните наружу. Перед вами откроется весь двор.

Обычный кинематограф, изобретённый шестьдесят лет назад, — очень маленькое окно в мир, через которое вдобавок приходится смотреть из глубины комнаты. Киносъёмочным аппаратом можно снимать вблизи крупным планом или издали мелким планом, но просторней от этого на экране не становится. Некоторые сцены кинооператорам приходится снимать по несколько раз только потому, что всё действие, которое нужно показать зрителям, никак не вмещается в «кадр» — в том небольшом пространстве, которое может охватить своим «взглядом» объектив аппарата.

Особенно трудно приходится операторам и актёрам, когда нужно снять демонстрации, морские, сухопутные и воздушные бои, спектакли на больших театральных сценах, спортивные состязания и парады. Сидя на стадионе или на водной станции, вы видите сразу весь ход соревнований или матча. Тот же самый матч вам могут показать и в кино. Но тогда вам удастся увидеть его только по частям. Всё футбольное поле, весь бассейн для плавания очень трудно поместить на тесном киноснимке.

Давно уже конструкторы стали думать над тем, как бы расширить экран. Выкроить полотнище для экрана пошире и подлиннее совсем не трудно. Но дело не в нём, а в киноленте и аппаратах. Ведь по-

Вот как выглядит один и тот же кадр на обыкновенном

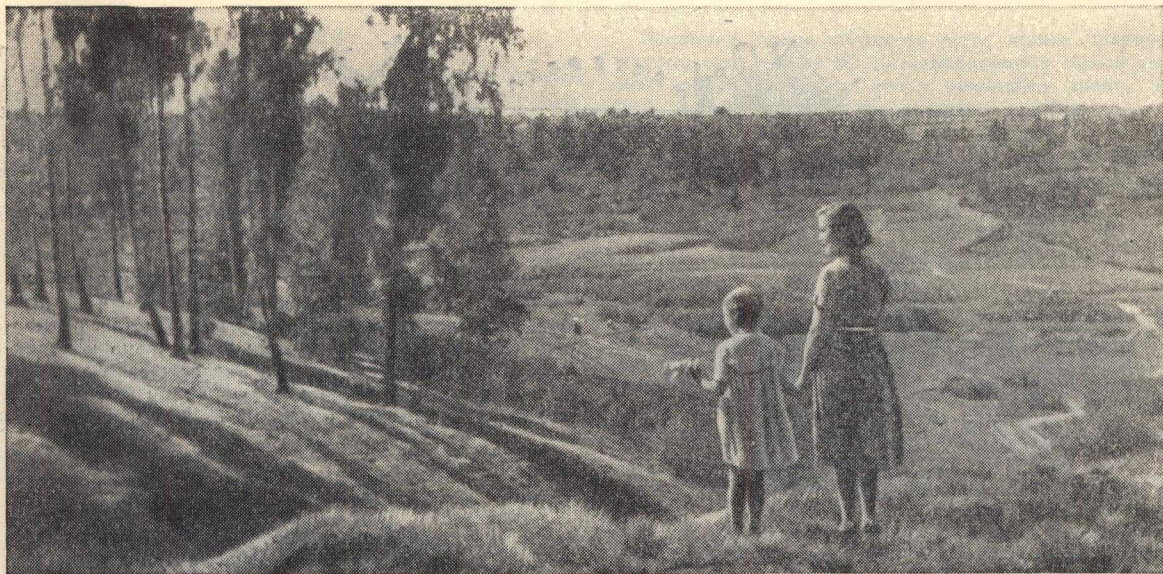
всюду придётся менять аппараты, а их сотни тысяч. И киноплёнка нужна другая, гораздо шире. Трудности были так велики, что многие не верили в создание кино с широким экраном. Конструкторы испробовали немало различных способов, но все они не годились.

И всё же новое окно в мир распахнулось настёж. После многих опытов удалось создать аппараты, которые могли фотографировать на обычную киноплёнку гораздо большее пространство. И получилось так, что на киноплёнке стало теснее, но зато на экране просторней.

Попробуем такую киноленту пустить через обычный проекционный аппарат, ведь снимки на ней такой же величины, как и прежде. И на экране мы увидим изображение обычных размеров. Но что это за изображение!

В комнату с узкими окнами входит смехотворно высокий и тощий человек. Он напоминает Дон-Кихота, только раза в полтора выше и ещё худее. Нелепый человек-угорь подходит к коротенькому дивану. Неужели он собирается лечь? Ведь диван втрое короче! Но удивительный незнакомец всё же ложится. И вдруг, словно в сказке, происходит удивительное превращение: человек-угорь превращается мгновенно в забавного коротышку-толстяка, для которого кургузый диван даже длинноват. А встанет толстяк — и снова перед зрителями высокий и тощий человек. Все предметы на экране почему-то сильно сдавлены с боков, вытянуты вверх.

У себя дома можно проделать похожий опыт. Поглядитесь, как в зеркало, в хорошо начищенный самовар. На блестящей его поверхности вы увидите незнакомого, очень смешного человечка. У него сплюснутая с боков голова, крошечный рот, острый, длинный нос. Теперь положите самовар на бок (без воды, конечно) и снова поглядите на своё отражение. Вместо длинного унылого лица вы увидите широко расплывшуюся рожицу. Рот у неё до ушей, а нос, как крупная картофелина.

и на широком экране.

Из этого простого опыта видно, что в изогнутом зеркале изображения получаются сжатыми или растянутыми. То же самое сделали в широкоэкранным кино, только там вместо кривого зеркала в аппарате стоит специально искривлённое стекло-объектив.

Если через такой объектив сделать снимок, то изображение предметов и пространство, в котором они находятся, сильно сожмутся с боков.

В кинотеатре устанавливают аппарат, у которого тоже в объектив вставлено специально искривлённое стекло. Сжатое изображение, проходя с киноленты на экран через такой «кривой» объектив, развернётся вширь, и ему понадобится экран в три раза шире, чем в обыкновенном кино. А на таком экране втрое больше можно показать.

Больше тридцати лет кино было «немым». Четверть века назад кино стало звуковым. Затем на экране зазеленели листья, море и небо стали голубыми, лица людей румяными, одежды яркими. Кино стало цветным. Теперь его ещё больше усовершенствовали, оно стало широкоэкранным.

Но не будет ли в нём неприятной путаницы со звуком? Крикнул, например, человек с левого края экрана, а звук доносится от динамика, установленного посередине. На правом краю экрана загудел паровоз, а звук гудка опять летит в зал от середины экрана. Никакой путаницы не будет: конструкторы справились со звуком. Его заставили двигаться по экрану, сделали звук стереофоническим.

...Мы с вами в зале кинотеатра. На передней стене его громадный экран. Высота его не изменилась, но ширина увеличилась втрое. По экрану движется колонна танков. За ними на Красную площадь вы-

ходит колонна физкультурников, и все в зале слышат, как удаляется вправо шум моторов уходящих танков, а слева нарастает пение молодых голосов.

Как же ухитряются записывать на киноплёнку этот подвижной и словно выпуклый звук?

Посмотрите на патефонную пластинку. Там в узеньких канавках есть извилистая звуковая дорожка. Игла патефона движется по этим извилинкам, передаёт колебания пластинке — мембране, которая колеблет воздух — издаёт звук. Но в кино такую канавку применить нельзя. Там на ленте сбоку делают магнитную дорожку. А дальше всё устроено, как в радиоприёмнике: от электромагнитных колебаний звучит динамик.

Так действует обычное звуковое кино, в котором звук получается в одном динамике. Но для широкоэкранным кино такое устройство не годится. Ведь звук должен двигаться по экрану!

Здесь установлены динамики для звука справа, для звука слева и звука, возникающего посередине. И для каждого на киноленте есть отдельная звуковая дорожка. Запел артист на экране слева — и его песню вы услышите только из левых динамиков. Идёт певец направо — и песня с ним движется. Вот она слышна из среднего динамика, затем из правых динамиков.

Скоро в больших городах все смогут смотреть на широком экране цветные фильмы с движущимся по экрану звуком. А пройдёт ещё немного времени — и появятся повсюду широкоэкранные кинопередвижки. Идти придётся недолго, ведь широкоэкранным кино уже есть. Смелая фантазия конструкторов ожила, ещё одна мечта стала былью.

УЧИТЕСЬ ВЯЗАТЬ

М. Гай-Гулина

Вязанье — полезное занятие и очень увлекательное, если только терпеливо преодолеть небольшие начальные трудности. Попробуйте, ребята, вязать, и вы сами убедитесь в этом.

Прежде всего нужно научиться набирать петли.

НАБОР ПЕТЕЛЬ

Отмотайте от клубка нитку длиной примерно в полметра, накиньте её на большой палец левой руки,

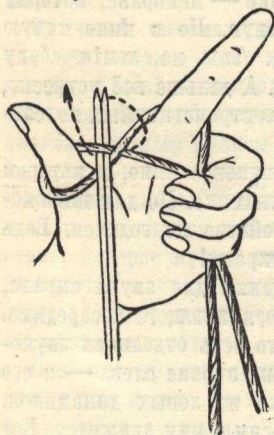

Рисунок 1.

а потом обведите вокруг указательного пальца и оба конца прижмите к ладони тремя свободными пальцами. (Смотрите рисунок 1.)

Затем надо взять в правую руку две сложенные вместе спицы и ввести их концы в петлю, образовавшуюся вокруг большого пальца, подхватить спицами **сверху** нитку, накинутую на указательный палец, и втянуть её в петлю (как показано стрелкой на рисунке), а петлю с большого пальца сбросить.

Подхватите большим пальцем **сверху** нитку, идущую от клубка, и, раздвинув большой и указательный пальцы, затяните первую петельку, образовавшуюся на спицах. Следующие петли набираются точно так же. Когда нужно количество петель набрано, осторожно выдерните одну из спиц.

ЛИЦЕВЫЕ ПЕТЛИ

А теперь надо научиться вязать лицевые петли.

Возьмите в правую руку свободную спицу, а в левую — спицу с набранными петлями. Накиньте нитку,

идущую от клубка, на указательный палец левой руки, прижмите её средним пальцем. Затем надо правую спицу ввести в отверстие первой петли, подхватить **сверху** нитку с указательного пальца и протянуть её в петлю. (Рисунок 2.) Указательным пальцем правой руки подтолкните левую спицу и снимите с неё первую лицевую петлю на правую спицу.

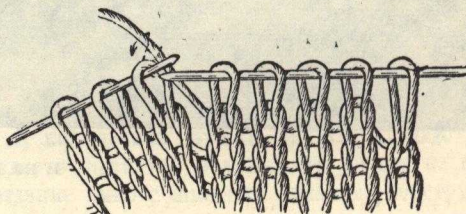

Рисунок 2.

Наберите на спицы 15 петель и провяжите 10 рядов лицевыми петлями. Такая вязка называется «верёвочка».

Запомните, что первая петля всегда, в начале каждого ряда провязывается **налицо**, а последняя снимается **непровязанной** на правую спицу. Вязать надо свободно, не натягивая нитку.

ИЗНАНОЧНЫЕ ПЕТЛИ

Это немного потруднее.

Возьмите в правую руку свободную спицу, а в левую — спицу с набранными петлями. Первую петлю, как всегда, провяжите **налицо**. Потом накиньте нитку на левую спицу и поместите её перед первой петлёй. (Рисунок 3.) Подведите правую спицу под нитку,

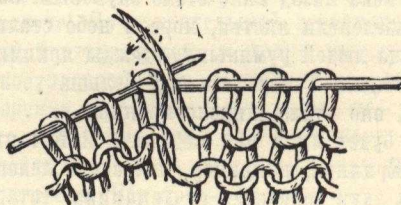

Рисунок 3.

введите её в отверстие петли, подхватите снизу нитку (как показывает стрелка) и протяните в петлю. Указательным пальцем правой руки подтолкните левую спицу и снимите с неё первую изнаночную петлю на правую спицу.

Наберите на спицы 15 петель и вяжите один ряд лицевыми петлями, второй — изнаночными, третий — опять лицевыми и т. д. Такая вязка называется «чулочной».

РЕЗИНКА

Наберите на спицы 20 петель и вяжите. Первый ряд: чередуйте две лицевые петли, две изнаночные. Так до конца ряда.

Во втором ряду вяжите лицевые петли над лицевыми, а изнаночные над изнаночными.

Дальше все нечётные ряды вяжутся, как первый ряд, а все чётные, как второй. (Рисунок 4.) Можно

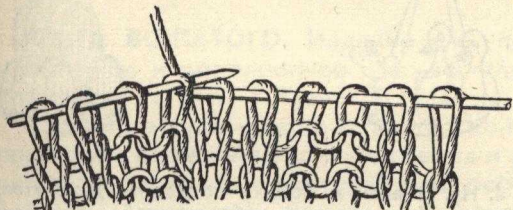

Рисунок 4.

вязать резинку и по-другому: чередовать одну лицевую и одну изнаночную петлю или: три лицевых и три изнаночных петли и т. д.

КАК ЗАКАНЧИВАТЬ ГОТОВУЮ РАБОТУ

Готовую работу нужно снять со спиц так, чтобы она не распускалась. Для этого провяжите две лицевые петли, а затем введите левую спицу поверх правой в первую петлю и протяните через неё вторую петлю, как показывает стрелка на рисунке 5. Сле-

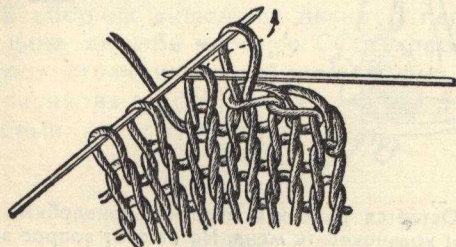

Рисунок 5.

дующую петлю опять провяжите налицо и протяните её через предыдущую. Так до тех пор, пока на правой спице не останется одна петля. Последнюю петлю надо вытянуть посильнее и оборвать нитку.

Теперь вы овладели главными приёмами вязания и можете связать себе шарфик и варежки.

ШАРФИК

Шарфик хорошо сделать красным с серыми полосками.

Наберите на спицы 60 петель красной шерсти и провяжите 14 рядов «верёвочкой» (лицевыми петлями по лицу и изнанке работы). Потом оборвите красную нитку и привяжите к ней серую. Свяжите 14 рядов чулочной вязкой (лицевыми петлями по лицу и изнаночными по изнанке). Дальше вяжите красной шерстью «верёвочкой», серой — чулочной вязкой в следующем порядке:

4 ряда красной шерстью, 10 рядов — серой, 8 — красной, 6 — серой, 12 — красной и, наконец, 4 ряда серой шерстью.

Закончив таким образом один конец шарфика, вяжите следующие 50 см «верёвочкой» одной красной шерстью. После этого начинайте вязать второй конец, располагая полосы в обратном порядке.

Шарфик готов. Остаётся только приделать кисточки и прогладить шарфик через плотную мокрую тряпку.

ВАРЕЖКИ

Правая варежка. Наберите 52 петли красной шерсти и свяжите резинкой манжет варежки высотой в 6 см. Дальше вяжите красной шерстью «верёвочкой», а серой — чулочной вязкой. Вяжите в следующем порядке:

10 рядов серой шерстью, 2 — красной, 12 — серой, 4 — красной.

Затем провяжите 27 лицевых петель серой шерстью, снимите следующие за ними 10 красных петель на английскую булавку, а вместо них накиньте пальцами на правую спицу 10 новых серых петель ниткой, идущей от клубка. (Так у вас получится отверстие для большого пальца.) Следующие 15 петель вяжите до конца ряда лицевыми петлями серой шерстью. Поверните работу наизнанку, провяжите весь ряд изнаночными петлями, после чего свяжите ещё 6 рядов чулочной вязкой серой шерстью.

Дальше вяжите:

8 рядов красной шерстью, 6 — серой, 14 — красной, 6 — серой, 14 — красной.

Теперь нужно начать спуск петель. Для этого переведите все петли на четыре чулочные спицы и распределите их следующим образом: 27 петель для верхней части варежки, из них 14 петель наденьте на первую спицу, 13 — на вторую; следующие 25 петель для ладони, из них 13 петель наденьте на третью спицу, 12 — на четвёртую. Оторвите серую нитку и дальше вяжите одной красной шерстью. Сложите работу пополам так, чтобы варежка была к вам обращена верхней частью, и накиньте нитку, идущую от клубка, на указательный палец левой руки. В правую руку возьмите пятую спицу, снимите на неё первую петлю с первой спицы, не провязывая. Следующую петлю провяжите налицо и протяните её через снятую петлю, как показано на рисунке 5. Остальные 12 петель и 10 петель со второй спицы провяжите налицо, а две последние петли провяжите вместе. Поверните варежку ладонью кверху и первую петлю с третьей спицы снимите непровязанной. Следующую петлю провяжите налицо и протяните её через снятую петлю. Остальные 11 петель и 10 петель с четвёртой спицы вяжите налицо, а две последние петли опять вместе. Такой спуск продолжайте до тех пор, пока на спицах не останется одна петля. Затяните её потуже и оторвите нитку.

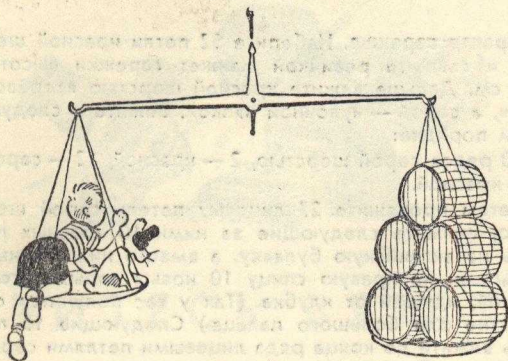
Палец. Снимите на спицу 10 красных петель с английской булавки, а другой спицей подберите серые петли, которые были накинута вместо снятых. Распределите все петли на четыре спицы поровну и вяжите палец красной шерстью чулочной вязкой 4 см в высоту. Затем начинайте постепенно спускать петли с двух сторон, как на варежке. Готовую варежку аккуратно сшейте с изнанки от мизинца до кисти и вязальным крючком заделайте внутрь кончики ниток. Осторожно прогладьте варежку через мокрую тряпку.

Левая варежка. Вяжется так же, как правая, но отверстие для пальца делается с другой стороны.

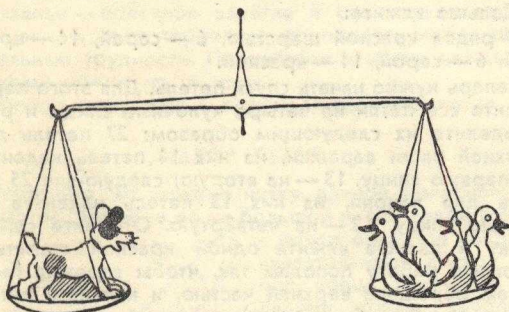
В ЧАСЫ ДОСУГА

ВЕСЁЛЫЕ УРАВНЕНИЯ

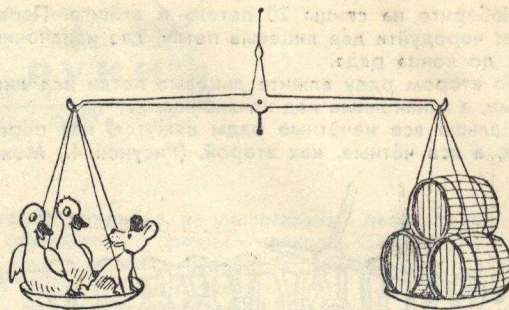
1. Интересно, сколько мы весим с Бобиком? Вместе гирь используем вот хотя бы эти пустые бочонки.

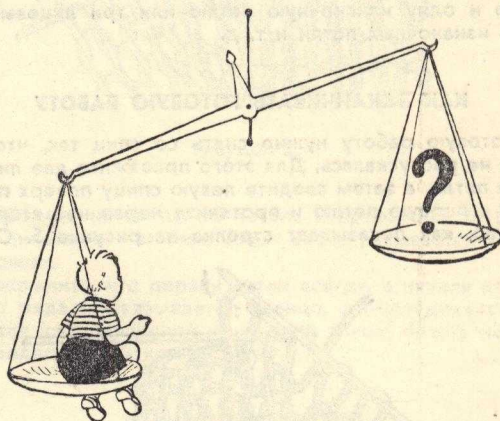
2. Какое совпадение! Тютелька в тютельку!..

3. А интересно: во сколько раз Бобик тяжелее утки? Ого, ровно в четыре раза!

4. Ну, а если к Бобику посадить двух уток, то сколько бочонков понадобится, чтобы уравновесить их? М-да... Всё-таки три бочонка.

5. Остаётся выяснить, сколько понадобится уток, чтобы уравновесить меня. Но на этот вопрос вы, ребята, сумеете ответить и не взвешивая.

ОТВЕТЫ

на задачи, помещённые в номере 9

Указатель

Ребята вышли из села Завидово, значит, они смогли поставить указатель, направив его надписью «Завидово» в нужную сторону. Это и помогло им найти путь в деревню Берёзово.

Из двух слов — третье

1. Камелия. 2. Пароход. 3. Картина. 4. Крапива. 5. Пеликан.

6. Паровоз. 7. Суббота. 8. Moskit. 9. Кувалда. 10. Лимонад. 11. Виноград. 12. Пластика. 13. Жаворонок. 14. Карикатура. 15. Ватерпас. 16. Гармоника. 17. Контакт. 18. Тарантас. 19. Бородавка. 20. Антилопа.

Назовите птиц

1. Клётс. 2. Чомга. 3. Дубонос. 4. Щегол. 5. Чиж. 6. Ласточка. 7. Чечётка. 8. Трясогузка. 9. Дя-

тел. 10. Мандаринка. 11. Дронго. 12. Зарянка. 13. Стрепет.

«Кто много читает, тот много знает»

Загадочная надпись

В надписи надо прочесть только буквы русского алфавита.

На камне написано: «Вы не туда попали, скорее меняйте свой маршрут!»

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д-3-30-73. Рукописи не возвращаются.

А 04678. Подписано к печати 20/IX 1955 г. Тираж 300 000 экз. Изд. № 770. Зак. 2284. Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ ЛИТЕРАТУРА

КНИГА ВОЖАТОГО. Издание 6-е, переработанное и дополненное. Изд-во «Молодая гвардия». 1955 г. Цена 21 р. 80 к.

В книге рассказывается о пионерской организации, истории её возникновения и развития, о формах и методах её работы. В помощь вожатому помещены практические материалы и советы по физическому, трудовому и художественному воспитанию пионеров, развитию детского технического творчества, организации пионерских походов по родному краю.

ПЕСНИ ПИОНЕРОВ. Сборник. Составитель и музыкальный редактор **В. Локтев.** Издание 2-е, переработанное и дополненное. Изд-во «Молодая гвардия». 1955 г. Цена 21 р. 20 к.

В сборник включены песни о партии, о Родине, дружбе народов СССР, песни пионеров стран народной демократии, песни о пионерах-героях, пионерские марши, лагерные, туристские песни и др.

ПЕСНИ НАРОДОВ СССР. Для детского хора с фортепиано. Музгиз. 1953 г. Цена 6 р. 75 к.

В сборник включены русские, украинские, белорусские, грузинские, азербайджанские, армянские, туркменские, удмуртские, мордовские, башкирские, литовские и другие песни.

Салиман-Владимиров Д. ПЕСНЯ СОВЕТСКИХ ШКОЛЬНИКОВ («Сегодня мы с песней веселой под знаменем красным идем»). Для хора с фортепиано. Музгиз. 1950 г. Цена 90 коп.

Солодухо Я. ЧЕТЫРЕ ПЕСНИ ДЛЯ ДЕТЕЙ на слова П. Воронько в переводе С. Маршака. Музгиз. 1952 г. Цена 1 р. 75 к.

Перечисленные книги продаются в магазинах книготоргов и высылаются по почте наложенным платежом отделами «Книга — почтой» республиканских, краевых и областных книготоргов.

Главкниготорг

ЛЮБИТЕЛЬ МУЗЫКИ

Я. Аким.

Рисунок Е. Ведерникова.

Когда в вечерней тишине
Прорвётся хрип весёлый,
Все знают: Витя на окне
Заводит радиолу.

Ударных молотящий стук
И клокотанье джаза
Пускает он на полный звук,
Короче — до отказа.

Имея опыт длительный,
Соседям не в новинку
Весь вечер слушать витину
Любимую пластинку.

Вот, оторвавшись от наук,
Старик-профессор вышел;
— Прошу прощенья, юный друг,
Нельзя ли сделать тише?

Клепальщик выглянул:
— Браток,
А ну-ка прикрути чуток,
Мне стука в этом роде
Хватает на заводе!

Бухгалтер взялся за виски,
Виски зажало, как в тиски:
Скверное явление —
Высокое давление!

Бранится молодая мать:
Ну как тут сына укачать?!
Заткнул привычно уши
Племянник тёти Нюши.

А над двором — в который раз! —
В одну дуду грохочет джаз.
...Профессор окна притворил.
Клепальщик нервно закурил.
Студент за книгою ворчит.
Малыш у матери кричит.
Больной в постели мается.
Но радиолы на окне
Ничуть не унимается.

Любителя не удержать,
Твердит одно и то же:
— Я всех заставлю уважать
Запросы молодёжи!

